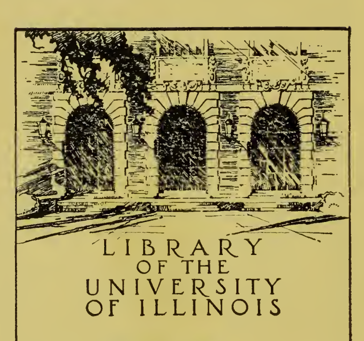

НЫНѢШНЯЯ АМЕРИКА

СОЧИНЕНІЕ

ЖОНВО.

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ

ЛАБУЛЭ.

ПЕРЕВОДЪ

ЕЛЕНЫ БЛАРАМБЕРГЪ.

Изданіе А. Кочетова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, домъ № 15.
1872.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Издавая на русскомъ языкѣ трудъ г. Жонво (Jonveaux), мы считаемъ необходимымъ сказать по поводу его нѣсколько словъ. Предисловіе г. Лабулэ позволяетъ намъ уклониться отъ общей характеристики книги; мы скажемъ только о томъ, о чемъ умолчалъ г. Лабулэ.

Книга г. Жонво написана, дѣйствительно, талантливо, живо и интересно. Несмотря на то, что у насъ существуетъ уже нѣсколько сочиненій объ Америкѣ, мы не задумываясь издаемъ ее, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ много такого, чего не касались другіе авторы. Есть, правда, у него нѣсколько фактовъ, помѣщенныхъ и въ «Новой Америкѣ» Диксона, но эти заимствованные нѣсколько фактовъ не умаляютъ общей самостоятельности труда.

Однако, рядомъ съ серьезными достоинствами, книга эта содержитъ, по нашему мнѣнію, существенные недостатки, легко объяснимые личностью автора. Г. Жонво католикъ , и притомъ un *bon* catholique. Подобно мономану, который, говоря здраво о всѣхъ вещахъ, начинаетъ увлекаться и смотрѣть односторонне и ложно, лишь только дѣло коснется предмета его болѣзни, г. Жонво, вообще безпристрастный и независимый, дѣлается крайне пристрастнымъ и одностороннимъ католикомъ, чуть только заговоритъ о религіи. Нѣтъ сомнѣнія, что католицизмъ развивается въ Соединенныхъ Штатахъ; но вѣдь рядомъ съ нимъ развивается тамъ, напримѣръ, и мормонство. Весьма также вѣроятно, что торжественная обстановка

католическаго богослуженія и обрядовая сторона католичества болѣе вліяютъ на освобожденныхъ негровъ и на бѣдныхъ ирландскихъ ремесленниковъ, чѣмъ скромная обстановка протестантскихъ сектъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что католичество единственная религія, которая удовлетворяетъ религіознымъ потребностямъ ума и сердца? Между тѣмъ, такъ думаетъ г. Жонво. Для него христіанство— это католицизмъ, и только католицизмъ, церковь—только католическая церковь.

О протестанствѣ онъ говоритъ всегда съ недоброжелательствомъ; о дѣятельности же протестантскихъ миссіонеровъ вовсе не упоминаетъ. Между тѣмъ, цѣлую главу посвящаетъ онъ выпискамъ изъ одной статьи американскаго журнала «Atlantic Monthly», въ которой неизвѣстный протестантъ весьма наивнымъ образомъ и съ претензіей на юморъ описываетъ величіе католическаго богослуженія и вообще восхваляетъ католицизмъ и его учрежденія. Глава эта (Les catholiques du Nouveau Monde), состоя лишь изъ цитуемыхъ словъ весьма неглубокомысленнаго протестанта, представляетъ такъ мало интересныхъ данныхъ, что мы рѣшились выпустить ее изъ русскаго изданія; тѣмъ болѣе, что въ послѣдней главѣ, озаглавленной: «Біографія о. Геккера», г. Жонво опять весьма много говоритъ о католицизмѣ вообще, и развиваетъ нѣкоторыя мысли, заключающіяся въ выпущенной главѣ. Во многихъ мѣстахъ книги просвѣчиваетъ клерикальный характеръ автора, который естественно мѣшалъ часто безпристрастной оцѣнкѣ.

Другая слабая сторона г. Жонво, это его взглядъ на женское образованіе. Глава X, посвященная исключительно этому вопросу, содержитъ въ первой своей половинѣ много характеристичныхъ фактовъ, рисующихъ положеніе женщины и ея образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Всѣ эти факты толкаютъ непреодолимо только къ одному выводу, именно къ тому, что американцамъ удалось здраво и безъ предубѣжденія взглянуть на дѣло, чисто по американски поставить и разрѣшить вопросъ. Между тѣмъ,

г. Жонво приходитъ на основанiи этихъ фактовъ къ другимъ умозаключенiямъ. Переходъ его отъ фактическаго изложенiя къ личнымъ выводамъ крайне интересенъ. «Нѣкоторые изъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ математики въ Новой Англiи, говоритъ онъ,—женщины; въ университетахъ, гдѣ оба пола слушаютъ однѣ и тѣ же лекцiи, дѣвушки почти всегда отличаются быстротою ума и точностью отвѣтовъ». «Изъ этого неоспоримаго факта,—продолжаетъ онъ,—американцы, по нашему мнѣнiю, весьма ошибочно заключили, что одно и то же образованiе годится и для мущинъ и для женщинъ *)». Ошибочность этого взгляда онъ мотивируетъ различiемъ обязанности мужчины и женщины. Женщинамъ, по его мнѣнiю, нѣтъ надобности изучать алгебру, математику, философiю, не зачѣмъ разсуждать о соцiальныхъ вопросахъ, такъ какъ вся ихъ будущность замкнется въ сферѣ домашняго очага, въ хозяйничаньи. Общественная арена не для нихъ, вся ихъ задача быть (употребляя выраженiе Токвилля) «нѣжными супругами и милыми подругами мужчинъ». Но кто же назначилъ имъ такую роль? Кто поставилъ ихъ въ положенiе только «нѣжной супруги и милой подруги мужчины», заградивъ имъ доступъ къ самостоятельному бытiю, удаливъ ихъ отъ самостоятельной дѣятельности? Безъ сомнѣнiя, само общество. Слѣдовательно, и уничтожить такой порядокъ можетъ то же общество. Броженiе въ этомъ смыслѣ существуетъ въ настоящее время въ большей или меньшей степени едва-ли не во всѣхъ государствахъ. Въ различныхъ мѣстностяхъ вопросъ стоитъ различно, смотря по соцiальнымъ и педагогическимъ условiямъ страны. Америка, какъ новое государство, могла отрѣшиться отъ прежнихъ предразсудковъ и взглянуть на дѣло безъ предубѣжденiя, какъ взглянула она на многое другое. Поставивъ вопросъ прямо и просто, она не рѣшилась однако разрѣшить его, не испытавъ дѣла на практикѣ.

*) Стр. 193.

Двери школъ всѣхъ разрядовъ были открыты одинаково какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ, и результатъ вышелъ блистательный, чего не отрицаетъ и самъ г. Жонво. Что же можетъ заставить теперь американцевъ раскаяться въ ихъ рѣшимости и вернуться вспять? Напротивъ, г. Гиппо, изучавшій общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ и посвящающій женскому образованію много страницъ своей книги, пишетъ: «Право для женщинъ на обученіе, равное тому, какое получаютъ мужчины, встрѣчаетъ теперь въ большей части штатовъ Америки только очень слабое сопротивленіе. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе упрочивается взглядъ, открывающій имъ всѣ пути, которые до сихъ поръ были для нихъ закрыты» *). Оно и не можетъ быть иначе. Главный доводъ, который обыкновенно приводятъ въ защиту лишенія женщинъ правъ на высшее образованіе, состоитъ въ ихъ неспособности къ высшему развитію. Американки блистательнымъ образомъ опровергли этотъ доводъ, и онъ болѣе не существуетъ для Америки. Американцы увидѣли въ женской половинѣ народонаселенія силу, которая способна къ широкой дѣятельности, если только дать ей полное общечеловѣческое развитіе; пренебрегать этой силой было бы противно интересамъ націи. Гдѣ остановить это развитіе — рѣшать невозможно, потому что кто же можетъ сказать далѣе какого предѣла неспособенъ развиться женскій умъ? Американцы не дали еще, правда, женщинамъ политическихъ правъ, но и это вѣроятно современемъ окажется возможнымъ, и тогда «трибуны въ юбкахъ» не будутъ уже такъ смѣшны въ глазахъ г. Жонво. Все возможно молодой, сильной и здоровой Америкѣ.

---

*) «Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ». Гиппо. стр. 94.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книги, въ которыхъ излагается что либо о Соединенныхъ Штатахъ, читаются въ настоящее время съ большимъ интересомъ. Америка въ модѣ и, по моему мнѣнію, эта общественная благосклонность еще не приближается къ концу. Если удивляются американскому народу, то это не только потому, что онъ энергично велъ безпримѣрную гражданскую войну, и что онъ восторжествовалъ надъ возмущеніемъ, не прибѣгая къ диктаторству, всегда гибельному для свободы; но еще и потому, что Америка представляетъ намъ зрѣлище всемогущей демократіи, обязанной только самой себѣ своимъ благосостояніемъ и своимъ величіемъ. Старая Европа находитъ здѣсь образецъ, отъ котораго она не можетъ оторвать свои взоры; Соединенные Штаты рѣшили задачу, которую Франція разрабатываетъ уже восемдесятъ лѣтъ со столькими треволненіями и бѣдствіями.

Какимъ недугомъ страдаетъ Европа? Полнымъ измѣненіемъ въ жизненныхъ условіяхъ. Это новый міръ, начинающійся у состарѣвшихся народовъ, это древнее общество, пытающееся переродиться и помолодѣть. До 1789 г., и даже можетъ быть позже, у насъ смотрѣли на трудъ, какъ на рабское дѣло. Всѣ почести, всѣ милости выпадали на долю военнаго искусства, администраціи, юстиціи. Рабочій и крестьянинъ, отодвинутые въ самый послѣдній рядъ, несли всю тяжесть общественнаго бремени, и взамѣнъ получали только презрѣніе лицъ привиллегирован-

ныхъ. Въ настоящее время промышленность — царица міра; трудъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе уваженія; онъ даетъ богатство и вліяніе; съ нимъ-то и приходится теперь вести счеты. Правда, военная служба сохраняетъ еще нѣкоторый дворянскій лоскъ; несомнѣнно, что буржуазія домогается общественныхъ должностей, и въ глуши провинціи можно еще встрѣтить мелкихъ дворянъ, ставящихъ празднаго и бѣднаго дворянина гораздо выше богатаго и работящаго буржуа; но это послѣдніе проблески жизни умирающаго общества; демократія распространяется, и безостановочно приближается время, когда земледѣліе и промышленность сознаютъ свои силы, и законы будутъ издаваться въ пользу тѣхъ, которые работаютъ, и тѣми, которые работаютъ. Самоуправленіе страны, это желаніе всѣхъ свѣтлыхъ и свободныхъ умовъ, не будетъ ничѣмъ инымъ, какъ побѣдой труда надъ праздностью.

Этотъ волнующій насъ вопросъ давно уже рѣшенъ американцами, которымъ обстоятельства болѣе благопріятствовали. Переселяясь изъ старой Европы, они оставили за собою старое правительство, дворянство, установленную церковь, централизацію, постоянное войско; привиллегія никогда не проникала къ нимъ, праздность всегда считалась у нихъ безчестіемъ; ихъ общество всегда было основано на двухъ несокрушимыхъ фундаментахъ: трудъ и равенство. Но это еще не все; какъ будто для того, чтобы показать старому свѣту, что этотъ новый принципъ цивилизаціи не зависитъ ни отъ расы, ни отъ происхожденія, американцы открыли свою страну всѣмъ народамъ свѣта: ирландцы, англичане, шотландцы, нѣмцы, французы, шведы, норвежцы ежегодно толпами прибываютъ туда, ничуть не нарушая общественнаго строя. Духъ труда и свободы быстро перерождаетъ этихъ новыхъ пришельцевъ и дѣлаетъ изъ нихъ настоящихъ американцевъ.

Отчего происходитъ такое быстрое перерожденіе? Какимъ образомъ, напримѣръ, Калифорнія, наводненная переселенцами всѣхъ странъ и всѣхъ племенъ, сдѣлалась,

менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ, вполнѣ американскимъ штатомъ по нравамъ, чувствамъ и понятіямъ? Это чудо объясняется вполнѣ естественными причинами.

Три элемента составляютъ новый духъ, оживляющій американскую демократію; эти три элемента, прекрасно освѣщенные г. Жонво: свобода, воспитаніе и религія. Всѣ они болѣе или менѣе не достаютъ нашему старому континенту.

Для школы, долго царствовавшей во Франціи и имѣющей еще теперь не мало адептовъ, свобода заключается прежде всего и единственно въ политической свободѣ. Выборы, происходящіе помимо администраціи, отвѣтственность министровъ, правленіе палатъ, пресса и судъ присяжныхъ—вотъ что составляетъ свободу народа. Въ этомъ заключается, по моему, важная ошибка, которою объясняется неуспѣхъ двухъ послѣднихъ монархій. Увлеклись примѣромъ англичанъ и теоріями Монтескье и не замѣтили, что у нашихъ сосѣдей парламентарный режимъ есть только слѣдствіе мѣстной и личной свободы, составляющей силу и славу старой Англіи. Политическая свобода — одинъ изъ элементовъ свободы, но это еще далеко не вся свобода. Это дѣйствительно главная гарантія, ничто не можетъ замѣнить ее; но надо еще, чтобы эта гарантія защищала кого нибудь и чтобы за укрѣпленной оградой былъ городъ и граждане. Что такое парламентарное правленіе съ учрежденіями стараго режима: централизаціей, привиллегіей должностныхъ лицъ, зависимостью церквей, обученіемъ въ рукахъ государства; при отсутствіи свободы общинъ и департаментовъ, права ассоціацій, сходокъ и петицій? Это—обманчивая система, которая обѣщаетъ свободу, но не даетъ ея; слишкомъ часто также владычество нѣсколькихъ политическихъ двигателей, управляющихъ подобно тѣмъ, которыхъ они свергли, и поющихъ ту же самую пѣсню съ претензіей на лучшее исполненіе. Какое дѣло хлѣбопашцу и рабочему до этихъ споровъ трибунъ, не мѣняющихъ ничего въ его положеніи?

Разумѣется, онъ можетъ присоединиться къ нимъ въ минуту негодованія, онъ можетъ искать въ самой крайней оппозиціи средства противъ тѣхъ золъ, отъ которыхъ онъ страдаетъ; онъ можетъ все низвергнуть, все сокрушить, чтобы покончить разъ на всегда. Но мы видѣли въ 1848 г. къ чему служитъ революція, если она приводитъ къ власти людей, проникнутыхъ старыми понятіями и воображающихъ, что народу дано счастіе, если измѣненъ ярлычекъ его правительства. Для основанія демократіи во Франціи, надо бы другихъ политическихъ людей, чѣмъ республиканцы 1848 года. Не съ ошибками неудавшейся революціи, не съ печальной мишурой Конвенціи установятъ свободу во Франціи.

Пусть Америка служитъ намъ примѣромъ. Тамъ свобода не сосредоточена въ одной законодательной палатѣ; она вездѣ, какъ воздухъ и свѣтъ. Она—богатство семьи, достояніе послѣдняго гражданина, даже иностранца, переселяющагося съ другаго берега Атлантическаго океана. Онъ воленъ поселиться гдѣ желаетъ, жить какъ хочетъ, принадлежать къ какой угодно религіи, воспитывать своихъ дѣтей на свой ладъ; воленъ писать, говорить, носить оружіе, соединяться или сближаться съ кѣмъ онъ хочетъ; съ перваго же дня онъ вмѣшивается въ управленіе школою, церковью и общиной, такъ что онъ едва замѣчаетъ, что есть центральное правительство и Конгрессъ. Это правительство, разумѣется, существуетъ, но лишь для того, чтобы быть представителемъ національнаго единства извнѣ и для поддержанія внутренняго мира, своимъ присутствіемъ болѣе, чѣмъ своимъ авторитетомъ. Никогда оно не вмѣшивается въ дѣла гражданина, никогда американецъ не принужденъ преклоняться передъ должностнымъ лицомъ, чтобы получить какъ милость то, что ему принадлежитъ какъ право. Каждый самъ себѣ господинъ, и не только одинъ разъ каждые шесть лѣтъ, но всегда, съ единственнымъ условіемъ уважать независимость своего сосѣда, не страшась никого и ничего, кромѣ справедли-

выхъ законовъ, примѣняемыхъ присяжными или судьями, никогда не стоящими въ зависимости отъ правительства. Никакой постоянной арміи, никакого рекрутскаго набора, никакой администраціи: это царство совершеннаго равенства и совершенной свободы. Отсюда эта индивидуальная энергія, поражающая насъ; отсюда эта дѣятельность, рождающая чудеса. Каждый можетъ домогаться всего; но каждый можетъ разсчитывать только на самого себя; покровительствуемыхъ нѣтъ, потому что нѣтъ покровителей. Жизнь тамъ болѣе сурова, чѣмъ въ Европѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она тамъ болѣе сильная и болѣе благородная. Тамъ болѣе гордятся быть человѣкомъ и гражданиномъ.

Какимъ образомъ такое общество можетъ держаться безъ полиціи, безъ жандармовъ, безъ солдатъ?—Тамъ нѣтъ, какъ у насъ, слѣпыхъ страстей, животныхъ побужденій. А откуда у насъ это ослѣпленіе и эти побужденія? Отъ невѣжества. Только одно воспитаніе можетъ основать свободу въ учрежденіяхъ и нравахъ, дѣлая каждаго гражданина охранителемъ общественнаго порядка и защитникомъ закона.

Вотъ что было прочувствовано въ Америкѣ съ перваго же дня, и что теперь тамъ еще болѣе чувствуется. Пусть прочтутъ то, что г. Жонво пишетъ о школахъ и о воспитаніи женщинъ въ Америкѣ; тогда поймутъ, какъ одно и то же образованіе, даваемое всему народу, внушаетъ ему одинъ и тотъ же духъ. Крѣпость и сила Америки въ ея школѣ. «Предоставьте мнѣ воспитаніе, говорилъ Лейбницъ, и съ этимъ рычагомъ я подыму весь міръ». Это была тоже мысль Грековъ. Нѣтъ общаго воспитанія — нѣтъ и гражданъ. Американцы снова вернулись къ этому древнему преданію. Точно также, какъ ихъ общины, съ ихъ народнымъ и прямымъ правительствомъ, напоминаютъ греческіе и римскіе города, никогда не знавшіе представительнаго режима, точно также ихъ воспитаніе напоминаетъ гражданское воспитаніе, которому мы обязаны чудесами древней цивилизаціи. Но есть одна разница, вполнѣ къ выгодѣ Аме-

рики. Это воспитаніе не есть привиллегія одной высшей расы, но распространяется какъ на самыхъ низшихъ, такъ и на самыхъ высшихъ, и основываетъ не аристократію, а демократію. Что особенно замѣчательно въ американской системѣ, это быстрота ея дѣйствія. Достаточно одного поколѣнія, чтобы переродить цѣлый народъ. Пусть прочтутъ у г. Жонво главу подъ названіемъ «*Вопросъ о неграхъ*», и тогда познакомятся съ однимъ изъ чудесъ современной демократіи. Переродить четыре съ половиной милліона негровъ, удерживаемыхъ въ невѣжествѣ и въ животномъ состояніи, научить мущину—раба, и особенно женщину—рабыню самоуваженію, приличію, честности, когда впродолженіе двухъ вѣковъ безжалостные владѣльцы заглушали въ этомъ несчастномъ племени даже самый зародышъ человѣчности — вотъ дѣйствительно христіанское дѣло, передъ которымъ блѣднѣютъ дѣла всѣхъ миссіонеровъ! Женщины Новой Англіи не побоялись презрѣнія, оскорбленій и грубаго обращенія, и начали это дѣло, увѣнчавшееся полнымъ успѣхомъ. Уже жатва даетъ болѣе чѣмъ надежду. Лишь только освобожденный вчера негръ получилъ нѣкоторое образованіе, онъ въ свою очередь дѣлается освободителемъ своихъ братьевъ. «Мой народъ подымется при помощи образованія и религіи», говорилъ мнѣ два года тому назадъ г. Пэйнъ (Payne), сынъ негра и индіанки, сдѣлавшійся епископомъ въ церкви методистовъ; онъ былъ правъ. Уже эти бѣдные люди управляютъ сами частью своихъ школъ и вносятъ на нихъ плату. Учителя негры ни въ чемъ не уступаютъ бѣлымъ, ни умомъ, ни усердіемъ. Въ Европѣ, между освобожденными изъ рабства классами, много-ли можно найти людей, которые имѣли бы такой вѣрный взглядъ на свое освобожденіе и которые въ столь короткое время сдѣлали-бы такіе большіе успѣхи? Американская школа воспитываетъ не только человѣка и гражданина, она воспитываетъ также производителя. Развивая умъ рабочаго, она увеличиваетъ національное богатство. Она имѣетъ экономическое вліяніе, котораго древніе, прези-

равшіе трудъ, не знали. Въ странѣ, гдѣ наиболѣе читаютъ, также и наиболѣе изобрѣтаютъ. Пароходы, электрическій телеграфъ, клиперы, мониторы, *cotton-gin*, земледѣльческія машины, швейныя машины, новый механическій прессъ— все это американскія изобрѣтенія. Именно въ Соединенныхъ Штатахъ было признано, что трудъ рабочаго болѣе соразмѣряется съ его умственнымъ развитіемъ, чѣмъ съ его мускульной силой. Тамъ-то и была рѣшена задача увеличить производительность, уменьшая рабочіе часы. Дѣятельные и образованные люди достигли того, что въ десять часовъ дѣлаютъ больше работы, чѣмъ обыкновенные рабочіе въ двѣнадцать, и приближается время, когда для многихъ ремеслъ рабочій день не будетъ продолжаться болѣе восьми часовъ усидчивыхъ занятій.

Въ этомъ заключается первый зародышъ великой и мирной революціи. Не законъ можетъ измѣнить условія работы и производства; пріобрѣтая образованіе, умственное развитіе, дѣлаясь болѣе трудолюбивымъ, болѣе нравственнымъ, работая скорѣе и лучше, рабочій можетъ вознаградить себя за нѣкоторые часы труда и достигнуть свободы.

Въ Европѣ назовутъ это утопіей; у насъ еще не вѣрятъ, что различіе классовъ есть вещь только искусственная, которая должна исчезнуть. Но въ Америкѣ перемѣна уже совершилась. Американецъ утромъ рабочій, а вечеромъ — человѣкъ и гражданинъ; выходя изъ мастерской, онъ идетъ на лекцію исторіи или литературы, или присутствуетъ на политическомъ или религіозномъ митингѣ. Это полное равенство положеній никого болѣе не удивляетъ; что напротивъ кажется страннымъ американцамъ, это — наши старые предразсудки. И что особенно удивительно, это, что воспитаніе и свобода даютъ рабочему преимущество надъ остальными его согражданами. Горести его дѣтства, его тяжелый первый трудъ, безпрерывныя усилія, которыя онъ долженъ дѣлать, чтобы возвыситься, лишенія, которымъ онъ подвергается, съ раннихъ поръ

дѣлаютъ его умъ преждевременно зрѣлымъ; онъ лучше знаетъ жизнь и людей, у него больше энергіи, чѣмъ у матушкина сынка, никогда не знавшаго что такое нужда. Отсюда тотъ феноменъ (поражающій впрочемъ лишь тѣхъ, которые не разсуждаютъ), что самые замѣчательные люди Америки, играющіе первую роль въ государствѣ, большею частію прежніе рабочіе. Не говоря о Франклинѣ, ученикѣ-наборщикѣ, достаточно будетъ назвать между современниками: Клея—мельника, Горація Манна—земледѣльца, Линкольна—дровосѣка, Джонсона — портнаго, Гранта—кожевника, Уада—пильщика и т. д. Извѣстно вліяніе подобныхъ примѣровъ на демократію. У насъ, солдатъ, сдѣлавшійся полководцемъ, оживляетъ всю армію; тамъ, въ этой гражданской арміи, заключающей всю націю, примѣръ Линкольна говоритъ каждому, что при трудѣ, честности и патріотизмѣ, самый скромный гражданинъ можетъ стать однажды во главѣ республики. Сравните подобное общество съ тѣми устарѣвшими народами, у которыхъ всѣ выгоды, всѣ преимущества на сторонѣ тѣхъ, за которыми наслѣдственное состояніе обезпечиваетъ право на высшее образованіе!

Наконецъ, религія составляетъ не послѣдній элементъ американскаго величія и въ своемъ значеніи не уступаетъ никакому другому элементу. Въ Соединенныхъ Штатахъ считаютъ славою быть христіаниномъ; тамъ говорятъ, что современная свобода—дитя Евангелія, и что она погибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Многіе изъ французскихъ читателей улыбнутся при этомъ увѣреніи. Во Франціи, родинѣ Вольтера, скептицизмъ нынѣ въ модѣ, но, не въ обиду будь сказано поверхностнымъ умамъ, скептицизмъ безплоденъ и ни къ чему не ведетъ. Чтобы дѣйствовать, надо вѣрить, надо надѣяться, надо любить. Никогда ни человѣкъ, ни народъ не совершали великихъ дѣлъ, не имѣя великой вѣры. Что касается до матеріализма, который въ настоящее время скорѣе орудіе партіи, чѣмъ обдуманное вѣрованіе, то онъ уже нѣсколько разъ появлялся въ свѣтѣ; но, грустно ска-

зать, онъ всегда былъ признакомъ упадка и рабства: это доктрина несчастныхъ дней. Свобода не довольствуется такимъ узкимъ пониманіемъ человѣческаго назначенія. Чтобы служить людямъ, чтобы быть имъ преданнымъ, несмотря на ихъ пороки, ихъ невѣжество, ихъ неблагодарность, надо видѣть въ нихъ безцѣнную, безсмертную душу, а не глупыхъ животныхъ. Самое обыкновенное понятіе матеріализма, это—вести массу людей къ эгоизму и грубымъ наслажденіямъ. «Наслаждайся настоящимъ часомъ, ты умрешь завтра», будетъ всегда послѣднимъ словомъ эпикурейской школы. Стоики болѣе горды и болѣе благородны; но они не менѣе безнадежны и не менѣе безсильны.

Но если религія играетъ большую роль въ Соединенныхъ Штатахъ, то надо сознаться, что она поставлена тамъ въ самыя благопріятныя условія, какихъ у насъ никогда не бывало. Кто-то сказалъ: «народъ въ Соединенныхъ Штатахъ нашелъ секретъ быть самымъ религіознымъ изъ народовъ, безъ государственной религіи». Я охотно этому вѣрю, потому что именно этотъ политическій сепаратизмъ, эта полная независимость церквей и поддержали религіозный духъ въ Америкѣ. Во Франціи, гдѣ церковь и правительство бываютъ то союзниками, то врагами, религія теряетъ свой истинный характеръ; она не болѣе какъ средство для оппозиціи. Епископы, вмѣшивающіеся въ выборы, произвели-бы скандалъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Какой бы стороны они ни держались, они компрометируютъ себя, и что особенно грустно, они компрометируютъ въ тоже время и религію, которую они не имѣютъ права вмѣшивать. Отсюда эта бѣшеная ненависть, первыми виновниками которой тѣ, которые ставятъ церковь въ распоряженіе правителей; отсюда то нечестіе, которое часто не болѣе и не менѣе, какъ протестъ возмущенной совѣсти. До тѣхъ поръ, пока мы не послѣдуемъ примѣру Америки, пока мы не покончимъ съ союзомъ, одинаково пагубнымъ какъ для религіи, такъ и для госу-

дарства, мы никогда не увидимъ тѣсной связи, соединяющей Евангеліе съ свободой; мы будемъ противопоставлять одну другой двѣ силы, которыя собственно должны дѣйствовать вмѣстѣ, а не ослаблять обоюдно другъ друга.

Пусть духовное лицо остается господиномъ своей церкви, но пусть оно остается въ ней, вотъ чего требуютъ Евангеліе и цивилизація. Разъ освободившись отъ политики, религія дѣлается самой вѣрной охраной свободы. Она пользуется ею, любитъ ее и заставляетъ ее любить. Необходимо, разумѣется, чтобы церковь имѣла власть надъ вѣрующими и она должна желать, чтобы эти вѣрующіе составляли все общество, но ея авторитетъ чисто нравственный.

Я не послѣдую за г. Жонво въ томъ, что онъ говоритъ о протестантствѣ, о его раздѣленіи, объ его упадкѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. На этотъ счетъ я не раздѣляю его мнѣнія. Американское общество, по моему мнѣнію, есть самое чистое процвѣтаніе Реформы; его раздѣленія, его религіозное разнообразіе образуетъ условіе его прогресса; именно свобода церквей и поддерживаетъ политическую свободу, Что-же касается до унитаризма, который, правда, имѣетъ только небольшое число приверженцевъ, онъ не только не умеръ съ Чаннингомъ и Паркеромъ, но еще произвелъ три самыя живыя дѣла нашего времени: уничтоженіе рабства, реформу народнаго образованія, основаніе санитарной коммиссіи для раненыхъ. Гаррисонъ, Горацій Маннъ, докторъ Беллоу—униторіанцы; можно не раздѣлять ихъ вѣрованія, но какъ не удивляться энергіи и дѣйствію ихъ вѣры? Какая церковь не стала бы гордиться подобными именами! Но въ одномъ я совершенно согласенъ съ г. Жонво: католицизмъ не только не страдаетъ отъ предоставленной ему въ Америкѣ свободы, но еще почерпаетъ въ ней новую энергію. Въ началѣ столѣтія, въ Соединенныхъ Штатахъ было 90,000 католиковъ, 53 священника и 1 епископъ; въ настоящее время—около

5 милліоновъ католиковъ, 3,000 священниковъ, 7 архіепископовъ и 40 епископовъ. Въ какой другой странѣ католицизмъ сдѣлалъ подобные успѣхи? Вездѣ, гдѣ ему покровительствуютъ, онъ находится въ оборонительномъ положеніи, его боятся, на него нападаютъ. Тамъ же, гдѣ его предоставляютъ самому себѣ, онъ распространяется, растетъ, дѣлается народнымъ. Неужели никогда не поймутъ этого урока? Правда, что въ Соединенныхъ Штатахъ католическая церковь приноравливается къ свободнымъ учрежденіямъ и, кажется, чувствуетъ себѣ хорошо въ этой средѣ. Какъ любопытна біографія отца Геккера, основателя секты паулистовъ. Вотъ монахи, которые вполнѣ американцы; это новый типъ въ исторіи. Ихъ главное средство для проповѣди—пресса. Чтобы защищать и распространять католичество, они обращаются къ общественному мнѣнію и разуму. Каковъ бы ни былъ результатъ этого смѣлаго предпріятія, онъ служитъ прекраснымъ примѣромъ для тѣхъ трусовъ, которые дѣлаютъ изъ силы и молчанія необходимую охрану и условіе для существованія религіи.

Я не могу кончить, не похваливъ г. Жонво за весьма рѣдкое качество между критиками, за его честность. Онъ не пишетъ романъ, не выдаетъ намъ вымыслы своего воображенія за истину; напротивъ, видно, что онъ употребляетъ всевозможныя старанія чтобы черпать изъ наилучшихъ источниковъ, чтобы говорить только то, что вполнѣ точно и достовѣрно. Его книга даетъ понятіе объ Америкѣ; каждый прочтетъ ее съ интересомъ и съ пользой для себя. Во Франціи мы слишкомъ часто прячемся за наше національное тщеславіе; намъ кажется, что будто кромѣ насъ ничего не существуетъ на свѣтѣ. Эта роль Нарцисса не выгодна ни для отдѣльныхъ личностей, ни для народа; такъ можно зачахнуть и погибнуть. Станемъ изучать другія націи, будемъ учиться у нихъ, если онѣ больше знаютъ, чѣмъ мы; возьмемъ у нихъ то, что онѣ

имѣютъ хорошаго: это единственное средство для сохраненія того мѣста, которое мы занимаемъ въ свѣтѣ. Насъ оцѣнятъ лучше и болѣе, если мы сознаемъ наши недостатки; и именно тогда, когда мы перестанемъ превозносить себя, намъ, можетъ быть, отдадутъ справедливость.

Эдуардъ Лабулэ.

10 іюня 1869 г.

ГЛАВА I.

Чикаго, царь озеръ.

За предѣлами цвѣтущихъ штатовъ, группирующихъ свое тѣсное населеніе по берегамъ Атлантическаго океана, тянутся, между Аллеганскими и Скалистыми горами, обширныя равнины, частью обработанныя, частью необработанныя, представляющія странную смѣсь варварства и цивилизаціи.

Города, едва построенные, уже соперничаютъ въ процвѣтаніи съ самыми значительными центрами Новой Англіи. Можно подумать, что присутствуешь при эпизодѣ изъ тысячи и одной ночи, когда видишь Чикаго, царя Запада, какъ бы по волшебству выросшаго изъ земли съ его церквами, университетами, торговлей и политической жизнью. Ливенвортъ, Омага, Дэнверъ и двадцать другихъ городовъ свидѣтельствуютъ о подобной же дѣятельности, о творческомъ нервѣ американскаго генія.

Въ то время, какъ съ одной стороны жатва уже поспѣваетъ, съ другой, неутомимый работникъ бросаетъ новыя сѣмена.

Пренебрегая уже построенными городами, піонеръ идетъ впередъ съ своимъ *bowie knife* (ножомъ) за поясомъ; вооруженный револьверомъ и заступомъ, онъ оспа-

риваетъ пустыню у краснокожихъ и принуждаетъ природу выдать ему ея сокровища. Общество, дѣвственное какъ сама почва, не несетъ ярма никакого предразсудка, никакого преданія. Человѣкъ тамъ въ полномъ смыслѣ этого слова равенъ другому, потому что въ глуши этихъ уединенныхъ луговъ не знаютъ ни чиновъ, ни классовъ, ни даже національности; умъ и энергія—вотъ единственныя условія, которыя что нибудь значатъ для американскаго колониста. Трудности закаляютъ его характеръ; величественная картина, окружающая его, уединеніе, видъ полей, только что вспаханныхъ, внушаютъ ему любовь къ независимости, презрѣніе къ пустымъ различіямъ, уваженіе къ труду. Такая среда оставляетъ полную свободу развитію природныхъ способностей и должна имѣть большое вліяніе на судьбу народа, образующагося на крайнемъ Западѣ. Чѣмъ будетъ этотъ народъ, какое вліяніе будетъ онъ имѣть на будущность Соединенныхъ Штатовъ? Луга Новаго Свѣта подобны громадному горнилу, въ которомъ плавятся самые различные элементы для образованія новаго общества. Если хотятъ имѣть понятіе о будущей Америкѣ, пусть познакомятся съ ея происхожденіемъ и съ ея успѣхами.

Но время летитъ быстро въ этихъ далекихъ странахъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ еще вчера Сіу и Коменчъ преслѣдовали дикихъ буйволовъ, нынѣ возвышается домъ піонера; завтра это будетъ городъ; еще нѣсколько дней — и вся Саванна сдѣлается цивилизованной страной.

Но на какомъ же пространствѣ проявляется это необыкновенное движеніе? Поверхность западныхъ штатовъ въ восемь разъ больше поверхности штатовъ Атлантическихъ, включая въ нихъ Сѣверъ и Югъ;

одинъ Орегонъ больше Англіи; Техасъ—больше Франціи; Калифорнія—больше Испаніи; огромный бассейнъ, находящійся между Аллеганскими и Скалистыми горами, представляетъ для торговли и промышленности 7,000 миль судоходныхъ рѣкъ; онъ можетъ прокормить народонаселеніе въ триста или четыреста милліоновъ человѣкъ. Чувствуешь что-то въ родѣ оцѣпененія, когда думаешь о величественной перепективѣ, открытой для этихъ новорожденныхъ штатовъ; начинаешь тогда понимать американскую лихорадочность, эту смѣлость предпріимчивости, которую ничто не останавливаетъ и которая для насъ, жителей старой Европы, кажется близкой къ умопомѣшательству, къ безумію. Успѣхи колонизаціи должны неизбѣжно вести за собой перемѣну въ политической жизни. Доселѣ Западъ еще дитя и смиренно подчиняется Новой Англіи, но тотъ часъ не далекъ, когда, чувствуя себя сильнымъ, онъ потребуетъ своей доли власти. Огіо и Иллинойсъ уже сосчитали свое народонаселеніе и сравнили пространство своей почвы съ малымъ количествомъ земли Родъ-Эйланда, Коннектикута и Массачузета. Они знаютъ, что слѣдующая перепись дастъ имъ въ Конгрессѣ власть, которой они еще не имѣли; нѣкоторые горячіе умы даже предсказываютъ уже, что главная резиденція будетъ переведена изъ Вашингтона въ какой нибудь болѣе центральный пунктъ республики. Мы не предполагаемъ конечно, чтобы столица Союза была уже такъ близка къ переселенію въ другое мѣсто; однако во всякомъ случаѣ на западѣ совершаются быстрыя преобразованія, послѣдствія которыхъ обѣщаютъ имѣть большое вліяніе на будущее.

Мы не намѣрены обозрѣвать всѣ американскіе города, которые, подобно древней Минервѣ, родились въ

полномъ развитіи своей силы и своей жизни; мы возьмемъ только одинъ изъ нихъ—Чикаго, потому что въ немъ можно найти всѣ черты, разбросанныя въ другихъ городахъ. Это одно изъ самыхъ славныхъ произведеній американскаго генія. Громадныя зданія, великолѣпныя дороги, школы,—все было создано втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ; а общественное богатство не только не пострадало отъ этого, но напротивъ еще пропорціонально увеличилось. Какое правительство, считавшееся даже самымъ способнымъ, сдѣлало когда нибудь такъ много?

Основаніе Чикаго относится къ началу текущаго столѣтія; но надо было бы имѣть очень много снисходительности, чтобы давать уже названіе города едва замѣтной станціи среди пустыни. Въ этомъ отношеніи ничто не можетъ сравниться съ неустрашимымъ довѣріемъ американцевъ. Вамъ говорятъ о новомъ городѣ, вамъ восторженно хвалятъ его будущее величіе; вы хотите его видѣть, и замѣчаете... домъ изъ досокъ среди едва вспаханнаго поля. Но оставьте дѣйствовать американскаго колониста; то, что пока еще только мечта его воображенія, не замедлитъ осуществиться. Однако, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, духъ предпріимчивости на Западѣ далеко не былъ такъ дѣятеленъ, какъ теперь. Штаты Атлантическаго океана, недавно вышедшіе изъ подъ колоніальной опеки, имѣли слишкомъ много дѣла у себя, чтобы подумать о переселеніи въ другія мѣста, а Европа не посылала тогда въ Новый Свѣтъ такой толпы переселенцевъ.

Въ 1830 году Чикаго продолжалъ быть не болѣе какъ военнымъ постомъ и станціей для мѣховой торговли; въ немъ считалось двѣнадцать домовъ; крѣпость, сдѣланная изъ древесныхъ стволовъ, вмѣщала нѣсколь-

кихъ солдатъ; возлѣ, двѣ или три отвратительныя таверны продавали «огненную воду» краснокожимъ. Оружіе и алькоголь, вотъ въ какой формѣ представляется почти вездѣ цивилизація дикарю; а потомъ, когда онъ оскотинится, удивляются его упадку! Саксонское племя вообще, а Американское въ особенности, не отличаются кротостью относительно туземныхъ народовъ, у которыхъ они отнимаютъ владѣніе. Но оставимъ это и возвратимся къ Чикаго.

Около 1833 года, колонисты начали направляться къ рождавшемуся городу. До конца года пятьдесятъ семействъ начали превращать необработанный лугъ въ улицы, сады, поля маиса. Пятьдесятъ семействъ среди огромной пустыни. Казалось бы, что здѣсь достаточно мѣста и для нихъ и для индѣйцевъ; но предусмотрительные піонеры думали однако иначе. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1834 года, семь тысячъ краснокожихъ, собравшись въ Чикаго, промѣняли на ничего не стоющіе товары область отъ 4—5,000 квадратныхъ миль. Въ продажномъ актѣ было условлено, что дикіе удалятся къ западу, за другой берегъ Миссисипи. Черезъ недѣлю, сорокъ телѣгъ, запряженныхъ каждая четырьмя быками, перевозили черезъ равнину дѣтей *Pottawatomies*'овъ и ихъ скудное имущество; мужчины и женщины слѣдовали за ними пѣшкомъ. Черезъ двадцать дней, племя это достигло береговъ большой рѣки; оно переправилось черезъ нее и впродолженіе двадцати слѣдующихъ дней продолжало свой путь, удаляясь навсегда отъ страны своихъ предковъ.

Гуляя нынѣ по улицамъ Чикаго, трудно себѣ представить, что тридцать четыре года тому назадъ краснокожіе были еще владѣльцами той почвы, на которой теперь построенъ городъ.

Индѣйцы ушли, но не все еще было сдѣлано; колонистамъ оставалось еще исполнить трудную задачу, чтобы сдѣлать по возможности обитаемыми пріобрѣтенныя ими земли. Лугъ по эту сторону Мичигана нисколько не выше самого озера; первыя вспахиванія обнаружили илъ, который отъ малѣйшаго дождя превращался въ море грязи, а отъ малѣйшаго луча солнца въ океанъ пыли. Въ періодъ дождей, городъ былъ погруженъ въ громадную лужу воды, и чтобы достигнуть его, надо было переходить черезъ нѣчто въ родѣ болота, въ которомъ лошади погружались по грудь. Казалось, что и земледѣліе не имѣло тамъ никакихъ шансовъ на успѣхъ; Чикаго получалъ большую часть своихъ съѣстныхъ припасовъ съ восточнаго берега озера.

Зачѣмъ же колонисты выбрали такое неудобное мѣсто? Отчего, несмотря на всѣ препятствія, они были полны надежды? Дѣло въ томъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ они строили Чикаго, Мичиганъ представляетъ превосходный портъ. Его воды прорыли ровъ, шириною въ 100 метровъ и длиною въ 1,200, который вдается въ равнину, затѣмъ раздѣляется на два рукава, направляющіеся одинъ на сѣверъ, другой на югъ, параллельно берегамъ озера. Это подобіе рѣки, или, лучше сказать, маленькая бухта, лишенная теченія, имѣетъ ту выгоду, что даетъ вѣрное убѣжище судамъ, которые частыя бури Мичигана подвергаютъ опасности. Она доступна самымъ большимъ судамъ внутренняго плаванія и даетъ такимъ образомъ Чикаго возможность имѣть линію верфей и магазиновъ въ десять миль длиной. Благодаря такому положенію, въ городѣ должна была отчасти сосредоточиться торговля американскихъ озеръ;

однако это было все еще не болѣе, какъ маленькое, дѣятельное мѣстечко четвертаго или пятаго разряда.

Понемногу начали солить бычачье мясо и высылать его въ другія мѣста. Въ 1839 году этотъ родъ промышленности получилъ нѣкоторое развитіе. Три тысячи головъ скота было приведено съ луговъ, приготовлено и вывезено. Одному смѣлому негоціанту пришла мысль сдѣлать въ Чикаго складъ хлѣба, и огромное количество зерна ежегодно привозилось изъ равнинъ къ берегамъ Мичигана. Къ несчастію, время транспорта было также и временемъ дождей; повозки, запряженныя быками, съ трудомъ могли дѣлать длинную дорогу по вымоченной землѣ. Еще хуже было, когда онѣ въѣзжали въ городъ: онѣ вязли въ глубокомъ илѣ, раскапывали улицы и превращали ихъ въ массу рытвинъ, зацѣплялись и запутывались одна о другую и производили смятеніе, которое невозможно описать. Весь Чикаго приходилъ въ волненіе; остановленные пѣшеходы скоро покрывались съ головы до ногъ густою черною грязью. Когда наконецъ освобождали проходъ, надо было бросать доски черезъ рытвины, чтобы возстановить движеніе. Однимъ словомъ, будущій «царь озеръ» былъ изъ всѣхъ луговыхъ городовъ самый непріятный. Иностранецъ, попадавшій туда случайно, какъ можно скорѣе бѣжалъ оттуда, нисколько не подозрѣвая, что это непривѣтливое болото сдѣлается однажды гордостью Новаго Свѣта, большимъ складомъ, конторой и столицей Запада.

Но ничто не пугаетъ, ничто не обезкураживаетъ колониста-янки; онъ охотно сказалъ бы, присвоивая себѣ извѣстное выраженіе: «*невозможно*! это слово не американское!» Двѣ вещи недоставали городу Чикаго для развитія тѣхъ зачатковъ благосостоянія, которые

онъ носилъ въ себѣ: ему необходимы были сухопутные и водяные пути сообщенія. Каналъ, соединяющій городъ съ рѣкой Иллинойсъ и затѣмъ съ Миссиссипи, былъ начатъ въ 1836 и оконченъ въ 1848 году. Съ тѣхъ поръ новая эра открылась для колонистовъ и фермеровъ, обработывавшихъ плодородные луга Запада; ихъ хлѣбъ, скотъ, фуражъ, безъ труда привозимые въ Чикаго, высылались черезъ озера къ прибрежью Атлантическаго океана и даже въ Европу. Постройка желѣзныхъ дорогъ сдѣлала это движеніе еще болѣе быстрымъ. Черезъ годъ по окончаніи канала, на равнинахъ Мичигана въ первый разъ раздался свистокъ локомотива; поѣздъ пробѣгалъ еще только пространство въ пять миль, но колонисты поняли какъ важно имъ имѣть средства перевозки многочисленныя и быстрыя. Каждый повторялъ, что всякій уголокъ земли, приведенный въ сообщеніе съ городомъ, сдѣлается источникомъ прочнаго богатства; а у народа, имѣющаго привычку думать и дѣйствовать, исполненіе быстро слѣдуетъ за предположеніемъ. Ни одинъ государственный человѣкъ не знаетъ нуждъ страны такъ хорошо, какъ сами заинтересованные, ни одинъ не умѣетъ отстранять эти нужды съ такимъ усердіемъ и умомъ. Не прошло пятнадцати лѣтъ, какъ уже цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ на пространствѣ 3,000 миль окружала Чикаго, соединяя его съ главными центрами Запада и Юга, и привлекая къ нему всѣ богатства Востока. Во всемъ Иллинойсѣ нѣтъ ни одной фермы, удаленной болѣе чѣмъ на 15 миль отъ станціи желѣзной дороги; большая часть изъ нихъ находится гораздо ближе; среднее разстояніе приблизительно въ 2 мили. Считаютъ милліонами акры земли, которые

начали обработываться, благодаря развитію путей сообщенія.

Не трудно понять толчекъ, данный торговлѣ этими гигантскими работами. Въ послѣдніе годы, въ Чикаго совершается такое громадное количество дѣлъ, что онъ самъ бы удивился, если бы ему было время остановиться и свести свои счеты. Вывозъ хлѣба, начавшійся въ 1838 году весьма скромно, всего 78 bushels *), достигъ 16 милліоновъ втеченіе 1855 года, и около 60 милліоновъ въ 1867 г. Воды Мичигана, прежде спокойныя, разсѣкаемыя только индѣйскими лодками, сдѣлались сборнымъ пунктомъ многочисленнаго флота. Корабли, пароходы, всевозможныя суда, вмѣщающія 200,000 тонъ и имѣющіе экипажъ до 10,000 лицъ, развозятъ по берегамъ большихъ озеръ значительную часть хлѣба, привозимаго въ Чикаго посредствомъ каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Что же дѣлается, скажетъ читатель, въ этомъ коммерческомъ городѣ, при этихъ громадныхъ грудахъ съѣстныхъ припасовъ, стекающихся въ него со всѣхъ сторонъ? Вѣдь достаточно было нѣсколькихъ сотенъ повозокъ, чтобы его загромоздить, а настоящія его сношенія должны бы сдѣлать его просто необитаемымъ? Однако ничего этого нѣтъ, благодаря дѣятельному практическому уму колонистовъ, всегда пріискивающему полезныя улучшенія. Эти груды хлѣба, мысль о которыхъ смущаетъ воображеніе, нагружаются и выгружаются съ такимъ порядкомъ и быстротою, что жители едва это замѣчаютъ. Иностранецъ можетъ мѣсяцъ прожить въ Чикаго, не подозрѣвая, что кто нибудь занимается тамъ продажей или покупкой зерноваго хлѣба. Семьдесятъ большихъ подъемныхъ машинъ (крановъ), установлен-

*) Bushels равняется 36 литрамъ приблизительно (ок. 12 гарнцевъ).

ныхъ вдоль набережныхъ, ожидаютъ привоза зерна, разгружаютъ его съ парохода или изъ вагона, привезшаго его, и переносятъ посредствомъ огромныхъ черпаковъ на барки. Машина приводится въ движеніе паромъ, такъ что вся операція совершается въ нѣсколько минутъ.

Однако эти усовершенствованія все еще не вполнѣ удовлетворяли жителей Чикаго; они уменьшили расходъ, упростили процедуру перевоза, но жители все еще находили, что хлѣбъ занимаетъ слишкомъ много мѣста.

«Хотите, сказалъ имъ однажды одинъ остроумный экономистъ, высылать въ одномъ боченкѣ десять или двѣнадцать мѣшковъ маиса? Ничто не можетъ быть легче. Превратите ихъ въ животное вещество. Что такое, напримѣръ, свинья? Десять или двѣнадцать мѣшковъ зерна на четырехъ ногахъ. Маисъ воплощается такимъ образомъ: свинья ѣстъ маисъ, человѣкъ ѣстъ свинью». Негоціанты нашли совѣтъ хорошимъ и торговля соленымъ мясомъ достигла скоро колоссальныхъ размѣровъ. Въ три мѣсяца, Чикаго выслалъ 900,000 свиней, совершенно приготовленныхъ, т. е. по крайней мѣрѣ три четверти животныхъ этого рода, зарѣзанныхъ на западѣ въ тотъ же промежутокъ времени. Эта армія скотовъ, двигаясь въ линію, составила бы цѣпь въ 250 миль. Отпускать для потребленія такую массу мяса, когда торговля зерномъ занимала уже столько рукъ, не было легкой задачей для рождающагося города; но трудности только подстрекали изобрѣтательный умъ жителей Чикаго. По мѣрѣ увеличенія работы, были построены заводы, придуманы улучшенные способы приготовленія солонины, какъ были прежде изобрѣтены подъемныя машины для пе-

редачи зерна. Благодаря разнымъ искуснымъ приспособленіямъ, употребленію машинъ, проворству рабочихъ, благодаря раздѣленію труда, огромная масса свиней, прибывающая безпрерывно съ утра до вечера на бойню живыми и хрюкающими, выходитъ нѣсколько минутъ спустя, черезъ противоположную дверь, въ видѣ ветчины, сосисекъ, сала, колбасы. Каждое животное, въ его переходѣ черезъ зданіе, зарѣзывается, опаляется, оскабливается, разрѣзывается на куски, солится, кладется въ боченокъ, и все это съ быстротою молніи, съ правильностью часоваго механизма. Заведеніе съ 50-ю рабочими можетъ приготовлять три свиньи въ минуту, и это впродолженіе десяти часовъ ежедневно.

Мы не будемъ говорить о скотномъ рынкѣ, построенномъ въ одной милѣ отъ города, и о знаменитыхъ хлѣвахъ, которые одинъ американскій путеводитель высокопарно называетъ «большимъ рогатымъ городомъ міра». Два милліона долларовъ было израсходовано на устройство парковъ и зданій, которые могутъ помѣстить въ себѣ за разъ 20,000 головъ рогатаго скота, такое же число барановъ и 75,000 свиней.

Эти заботы не поглощали однако всей дѣятельности Чикаго; онъ еще имѣлъ время думать о самоукрашеніи и перерождался съ такою быстротою, что могъ бы возбудить зависть парижскаго Гаусмана, тѣмъ болѣе, что увеличеніе роскоши не вызывало ни наростанія городскаго долга, ни увеличенія налоговъ, но было результатомъ дѣйствительнаго развитія благосостоянія. Желая быть роскошнымъ, онъ предполагалъ оставаться городомъ труда. Грязный Чикаго, ужасъ туристовъ, сдѣлался, помощью только одного содѣйствія своихъ жителей, одною изъ самыхъ бле-

стящихъ метрополій Соединенныхъ Штатовъ. Народонаселеніе его достигаетъ до 300,000 душъ и дойдетъ скоро до милліона.

Илъ и вода—вотъ враги, съ которыми приходилось прежде всего бороться; рѣдко городское управленіе сталкивалось съ подобными препятствіями и рѣдко его усилія увѣнчивались болѣе удивительнымъ и быстрымъ успѣхомъ. Приходилось не только ломать старые или новые дома, съ которыми легко справиться посредствомъ нѣсколькихъ ударовъ топора, но надо было измѣнить свойство самой почвы, на которой стоялъ городъ. Первымъ условіемъ было — возвысить Чикаго надъ сырой равниной, его окружающей.

Возвысить цѣлый городъ! Какимъ образомъ исполнить этотъ смѣлой проектъ, въ странѣ, гдѣ отчужденіе собственности почти неизвѣстно? Рѣшили, что кварталы, устраиваемые вновь колонистами, прибывающими каждый день, должны стоять на насыпяхъ въ шесть футовъ вышины. Этимъ рѣшеніемъ уже было выиграно нѣчто: улицы не превращались болѣе въ пруды въ періодъ дождей. Тѣмъ не менѣе густая, упорная грязь все еще ихъ наполняла; что же касается до погребовъ, то въ нихъ ничего нельзя было помѣщать, такъ какъ предметы плавали въ водѣ. Рѣшено было второе повышеніе, опять таки для новыхъ построекъ; но и его скоро тоже признали недостаточнымъ. Тогда приняли нынѣшній уровень, который, возвышаясь на 12 футовъ надъ уровнемъ луга, совершенно очистилъ воздухъ города. Во время этого перерожденія, Чикаго представлялъ странный видъ; деревянные тротуары его улицъ были рядомъ лѣстницъ; надо было постоянно подыматься и спускаться. Но можно было разсчитывать, что сами жители помогутъ

этому положенію дѣла. Тѣ изъ нихъ, дома которыхъ стояли въ старыхъ кварталахъ, дѣйствительно поняли, что для нихъ было бы очень выгодно не оставаться на днѣ какого-то грязнаго рва; разумное соревнованіе овладѣло каждымъ, и менѣе чѣмъ въ десять лѣтъ всѣ неровности исчезли.

Расходъ долженъ былъ быть громаднымъ; можно было бы удивляться, что частныя лица рѣшились сдѣлать его, если бы не было извѣстно, что въ Америкѣ нѣтъ праздныхъ и нѣтъ людей, живущихъ только для своего удовольствія. Каждый работаетъ, а такъ какъ средства страны неистощимы, то почти всѣ дѣлаются богатыми. Но даже и тогда, когда американецъ пріобрѣлъ большое состояніе, онъ продолжаетъ свой неутомимый трудъ. Скупость ли его толкаетъ? Уступаетъ-ли онъ только желанію накоплять долларъ за долларомъ? Да, такъ говорили многіе; но то великодушіе, съ которымъ онъ распространяетъ вокругъ себя свое золото, доказываетъ противное; нѣтъ никого, кто бы болѣе щедро открывалъ свой кошелекъ для всѣхъ благотворительныхъ или общественныхъ дѣлъ. Его толкаетъ жажда къ дѣятельности; по его мнѣнію, жизнь его была бы недостойна человѣка и гражданина великой націи, если бы онъ только безплодно наслаждался своими богатствами, не производя ничего полезнаго.

Неожиданное открытіе способствовало украшенію Чикаго. За матеріалъ для постройки домовъ приходилось платить очень дорого, и отправляться за нимъ очень далеко; поэтому принуждены были строить ихъ большею частью изъ досокъ. Правда, эта промышленность возвысилась до степени искусства, и еще теперь она подвергается значительному вывозу. Изящ-

ныя виллы, хорошенькія школы, церкви, фермы, жилища всякаго рода, дѣлаются за самую умѣренную плату и высылаются, разобранныя и занумерованныя, въ различные пункты западныхъ областей. Дѣйствительно, луга не имѣютъ лѣса и этотъ необходимый матеріалъ доставлялся колонистамъ изъ Чикаго. Однако городъ не удовлетворялся легкими постройками, воспламеняющимися отъ одной искры, и жаждалъ имѣть болѣе прочныя зданія. Сначала выписывали изъ штата Нью-Іорка черный гранитъ, дорогой камень, темный цвѣтъ котораго слишкомъ согласовался съ цвѣтомъ грязи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при прорытіи одного канала, былъ открытъ бѣлый камень. Къ несчастію онъ былъ такъ мягокъ, что при малѣйшемъ ударѣ разламывался; обломки были брошены и ими болѣе не занимались. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, рабочіе, идя по той сторонѣ, гдѣ лежали обломки, замѣтили, что на воздухѣ они приняли желтоватый оттѣнокъ и сдѣлались чрезвычайно твердыми. Чикаго имѣлъ подъ рукой сокровище. Этотъ матеріалъ, неудобный для обработки тотчасъ по вынутіи изъ земли, пріобрѣтаетъ впослѣдствіи довольно плотности, чтобы служить для постройки самыхъ роскошныхъ зданій; его золотистый и мягкій оттѣнокъ даетъ улицамъ изящный и веселый видъ.

Городъ не думаетъ остановиться на полдорогѣ. Онъ гордится тѣмъ, что уже имѣетъ вдоль озера прекрасныя аллеи и прелестные коттэджи, побудившіе дать ему названіе «города садовъ». Этотъ уголокъ земнаго рая, полный свѣжести и тѣни, откуда взглядъ теряется въ безпредѣльности голубыхъ водъ Мичигана, составляетъ съ шумнымъ дѣловымъ кварталомъ странную противоположность; здѣсь—великія сцены природы,

тамъ—движеніе, лихорадочная дѣятельность промышленности и торговли. Чикаго обязанъ этому соединенію различныхъ элементовъ своею особенною прелестью. Въ то время, какъ мы пишемъ, онъ разбиваетъ бульваръ, вдоль котораго тянутся виллы и сады, которые окружатъ его какъ бы зеленымъ поясомъ, и доставятъ жителямъ пять или шесть миль очаровательныхъ прогулокъ. Предполагаютъ также создать большой паркъ съ холмами и долинами.

Въ то время, какъ жители Чикаго давали своему городу видъ богатства и зажиточности, они старались увеличить въ его средѣ источники богатства, разсудивъ съ рѣдкимъ здравымъ смысломъ, что невозобновляющееся благосостояніе весьма скоро изсякаетъ и отнимаетъ у страны одну изъ ея свѣжихъ силъ. До сихъ поръ городъ ограничивался желаніемъ быть коммерческой метрополіей Сѣверо-Запада; теперь, когда онъ увеличился, онъ захотѣлъ сдѣлаться мануфактурнымъ городомъ.

Впрочемъ, ничто не мѣшало ему поощрять промышленность. Опасный вопросъ пролетаріата не существуетъ въ Америкѣ; тамъ неизвѣстна соціальная ненависть. Съ одной стороны религіозное чувство побѣждаетъ дурныя страсти; съ другой, безусловное равенство между классами и щедро распространяемое образованіе открываютъ всѣмъ доступъ ко всѣмъ карьерамъ; слѣдовательно, нѣтъ никакого повода для неудовольствія или зависти, и никто не боится привлекать въ города многочисленное народонаселеніе рабочихъ. Прежде всего Чикаго началъ дѣлать самыя простыя и самыя грубыя земледѣльческія орудія; скоро заказы увеличились, производство расширилось, городскіе заводы стали снабжать машинами и инструментами боль-

шую часть фермъ Запада.—Другія предпріятія удались не менѣе: изготовленіемъ обуви занимаются болѣе трехъ тысячъ человѣкъ; бумажное и шерстяное тканье быстро развивается; одна фабрика, устроенная въ предмѣстьи, даетъ торговлѣ 100.000 стѣнныхъ часовъ въ годъ; другая спеціально занимается карманными часами. Если судить по увеличивающемуся числу фортепіанныхъ мастеровъ, нотныхъ граверовъ и книгопродавцевъ-издателей, то развивающаяся промышленность не забываетъ также и потребностей искусства и ума.

Хотятъ ли теперь знать, кто эти люди, совершившіе менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ колоссальное дѣло, которое мы только что описали? Хотятъ ли знать секретъ ихъ могучаго творчества? Вотъ онъ въ нѣсколькихъ словахъ: американецъ вѣритъ, думаетъ и умѣетъ дѣйствовать. Онъ не только подстрекаемъ широкимъ полемъ, открытымъ для его усилій, но онъ умѣетъ при этомъ утвердить въ себѣ два принципа, дѣлающіе его дѣйствія плодотворными: вѣру и интеллигенцію.

Лишь только три или четыре хижинки колонистовъ построены одна возлѣ другой, первая вещь, о которой думаютъ, это построить церковь и школу. Домъ Господа возвышается величественно среди самаго жалкаго мѣстечка пустыни и какъ бы защищаетъ собою жилище піонера. Церковь можно найти въ глуши равнинъ, ее находишь и въ горныхъ ущельяхъ; она защищаетъ поля фермера, также какъ и рудникъ рудокопа, деревушка котораго прикрѣпляется, точно орлиное гнѣздо, къ скаламъ Колорадо. Воскресное отдохновеніе соблюдается вездѣ съ точностью, которая удовлетворила-бы самаго строгаго пуританина. На всемъ протяженіи Союза существуетъ то же религіоное чувство. «Наша страна хранитъ страхъ къ Богу», гово-

рятъ американцы. Городъ Чикаго, съ его 300.000 душъ, считаетъ 150 церквей, и это число не слишкомъ велико для рвенія вѣрующихъ, потому что въ часы службы онѣ бываютъ наполнены плотной толпою.

Пусть сравнятъ это положеніе съ положеніемъ Парижа, и изъ этого сравненія выведутъ печальное и вмѣстѣ полезное назиданіе. Иностранца, прибывшаго во Францію, поражаютъ двѣ вещи: рѣдкость религіозныхъ зданій, и изобиліе тюрьмъ и казармъ. Одинъ изъ этихъ фактовъ есть слѣдствіе другаго; когда нравственная выдержка теряетъ свою силу, надо увеличить внѣшнее обузданіе; поэтому слѣпы тѣ, которые стараются изолировать свободу вѣрованій. Они думаютъ освободить человѣка, отнявъ у него божественную помощь, помогающую ему въ его самоуправленіи, и не замѣчаютъ, что они осуждаютъ его этимъ на подчиненіе другимъ: невѣріе во всѣ времена было всегда самой широкой дорогой къ рабству.

Но недостаточно вкоренить въ сердце желаніе къ добру; надо еще, чтобы умъ былъ достаточно освѣщенъ для сознанія этого. Разумное развитіе нашихъ способностей намъ не менѣе полезно въ нравственномъ смыслѣ, какъ и въ смыслѣ матеріальныхъ интересовъ. Поэтому нѣтъ ни одного американца, который не думалъ бы вмѣстѣ съ Горацiемъ Манномъ, знаменитымъ учредителемъ общественныхъ школъ, что «всякое человѣческое существо имѣетъ безусловное право на образованіе; отказывать ему въ немъ, значитъ осуждать его на невѣжество и нищету, значитъ нарушить одинъ изъ тѣхъ божественныхъ законовъ, которыми никогда нельзя безнаказанно пренебрегать. Невѣжа опасенъ для общества; является кризисъ, является страсть, и

2

грубое животное можетъ сдѣлаться *бѣшенымъ* животнымъ».

Рвеніе къ образованію въ Соединенныхъ Штатахъ— настоящая страсть; никто не боится отдавать этому дѣлу свой кошелекъ, свое время и свои труды. Капиталистъ даетъ, не считая, огромныя суммы на учрежденіе школъ; фабрикантъ отрывается отъ своихъ дѣлъ, чтобы наблюдать за успѣхомъ учениковъ; молодыя дѣвушки посвящаютъ лучшіе годы жизни воспитанію дѣтей. Преподавательницы, далеко не занимая того двусмысленнаго (?) и второстепеннаго положенія, которое онѣ имѣютъ въ Европѣ, гордятся порученною имъ задачей. И всѣ думаютъ объ этомъ такъ же какъ онѣ. «Между двумя особами одинаково привлекательными, говорилъ мнѣ одинъ богатый янки, я, не колеблясь, выбралъ бы въ жоны ту, которая преподавала въ общественной школѣ».

Учителя, которымъ поручено руководить общественнымъ образованіемъ, почти всѣ являются изъ Новой Англіи, которая сохранила доселѣ свое умственное первенство и образовываетъ по своему образцу западные штаты.

Но уже и многіе города озеръ и луговъ имѣютъ знаменитые университеты, разсадники замѣчательныхъ профессоровъ, призванныхъ оказывать благотворное вліяніе на своихъ согражданъ. При помощи образованія войдетъ, слѣдовательно, новый элементъ въ самое сердце страны, и Западъ, вполнѣ сохраняя великіе политическіе и соціальные принципы, составляющіе славу Америки, пріобрѣтетъ свой особенный характеръ. Чикаго, безъ сомнѣнія, сдѣлается столицею этого новаго міра. Онъ предчувствуетъ величіе своей судьбы и старается сдѣлаться достойнымъ ея. Его школы счи-

таются въ числѣ лучшихъ въ Соединенныхъ Штатахъ; учителя, лучше вознаграждаемые, чѣмъ въ большинствѣ другихъ городовъ, владѣютъ обширнымъ знаніемъ; школьныя зданія просторны и удобны; наконецъ, обращено серьезное вниманіе на гигіену, которою американцы, слишкомъ ревностные къ работѣ, слишкомъ часто пренебрегаютъ. Гимнастика и другія тѣлесныя упражненія нѣсколько разъ въ день прерываютъ ученіе; хотя имъ все еще не отводится достаточно большое мѣсто. Въ Чикаго, какъ и другихъ мѣстахъ, образованіе слишкомъ поспѣшное; хотятъ, чтобы ученики учились скоро и многому, не спрашивая, можетъ ли ихъ слабая организація противостоять такому утомленію; оттого уже въ первомъ и второмъ поколѣніи дѣти крѣпкихъ колонистовъ, прибывшихъ изъ Европы, начинаютъ чахнуть; нравственная сила еще поддерживаетъ, правда, ослабленное здоровье, но впереди грозитъ опасность, которой Америка должна бы остерегаться.

Высшее обученіе поощряется не менѣе начальнаго образованія. Чикаго имѣетъ университетъ, академію наукъ, двѣ семинаріи, три медицинскія школы; съ большими издержками онъ основалъ обсерваторію, снабженную лучшими инструментами и руководимую свѣдущимъ астрономомъ. Жители, подстрекаемые благороднымъ чувствомъ соревнованія, хотѣли, чтобы ихъ городъ имѣлъ музей раньше города Нью-Іорка. Въ нѣсколько дней была собрана по подпискѣ значительная сумма, куплена земля, и постройки начались. Если не ошибаемся, это заведеніе черезъ годъ имѣло уже значительныя коллекціи.

Но школа, какъ бы она ни была научна, будь она коллегія или академія, составляетъ не болѣе, какъ

входъ, преддверіе образованія. У насъ воображаютъ, что когда курсъ наукъ пройденъ, то уже пріобрѣтенъ полный запасъ знанія и нѣтъ необходимости еще чему нибудь учиться. Занимаются своими дѣлами или удовольствіями, пробѣгаютъ романъ, перелистываютъ скандальную брошюрку и не замѣчаютъ, что уровень ума понижается, что характеръ теряетъ свое благородство, что, замкнувшись въ предѣлы узкаго круга, дѣлаются неспособными здраво судить о людяхъ и вещахъ. Американцы думаютъ, что развитіе ума дѣло всей жизни. Среди водоворота промышленныхъ предпріятій, потока политическихъ интересовъ, они умѣютъ еще найти время перечитать больше книгъ, изучить гораздо больше религіозныхъ или соціальныхъ вопросовъ, чѣмъ во Франціи свободный человѣкъ всякой профессіи.

Пусть возьмутъ, въ какой бы то ни было странѣ, милліонъ личностей, принадлежащихъ всѣмъ классамъ, отъ самыхъ бѣдныхъ до самыхъ богатыхъ,—нигдѣ не найдутъ столько читателей; а это непогрѣшимый термометръ умственной дѣятельности народа. Американецъ не ожидаетъ отъ другаго готоваго мнѣнія, онъ самъ себѣ его составляетъ, внимательно слушая и взвѣшивая всѣ *за* и *противъ*. Горячность убѣжденій и сила ума поддерживаются въ немъ здоровымъ чтеніемъ; оно-то и увеличиваетъ знаніе, этотъ могучій рычагъ труда.

Судя о жителяхъ Чикаго по ихъ дѣйствіямъ, можно заключить, безъ страха ошибиться, что они съ изобиліемъ черпали изъ этого всегда открытаго источника образованія и прогресса. Торговля книгами приняла въ этомъ городѣ баснословные размѣры; книжныя лавки ежедневно завалены требованіями, напол-

нены покупателями; чтобы удовлетворить вкусамъ своихъ покупателей, онѣ должны имѣть такой же разнообразный и многочисленный выборъ, какъ и колоссальные магазины Новой Англіи. Самыя дорогія произведенія продаются тамъ такъ легко, какъ мы не можемъ себѣ представить, мы, которые смотримъ на книги не только какъ на предметъ роскоши, но еще какъ на роскошь наименѣе желательную, потому что она слишкомъ мало удовлетворяетъ тщеславію. Ученыя и сухія энциклопедіи, стоящія до 200 долларовъ (250 рублей), покупаются сотнями, и можно бы назвать множество произведеній такихъ же дорогихъ, распродажа которыхъ совершалась еще быстрѣе.

Если изъ умственной области мы перейдемъ къ политикѣ, то и здѣсь встрѣтимъ силу и полноту жизни, весьма достойныя нашего вниманія. Пресса на Западѣ играетъ, можетъ быть, еще болѣе значительную роль, чѣмъ въ Атлантическихъ штатахъ, гдѣ она однако имѣетъ столько силы. Для луговыхъ городовъ, часто отдѣленныхъ другъ отъ друга громадными пространствами, она служитъ главною связью, соединяющею ихъ съ міромъ мысли, и ея тысячеголосное эхо разноситъ отъ одного конца равнины до другаго голосъ страны. Благодаря ей, сердце піонера, затеряннаго въ глубинѣ пустыни, бьется однимъ пульсомъ съ сердцемъ его соотечественниковъ; онъ чувствуетъ, что принадлежитъ къ великой націи и еще съ большимъ рвеніемъ исполняетъ свою задачу. Каждая маленькая деревушка Канзаса или Небраски знаетъ не менѣе города Вашингтона, въ чемъ состоятъ заботы минуты, какіе вопросы волнуютъ Капитолій.

Такимъ образомъ, можетъ быть даже не домогаясь этого, пресса служитъ замѣчательной дѣйствующей

силой для національзаціи иностранцевъ; переселенецъ такъ хорошо проникаетъ въ жизнь страны, такъ увлеченъ потокомъ идей, что ему нужно не много времени, чтобы сдѣлаться американцемъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ никто не остается равнодушнымъ къ общественнымъ дѣламъ, и отсюда-то происходитъ такая громадная сила.

Мы не отрицаемъ, что эта картина имѣетъ свои тѣни. Разумѣется, въ странѣ, гдѣ каждый гражданинъ пристращается къ политическимъ интересамъ, необходимо должны составляться опасныя партіи, которыя ссорятся изъ за власти и нарушаютъ общественную безопасность. Но дала ли намъ противоположная система прочность, которою мы имѣли бы право гордиться? Во Франціи горсть бунтовщиковъ можетъ въ данную минуту располагать судьбою страны. Честные люди ограничиваются только сожалѣніями; недостатокъ привычки къ общественной жизни мѣшаетъ имъ соединяться для дѣйствія; только крайній кризисъ въ состояніи вырвать ихъ изъ бездѣйствія. Лучше было бы вооружать ихъ на защиту добра; побѣда была бы тогда вѣрная и общественный порядокъ былъ бы установленъ лучше, чѣмъ мы это видимъ теперь, такъ какъ право и справедливость имѣютъ всегда больше приверженцевъ, чѣмъ заблужденіе.

Впрочемъ, свобода далеко не такъ благопріятствуетъ распространенію дурныхъ доктринъ, какъ это думаютъ. Слово, сказанное таинственно, на ухо, въ тайныхъ обществахъ, можетъ быть опаснымъ; произнесенное же публично, оно уничтожается насмѣшками и презрѣніемъ.

Какъ бы тамъ ни было, американцы чувствуютъ себя хорошо при ихъ системѣ, всѣ они согласны от-

носительно ея преимуществъ. Западные города охотно усвоиваютъ себѣ преданія старыхъ штатовъ. Количество журналовъ невѣроятно, и въ этомъ не только не видятъ никакой опасности, но еще безпрестанно поощряютъ основаніе новыхъ изданій. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего удивительнаго: пресса не находится тамъ въ рукахъ небольшаго числа людей; она дѣло цѣлой націи, мнѣнія которой она *выражаетъ*, а не направляетъ по своему. Такъ какъ каждый гражданинъ принимаетъ дѣятельное участіе въ политической жизни, то умѣренныя чувства, которыми обладаетъ большинство, могутъ всегда блестящимъ образомъ одерживать верхъ. Все сцѣпляется и слѣдуетъ одно за другимъ; развитіе общественной свободы служитъ лучшей защитой противъ крайностей журналистики и усилій разрушительныхъ доктринъ.

Пресса Чикаго руководится съ жаромъ и талантомъ, какихъ можно ожидать отъ такого города. Многія изъ ея ежедневныхъ газетъ имѣютъ корреспондентовъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ и въ большей части государствъ Европы. Напримѣръ, *Республиканецъ* находится въ сношеніи съ семью или восмью-стами лицами, живущими почти на всѣхъ пунктахъ земнаго шара и обязанными доставлять ему подробныя свѣдѣнія о событіяхъ, совершающихся въ обитаемыхъ ими странахъ.

Мы сдѣлали бѣглый очеркъ Чикаго; мы показали, какую сумму благородныхъ и сильныхъ качествъ надо было имѣть, чтобы довести его въ столь короткое время до его настоящаго благосостоянія. И это вовсе не изолированный фактъ: онъ встрѣчается, въ большемъ или меньшемъ развитіи, во всѣхъ городахъ Западной Америки. Это притомъ не дѣло государя или

министра; одни усилія частныхъ лицъ совершили эти чудеса. Какой справедливый поводъ къ гордости могутъ найти американцы въ этой мысли! Геніальный человѣкъ проходитъ, народъ остается; на немъ, на развитіи всѣхъ его силъ, и слѣдуетъ основывать будущность націи.

ГЛАВА II.

Луга.

(преріи, prairies).

Въ западную часть Сѣверной Америки входятъ не только штаты уже устроенные, гдѣ общество имѣетъ свой правильный ходъ; къ ней принадлежатъ также обширныя пустыни, въ которыхъ только что зараждается государственная жизнь. Возлѣ чистаго металла лежитъ тамъ шлакъ; пылкость чувствъ и идей ведетъ тамъ иногда къ преступленію, большею же частію—къ хорошимъ и благотворнымъ дѣламъ. Все въ этой странной средѣ, начиная отъ грубаго піонера до безпредѣльныхъ луговъ или едва устроеннаго города, принимаетъ характеръ дикаго величія, которое приковываетъ воображеніе.

Для того, кто любитъ видъ моря, американскія равнины имѣютъ невыразимую прелесть. Не только потому, что холмистая почва напоминаетъ волны, но и совершенное отсутствіе деревьевъ, однообразный видъ травы, усѣянной тысячами цвѣтовъ, пробуждаетъ въ душѣ чувство безпредѣльности; суровые вѣтры, ничѣмъ неостанавливаемые, дополняютъ сходство съ океаномъ. Зрѣлище, представляемое американскимъ лугомъ въ ясную погоду, въ то время года, когда трава еще зе-

лена, имѣетъ что-то волшебное. Ни лѣса̀, ни дороги, ни скалы, ни холмы не останавливаютъ на себѣ взора путника; нѣтъ никакихъ предметовъ съ ярко очерченными контурами; вездѣ простирается безконечный коверъ зелени. Колонизація нѣсколькихъ лѣтъ не измѣнила еще вида пейзажа; характеристическая черта этихъ обширныхъ луговъ въ томъ, что они принимаютъ тысячи жителей, поглощаютъ ихъ, и все-таки всегда кажутся пустынными.

Безмолвные и обширные, подобные обработанному полю, хотя человѣческая рука никогда до нихъ не дотрогивалась, они имѣютъ мѣсто для всѣхъ тѣхъ массъ, которыми Европа и Азія безпрестанно населяютъ ихъ. Они могли бы прокормить половину народонаселенія всего земнаго шара; усилія піонера не встрѣчаютъ въ нихъ никакой преграды себѣ, ни горныхъ цѣпей, ни жгучихъ песковъ, ни заразительныхъ болотъ. Заступъ и плугъ требуютъ только недолгаго труда; во многихъ округахъ можно провести глубокую колею черезъ самую плодородную почву, не встрѣтивъ, на протяженіи десяти миль, ни малѣйшаго корня, не наткнувшись ни на одинъ камень.

Эта прекрасная страна имѣетъ однако немало недостатковъ. Первый недостатокъ, это—чрезвычайная неровность температуры; тропическій климатъ внезапно смѣняется сѣверными вѣтрами; жаръ иногда доходитъ до 40° (по Цельзію), а холодъ настолько силенъ, что воды Миссури и Миссисипи замерзаютъ болѣе чѣмъ на одинъ метръ глубины. Зимою, впродолженіе нѣсколькихъ часовъ иногда бываетъ перемѣна въ тридцать пять градусовъ. Утромъ, напримѣръ, солнце свѣтитъ, тепло, снѣгъ таетъ на дорогѣ; послѣ полудня, все измѣняетъ свой видъ: сѣверо-западный вѣтеръ ду-

етъ такъ сильно, что путникъ рискуетъ отморозить лицо.

Кромѣ измѣнчивости климата, американскій колонистъ долженъ еще бороться съ сухостью почвы. Равнины, сосѣднія съ Миссисипи, орошаемыя этой громадной артеріей, представляютъ неоцѣнимыя выгоды для обработки; нынѣ, когда вспахиваніе земли достигло крайняго Запада, піонеръ встрѣчается съ серьезными затрудненіями. Рѣки легко высыхаютъ отъ зноя солнца и посѣвы, отъ недостатка орошенія, часто даютъ плохой урожай. Приходится прибѣгать къ артезіанскимъ колодцамъ, что составляетъ тяжелый расходъ для колониста, обыкновенно болѣе снабженнаго энергіей, чѣмъ долларами.

Но какой бы способъ ни избрали, артезіанскіе-ли колодцы, устройство-ли плотинъ, резервуаровъ или каналовъ, орошеніе, а вмѣстѣ съ нимъ и плодородіе всей страны, составляетъ только вопросъ времени. Посадятъ деревья, которыя, ослабляя вліяніе испареній, вѣтра и солнца, смягчатъ неровности климата; обработанная почва сама притянетъ благодѣтельные дожди; слѣдовательно, неудобство, о которомъ мы только что говорили, вполнѣ временное.

Преимущества, даваемыя правительствомъ Вашингтона переселенцамъ, вознаграждаютъ ихъ за ихъ страданія и утомленіе. Каждый семьянинъ, желающій переселиться въ Америку и сдѣлаться гражданиномъ Союза, получаетъ безплатно 60 гектаровъ земли. Кромѣ того, каждый изъ его сыновей, достигнувшій совершеннолѣтія, можетъ требовать того же самаго.

Это для иностранцевъ; для поощренія натурализаціи, имъ даются большія льготы. Что же касается тѣхъ колонистовъ, которые желаютъ сохранить свою націо-

нальность, законъ (*Homestead Bill*) даетъ имъ право купить за ничтожную цѣну (16 франковъ за гектаръ) землю, которую они вспахивали и обработывали впродолженіе пяти лѣтъ и на которой они построили домъ.

Такъ какъ цѣна на земли такъ низка, то можно было бы думать, что колонисты, отправляющіеся попытать счастія, дѣлаются владѣльцами значительныхъ владѣній, и что въ новыхъ областяхъ быстро образуется аристократія, подобная аристократіи плантатаровъ Юга. Но такое предположеніе вполнѣ невѣрно. Собственность, напротивъ, чрезвычайно раздроблена; земля, принадлежащая каждой фермѣ, не превышаетъ среднимъ числомъ 50—60 гектаровъ. Причина тому та, что рабочія руки вездѣ чрезвычайно дороги: работникъ получаетъ 30 долларовъ (около 40 рублей) въ мѣсяцъ, и еще надо его кормить. Такъ какъ каждый можетъ быть почти безъ расходовъ владѣльцемъ земли, то никто не старается работать для другаго; фермеры сами обработываютъ свои земли. Американскіе фермеры имѣютъ грубую наружность, но если они родились въ Америкѣ, они имѣютъ, благодаря общественнымъ школамъ, извѣстную долю образованія. Они много читаютъ и знакомы со всѣми новыми способами обработки земли; огромное число земледѣльческихъ газетъ, издаваемыхъ на Западѣ, доказываетъ, какъ сильно въ земледѣльцахъ желаніе имѣть основательное знаніе того, что касается ихъ профессіи. Нѣтъ народа менѣе рутиннаго, какъ американцы; его девизъ во всемъ: *дѣлать какъ можно лучше*. Спеціальные журналы издаются въ 150—200,000 экземплярахъ. Таковы: *Agriculturist*, *Prairie Farmer*, *Country gentleman* и т д. Кромѣ этихъ источниковъ знанія, открытыхъ для всѣхъ, европейскій переселенецъ, прибывъ въ Соединенные Штаты, находитъ еще

комитетъ, основанный исключительно для того, чтобы помогать ему, наставлять его въ его неопытности, давать ему, однимъ словомъ, всѣ свѣдѣнія, необходимыя для иностранца. Ему указываютъ на хлѣба, овощи или фрукты, которые лучше удаются въ томъ или другомъ округѣ; ему объясняютъ какіе существуютъ лучшіе способы для каждой обработки, какія трудности онъ встрѣтитъ и какъ онъ можетъ ихъ преодолѣть. Въ земледѣльческомъ музеѣ, основанномъ въ Вашингтонѣ этимъ комитетомъ, онъ можетъ ознакомиться съ произведеніями всѣхъ штатовъ, отъ Мэна до Флориды, отъ Массачузета до Калифорніи. Зерновые хлѣба, которые воздѣлываютъ у насъ въ Европѣ, находятся тамъ возлѣ сахарнаго тростника, риса, табака, бананов и какао, такъ какъ почва Союза (простирающагося болѣе чѣмъ на 500 миль съ сѣвера на югъ) представляетъ удивительное разнообразіе растительности.

Нѣтъ обстоятельства, развивающаго болѣе торговыя способности народа, какъ разнообразіе произведеній его земли. Если бы каждая мѣстность имѣла у себя всѣ предметы потребленія, въ которыхъ она нуждается, то ей нечего было бы очень хлопотать объ обмѣнѣ произведеній. Именно то, чего намъ недостаетъ, и подстрекаетъ нашу промышленность и дѣлается для насъ причиною благосостоянія, потому что богатство болѣе дитя разума, чѣмъ даръ природы. Америка же, хотя и весьма плодородная, соединяетъ всѣ условія, благопріятныя для торговли. На сѣверѣ находятся строевые лѣса и мануфактурные предметы. На югѣ самый драгоцѣнный прядильный матеріалъ — хлопокъ; наконецъ западъ снабжаетъ страну своими зерновыми хлѣбами и своимъ скотомъ.

Пусть прибавятъ къ этому уже довольно краснорѣчивому перечню продукты рудниковъ, драгоцѣнныхъ металловъ, залежей желѣза, каменнаго угля, распредѣленные въ различныхъ пунктахъ страны; пусть подумаютъ, на какомъ громадномъ основаніи должна установиться торговля; и тогда поймутъ значеніе внутреннихъ сношеній, которыя возникнутъ однажды въ Соединенныхъ Штатахъ.

Въ земледѣльческихъ статистикахъ, издаваемыхъ въ Америкѣ, маисъ занимаетъ такое важное мѣсто, цифра его сбора такъ превышаетъ сборъ всѣхъ другихъ хлѣбовъ, что на первый взглядъ фактъ кажется неправдоподобнымъ. Для чего обработывать такое громадное количество? Какимъ образомъ употребить его? Удивленіе прекращается, когда болѣе познакомишься съ штатами Запада, такъ какъ увидишь, что это хлѣбное растеніе лучше другихъ приноравливается къ нынѣшнимъ условіямъ страны. Безъ него Америка не могла бы такъ быстро подвигаться впередъ. Что бы сталъ дѣлать піонеръ безъ этого спасительнаго растенія? Онъ—среди луговъ или лѣса; долженъ вспахать землю, построить домъ; ему надо найти хлѣба для своей семьи, и онъ не можетъ при этомъ надѣяться ни на чью помощь. Онъ одинъ. Нѣтъ ни желѣзной, ни другой какой-либо дороги, которая соединяла бы его съ остальнымъ міромъ; его руки должны все создавать вокругъ него. Онъ не могъ обременить себя тяжелымъ багажемъ, и потому его провизія не замедлитъ истощиться. Къ счастію, маисъ подъ рукой. На едва вспаханную почву, которая отказалась бы еще отъ всякаго другаго посѣва, переселенецъ бросаетъ благотворное сѣмя. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, можетъ быть, прежде чѣмъ его хижина изъ досокъ будетъ окончена, онъ сдѣ-

лаетъ уже достаточный сборъ, чтобы питать своихъ дѣтей и кормить своихъ свиней до будущей жатвы. Созрѣвшій маисъ не требуетъ, какъ пшеница и овесъ, немедленнаго сбора и складыванія въ амбары; природа снабдила его стеблемъ, могущимъ противостоять вѣтру, она заключила колосъ въ чехолъ, охраняющій его отъ сырости.

Американецъ умѣетъ приготовлять это зерно различнымъ образомъ; оно для него тоже, что картофель для ирландца. Онъ пользуется имъ для прокормленія скота и куръ; онъ даетъ его своимъ муламъ и лошадмъ; маисъ на все годенъ, онъ родится на всякой почвѣ. Нѣтъ ничего легче его обработки, его сбора, его сохраненія и его перевозки; поэтому онъ единственное хлѣбное растеніе новыхъ округовъ; онъ сохраняетъ еще почетное мѣсто и въ старыхъ штатахъ. Колосъ маиса могъ бы служить національною эмблемою американцевъ.

Вполнѣ исключительный образъ жизни піонера производитъ и исключительные нравы. Чтобы подвигаться впередъ въ пустыняхъ, надо имѣть неодолимую энергію, смѣлость, которую ничто не устрашаетъ. Колонистъ придаетъ мало цѣны своей собственной жизни, иногда еще меньше—жизни другихъ. Такъ какъ законъ не въ силахъ его охранять, онъ долженъ самъ умѣть себя защищать, а у него множество враговъ: во-первыхъ, краснокожіе, которые, бывъ безжалостно отброшены быстрымъ движеніемъ цивилизаціи, считаютъ своимъ правомъ мстить бѣлымъ, убивая ихъ; во-вторыхъ, грабители-авантюристы, привлекаемые надеждой попытать счастіе какимъ бы то ни было способомъ, не опасаясь кары правосудія. Слѣдующій порт-

третъ одного жителя Колорады можетъ дать понятіе о типѣ піонера Запада.

«Онъ имѣлъ, говоритъ одинъ путешественникъ, видъ человѣка, который способенъ на все и который вѣроятно на многое уже отважился. Его живой, проницательный взглядъ имѣлъ выраженіе совершенно отличное отъ выраженія жителей городовъ или фермъ. Среди зимы онъ проѣзжалъ одинъ въ саняхъ Сіерру-Неваду и Скалистыя горы; ружье никогда не выпускалось изъ его руки. Одинъ иностранецъ, увидѣвъ, что дуло его ружья весьма невелико, хотѣлъ узнать на какомъ разстояніи можно убить имъ дикую козу. Колородіанецъ разсмѣялся.

— Эта игрушка не для охоты, но она можетъ убить человѣка на 80 метровъ.

Говоря это, онъ поварачивалъ ружье со всѣхъ сторонъ, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли на немъ пыли; онъ осторожно держалъ его въ рукахъ и съ любовью ласкалъ его. Это былъ карабинъ-револьверъ о шестнадцати выстрѣлахъ».

Другой путешественникъ разсказываетъ не менѣе характеристическій фактъ. Онъ проѣзжалъ на мулѣ по улицѣ одного города крайняго запада. Вдругъ подъ его ухомъ раздался выстрѣлъ и его шляпа упала въ грязь. Поднявъ ее, онъ увидѣлъ въ ней двѣ маленькія дырочки, очевидно прострѣленныя пулей.

— Вы украли у меня моего мула, раздался въ это время бѣшеный голосъ.

Онъ обернулся. Позади его стоялъ рабочій, рудокопъ, полупьяный; дымящійся револьверъ былъ еще у него въ рукѣ. Иностранецъ поспѣшилъ объяснить гдѣ и какимъ образомъ онъ досталъ спорное животное. Его объясненія показались удовлетворительными для чело-

вѣка запада. «Я ошибся, извините», отвѣчалъ онъ преспокойно, какъ будто дѣло шло о самой простительной ошибкѣ.

Поспѣшимъ сказать для успокоенія туриста, желающаго предпринять экскурсію въ равнинѣ, что ошибки подобнаго рода не особенно часты. Главная опасность, представляемая путешествію, происходитъ больше отъ необыкновенной смѣлости американца, чѣмъ отъ его грубости. Онъ прямо идетъ къ цѣли, не обращая вниманія на препятствія.

Если вопросъ идетъ о проведеніи дорогъ, объ учрежденіи желѣзной дороги, то о безопасности публики менѣе всего безпокоятся. Надо прежде всего дѣйствовать скоро и не истратить ни одного доллара болѣе дѣйствительно необходимой суммы.

Мосты строятся совершенно первобытнымъ образомъ. Два сосновые ствола, переброшенные съ одного берега на другой и соединенные между собою досками, которыя едва едва прикрѣплены,—вотъ черезъ какіе хрупкіе мостики американцы не задумываются переправлять тяжелыя повозки, запряженныя четырьмя или шестью лошадьми. Ширина не превышаетъ двухъ метровъ, между тѣмъ по бокамъ нѣтъ перилъ. Малѣйшее колебаніе, малѣйшая неосторожность погубила бы весь экипажъ; но ловкость вожака невѣроятна. Только лишь услышишь, не безъ нѣкотораго безпокойства, трескъ мостовыхъ досокъ подъ ногами лошадей, какъ увидишь себя уже на твердой землѣ, внѣ всякой опасности.

Тѣ же способы, то же презрѣніе всякой осторожности, при построеніи дорогъ. Дороги, пересѣкающія Скалистыя горы, должны во многихъ мѣстахъ проходить по весьма крутымъ спускамъ. Скала грубо высѣкается зигзагомъ, древесные пни служатъ перилами,

а осколки камня образуютъ нѣчто въ родѣ шоссе на этой созданной дорогѣ. Повороты образуютъ острые углы, дорога узка и крута, и однако находятъ возможность дѣлать по этимъ труднымъ переходамъ четыре мили въ часъ.

Если мы войдемъ теперь въ города крайняго запада, то найдемъ тамъ ту же смѣлость предпріимчивости, ту же лихорадочную дѣятельность. Таковъ напримѣръ городъ Небраски *Чеенна*, выстроенный въ восемь мѣсяцевъ. Осенью въ 1867 года на занимаемомъ имъ мѣстѣ не было ни одного дома; весною слѣдующаго года въ немъ считалось 3,000 жителей, онъ имѣлъ большіе магазины, трех-этажныя гостинницы, пакхаузы, строительныя мастерскія и т. д.

Внезапное созданіе этого города было вызвано проведеніемъ желѣзной дороги къ Тихому океану. Такъ какъ линія окончивается у подошвы Скалистыхъ горъ, то всѣ путешественники, ѣдущіе изъ Сан-Франциско на востокъ, должны стекаться въ этомъ мѣстѣ, также какъ и рудокопы, которые отправляются съ береговъ Атлантическаго океана для разработки золотоносныхъ розсыпей Калифорніи. Притомъ, такъ какъ самый близкій къ желѣзной дорогѣ городъ отдаленъ отъ нея на 150 миль, то Чеенна составляетъ сборный пунктъ для арміи рабочихъ, которые дѣлаютъ для Тихоокеанской дороги проходъ черезъ горы. Это кочующее населеніе привлекаетъ другое, болѣе осѣдлое — трактирщиковъ и купцовъ; къ несчастію, оно служитъ также приманкой для игроковъ и мошенниковъ. Новые города кажутся для людей подобнаго рода превосходной ареной для упражненія ихъ талантовъ; полиція тамъ слаба, а правосудіе не имѣло еще времени установить свой авторитетъ среди луговъ. Кража и убійство проявляют-

99045

COOKE BUSINESS FORMS, INC
DANVILLE, IL (217) 446-5711

917.3
J 73a Rb

DATE-IN

DATE-OUT

ALL NO.

OC. Ty

O.

RUSH

SER. REC. RTG.

BOUND BEFORE

NOT BOUND BEFORE

VOL. IS COMPT.

CEASED WITH

MISSING ITEMS:

RETN. FOR COMMERCIAL BINDING

OTHER

RARE, SCARCE, — HANDLE CAREFULLY

PAMPHLET

W/POCKET

LOOSELEAF

PAD BINDS

REGULAR

PAD FOR LOC.

L.U.M.

INSERT

MAKE POCKET

TREAT LEATHER

C.C. SHEETS

DISINFECT

BOOK REPAIRS

GLUE HINGES

REHANG

POKE IN

HALF BACK

SAVE SPINE

COMPLETE BIND

COLOR

SEW: Tape, cords

PAPER CONSERVATION WORK

WASH

DEACIDIFY

MEND: PP, SIGNATURES, MAPS

MEND: ARCHIVAL TAPE, HEAT TISSUE, JAPANESE PAPER

MOUNT: CHARTEX, PAPER, CLOTH

ENCAPSULATE

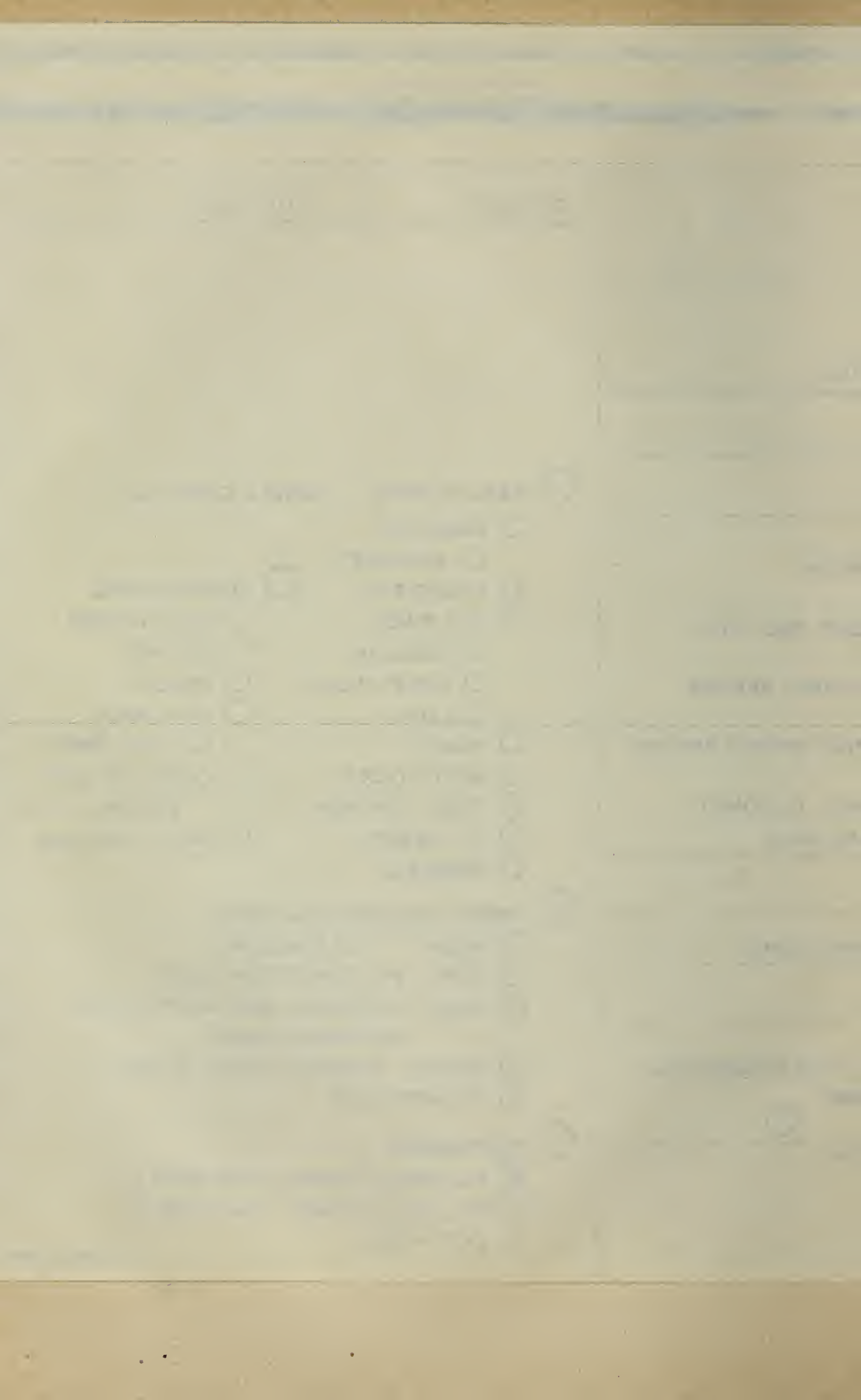
CONTAINERS

FOLDING STORAGE CONTAINER A

FOLDING STORAGE CONTAINER B

CLOTH BOX

GAMMON-198

ся тамъ съ цинической наглостью. Число злоумышленниковъ, бросающихся на эти юныя общества таково, что каждый иностранецъ дѣлается тамъ предметомъ не очень лестнаго недовѣрія. Одинъ пасторъ провелъ ночь въ гостинницѣ Чеенны; на другой день онъ хотѣлъ продолжать свой путь и потребовалъ у трактирщика счетъ.

— Одну минуту,—отвѣчалъ ему этотъ человѣкъ;—я не могу позволить вамъ уѣхать, не удостовѣрившись, что ваше постельное бѣлье не отправилось черезъ окошко.

За отсутствіемъ правильнаго правосудія, жители должны были сами принять мѣры для укрощенія насилій и преступленій. Законъ *Линча*, царствующій въ нѣкоторыхъ городахъ запада, оцѣняется различно. Многіе видятъ въ немъ возвратъ къ варварству, оскорбленіе цивилизаціи; но при этомъ они вѣроятно не достаточно принимаютъ во вниманіе обстоятельства; тѣ, которые ближе изслѣдовали ихъ, смотрятъ на него менѣе строго.

Одинъ купецъ изъ Нью-Іорка не переставалъ ратовать противъ этого обычая. Дѣла заставили его переселиться на нѣкоторое время въ Колорадо; онъ жилъ тамъ не болѣе мѣсяца, какъ уже сдѣлался членомъ *наблюдательнаго комитета* (comité de vigilence). Онъ удостовѣрился, что обыкновенная судебная процедура неисполнима тамъ, гдѣ нѣтъ ни полицейскихъ коммисаровъ, ни тюремъ, ни судей, и гдѣ, если бы даже они были, виновный имѣетъ десять шансовъ или убѣжать или ускользнуть отъ закона. Вслѣдствіе этого-то и была придумана система, не требующая тюремъ, ничего не стоющая и имѣющая то преимущество, что она ужасаетъ злоумышленниковъ быстротою дѣйствія

и своею таинственностью. Тайный комитетъ, называемый *Наблюдательнымъ,* дѣйствуетъ приблизительно такимъ же образомъ, какъ тайные комитеты среднихъ вѣковъ. Никто не знаетъ имени его членовъ, но предполагаютъ, что каждый вліятельный и богатый колонистъ принимаетъ въ немъ участіе. Ничто не ускользаетъ отъ вниманія этого страшнаго судилища и каждый склоняетъ голову передъ его приговорами. Изъ города исчезаетъ человѣкъ; вмѣсто того, чтобы потребовать слѣдствія, говорятъ про себя: «*онъ наверху*», что значитъ: «*его повѣсили.*». Въ совершенно устроенномъ обществѣ законъ Линча былъ бы чудовищнымъ; онъ уже болѣе не существуетъ ни въ Чикаго, ни въ Цинциннати, хотя эти города еще молодые. Но когда въ только что выстроенные и беззащитные города наплываютъ опасные подонки Стараго Свѣта, *наблюдательный комитетъ* дѣлается ихъ охраною. Мирнымъ людямъ впрочемъ нечего бояться: надо, чтобы виновность была очень очевидна, чтобы таинственный судья рисковалъ своею жизнью для исполненія произнесеннаго противъ преступника приговора.

Опытъ ясно доказалъ дѣйствительность закона Линча. Онъ установилъ порядокъ въ рудокопныхъ округахъ, куда золото привлекло всѣ элементы испорченности; онъ очистилъ также многія области крайняго запада, между прочимъ городъ Денверъ, столицу Колорадо. Три года тому назадъ этотъ городъ былъ такой же разбойничій притонъ, какъ теперь Чеенна; благодаря наблюдательному комитету, главные злоумышленники были повѣшены, а подозрительные авантюристы принуждены были удалиться изъ того мѣста, гдѣ ловить рыбу въ мутной водѣ становилось трудно. Городъ можетъ служить теперь образцомъ для самыхъ

мирныхъ общинъ Новой Англіи. Тотъ, кто знаетъ обѣ страны, предпочтетъ оставить весь свой багажъ цѣлую ночь на улицахъ Денвера, чѣмъ въ какомъ бы то ни было городѣ старыхъ штатовъ. Колорадскимъ фрейграфамъ (franc-juges) сильно помогали въ ихъ дѣлѣ два безстрашные и рѣшительные человѣка: губернаторъ Джильпинъ (Gilpin) и шерифъ Робертъ Вильсонъ.

Первый, Пенсильванецъ по происхожденію, можетъ быть названъ основателемъ штата. Его семья, одна изъ самыхъ старинныхъ и самыхъ уважаемыхъ въ странѣ, считаетъ между своими предками друга и товарища Пенна и Логена; поэтому въ ней всегда преобладало глубокое чувство религіозной терпимости. Воспитанный въ этой школѣ и кромѣ того одаренный самыми рѣдкими качествами: терпѣніемъ, проницательностью, краснорѣчіемъ, увлеченіемъ, Вилліамъ Джильпинъ играетъ въ Денверѣ роль создателя. Онъ гордится тѣмъ, что онъ, какъ онъ выражается, *католическій квакеръ*, то есть обнимаетъ двѣ крайнія точки религіозной мысли, примиряетъ чувство личной независимости съ догматомъ власти, самую широкую свободу съ самымъ строгимъ порядкомъ. Характеръ Джильпина преисполненъ кажущихся потиворѣчій; хотя и ревностный квакеръ, онъ однако былъ однимъ изъ самыхъ достойныхъ офицеровъ Союзной арміи. Достигнувъ очень молодымъ чина подполковника, онъ сдѣлался бы соперникомъ Гранта и Шермана, еслибы обстоятельства не удалили его отъ военной карьеры, чтобы дать ему въ Колорадо дѣло, болѣе соотвѣтствующее его генію. Вмѣсто того, чтобы быть во время гражданской войны однимъ изъ начальниковъ побѣдоносной партіи, онъ сдѣлался цивилизаторомъ дальняго запада. Онъ прилагаетъ всѣ свои силы къ тому, чтобы населить его,

пріучить къ дисциплинѣ и руководить имъ на пути прогресса.

Что-же касается шерифа Роберта Вильсона, или, какъ его обыкновенно называютъ, *Bob Wilson*, то это человѣкъ съ быстрыми движеніями, отрывистой рѣчью и неукротимой волей. Нѣкоторыя лица утверждаютъ, что его молодость прошла въ игорныхъ домахъ, среди оргій и ссоръ; объ немъ разсказываютъ множество приключеній, показывающихъ смѣлость и рѣшимость, служившія прежде плохому дѣлу, но изъ которыхъ впослѣдствіи онъ сдѣлалъ столь полезное употребленіе.

Этотъ смѣлый судья сдѣлался скоро ужасомъ для безпутныхъ людей. Одаренный геркулесовской силой, несмотря на свой маленькій ростъ, онъ никогда не колеблется рисковать своей особой; не разъ онъ вызывался лично захватывать злоумышленниковъ, на слѣдъ которыхъ полицейскіе сыщики никакъ не могли попасть.

Однажды пять прекрасныхъ жеребцовъ были украдены изъ одной конюшни. А надо сказать, что колонисты крайняго запада чрезвычайно дорожатъ лошадьми; кража послѣднихъ считается въ ихъ глазахъ уголовнымъ преступленіемъ. Бобъ Вильсонъ поклялся наказать виновныхъ. Три работника-рудокопа съ подозрительной репутаціей, Браунли, Смитъ и Картеръ, исчезли въ тоже утро изъ Денвера; шерифъ не сомнѣвался, что они были виновниками. Не теряя ни одной минуты, онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, взялъ револьверъ и свой *bowie knife* и поскакалъ по Лаплатской дорогѣ, по которой должны были удаляться бѣглецы.

Дѣло было весною, снѣгъ таялъ и рѣка разливалась. Онъ снялъ съ себя платье и, держа его въ од-

ной рукѣ выше головы, другою гналъ лошадь въ быструю и глубокую рѣку. Проѣхавъ не останавливаясь день и ночь, онъ настигъ трехъ воровъ на уединенномъ лугу, въ пятидесяти миляхъ отъ города и въ двухъ миляхъ отъ самаго близкаго жилища. Шерифъ не ошибся. Каждый изъ мошенниковъ сидѣлъ на одномъ изъ жеребцовъ, украденныхъ въ Денверѣ. Картеръ и Смитъ, ѣхавшіе впереди, держали за узду двухъ другихъ лошадей. Бобъ Вильсонъ заводитъ разговоръ, выдаетъ себя за рудокопа безъ работы и предлагаетъ имъ ѣхать съ ними. Онъ хотѣлъ выиграть время, такъ какъ надѣялся встрѣтить какого нибудь путника, который оказалъ бы ему содѣйствіе. Но часы проходили, каждый шагъ впередъ удалялъ его отъ Денвера. Онъ понялъ, что ему приходилось одному исполнить свое опасное предпріятіе. Измѣнивъ вдругъ голосъ, онъ сказалъ авторитетнымъ тономъ:

— Товарищи, мы уѣхали уже довольно далеко; пора возвратиться.

— Кто вы, чортъ возьми, что смѣете съ нами такъ говорить?

— Бобъ Вильсонъ, спокойно отвѣчалъ шерифъ;— васъ обвиняютъ въ кражѣ пяти лошадей и я долженъ предать васъ суду; отдайте мнѣ ваше оружіе!

— Чортъ побери! закричалъ Браунли, подымая свой револьверъ.

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ спустить курокъ, пуля прошла ему въ сердце и онъ съ проклятіями упалъ на землю. Смитъ и Картеръ, ѣхавшіе впереди, обернулись на шумъ и схватились за пистолеты. Быстрѣе молніи шерифъ сдѣлалъ второй выстрѣлъ, размозживъ голову одному изъ двухъ воровъ. Оставшійся въ жи-

выхъ, испуганный до нельзя, сталъ умолять Боба Вильсона оставить ему жизнь.

— Ты видишь, что я не дѣлаю промаха, сказалъ ему судья;—если ты сдѣлаешь попытку бѣжать, ты убитъ.

Онъ связалъ своего плѣнника крѣпкими веревками и привелъ назадъ въ городъ, гдѣ скоро висѣлица свела его счеты съ правосудіемъ.

Въ теоріи Джильпинъ и Бобъ Вильсонъ осуждаютъ наблюдательный комитетъ, этотъ тайный судъ, ставящій себя выше закона; но внутренно они довольны, что тайное судилище помогаетъ имъ очищать страну.

Дополненіемъ къ этой скорой системѣ нравственнаго очищенія служитъ употребленіе револьвера. Онъ мало по малу вошелъ въ обычай и его находятъ даже среди народонаселеній, давнымъ давно изгнавшихъ законъ Линча. Карманный пистолетъ въ большомъ употребленіи въ штатахъ Нью-Іоркѣ и Вермонтѣ. Недавно на одной желѣзно-дорожной линіи начальникъ поѣзда, желая выстрѣлить въ какую-то птицу, попросилъ путешественниковъ одолжить ему оружіе. Тотчасъ же изъ открытыхъ оконъ высунулось множество рукъ, подавая револьверъ. Только одинъ человѣкъ не имѣлъ послѣдняго; то былъ европеецъ. Этотъ обычай, сохраняясь на берегахъ Атлантическаго океана, не имѣетъ тамъ уже смысла, но онъ имѣетъ оправданіе въ новыхъ областяхъ. Общественный порядокъ не охраняетъ тамъ ни жизни, ни имущества, ни достоинства гражданъ; поэтому послѣднимъ приходится самимъ заставлять уважать себя грубую толпу искателей приключеній, среди которыхъ они принуждены жить. Человѣкъ запада убѣжденъ, что если ему нанесена обида или его жизни какимъ бы то ни было

образомъ угрожаютъ, онъ обязанъ, не только въ своемъ собственномъ интересѣ, но и въ интересѣ всѣхъ, пустить обидчику пулю въ лобъ. Эти нравы грубы и мы не думаемъ ихъ хвалить; однако за отсутствіемъ законовъ, охраняющихъ общественную безопасность, они имѣли возможность помѣшать честнымъ людямъ быть притѣсняемыми кучкою злодѣевъ.

Слѣдующій фактъ, разсказанный очевидцемъ, показываетъ, до какой степени общество не дорожитъ жизнью своихъ членовъ, если они буянятъ или вредятъ ему. Дюжина людей, сидѣвшихъ за столомъ въ одномъ трактирѣ Чеенны, пили и курили. Вдругъ одинъ бродяга съ весьма подозрительной физіономіей, опьяненный хмѣлемъ виски, схватилъ свой револьверъ и, направляя дуло попеременно на каждаго изъ присутствующихъ лицъ, объявилъ, что онъ пуститъ пулю въ лобъ каждому, кто не признаетъ его за «самаго утонченнаго кавалера въ мірѣ». Въ эту минуту вошли два джентльмена; не зная въ чемъ дѣло, они подошли къ столу. Пьяный, о которомъ идетъ рѣчь, прицѣлился въ того джентльмена, который стоялъ ближе къ нему, и повторилъ свое грубое требованіе. Этотъ въ одну минуту понялъ свое положеніе: если онъ сдѣлаетъ малѣйшее движеніе, чтобы достать свой револьверъ, онъ будетъ убитъ наповалъ. Онъ сдѣлалъ уступку и отвѣчалъ:

— Я сознаюсь, что вы замѣчательно красивы; я и не думалъ, войдя сюда, что встрѣчу подобнаго товарища.

Въ это время второй джентльменъ вынулъ свой пистолетъ и выстрѣлилъ въ буяна, который мертвый повалился къ его ногамъ. Затѣмъ онъ снова вложилъ ору-

жіе за поясъ, сказавъ, болѣе въ видѣ надгробнаго слова, чѣмъ въ свое оправданіе:

— Этотъ негодяй надѣлалъ бы немало бѣдъ.

Никто не протестовалъ. Приверженцы порядка не противодѣйствовали потому, что въ глубинѣ сердца они радовались, что городъ избавился отъ опаснаго человѣка; что-же касается до друзей покойнаго, то они нашли болѣе благоразумнымъ не выказывать своей симпатіи. Когда у трактирщика нашлась свободная минута, онъ послалъ своихъ слугъ вырыть яму на лугу, и этотъ случай не имѣлъ другихъ послѣдствій.

Первобытное положеніе соціальной организаціи въ равнинахъ не мѣшаетъ существованію въ нихъ дѣятельной политической жизни. Очищая народонаселеніе при помощи свинца и веревки, жители запада вмѣстѣ съ тѣмъ работаютъ надъ установленіемъ у себя свободы, составляющей славу старыхъ штатовъ. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, ихъ образъ дѣйствій таковъ, что иногда онъ насъ возмущаетъ, а иногда заставляетъ улыбаться. Но подъ этой грубой оболочкой находишь качества, образующія великій народъ: ненависть къ притѣсненію и пороку, твердость, инициативу, любовь къ труду, страсть къ независимости. Самые маленькіе города имѣютъ множество газетъ, обязанныхъ быть представителями ихъ мнѣній и интересовъ. Часто городъ еще не выстроенъ, бумага имѣется плохая, шрифтъ неполный, дурная краска; не бѣда, колонистъ долженъ имѣть свой періодическій листокъ. По обѣ стороны Скалистыхъ горъ общество выказываетъ одинаковую жадность къ чтенію, редакторы—одинаковое рвеніе. *California Alta* вышла однажды съ слѣдующимъ объявленіемъ: буквы *W* не достаетъ въ нашемъ шрифтѣ (а извѣстно, какую важную роль

она играетъ въ англійскомъ языкѣ); мы не можемъ ее здѣсь достать, такъ какъ ея нѣтъ въ испанской азбукѣ. Мы выписываемъ ее съ Сандвичевыхъ острововъ, а пока будемъ ставить два V для обозначенія W.

Денверская газета выходитъ не въ лучшемъ видѣ. Напечатанная на бумагѣ темнаго цвѣта, краскою, которая не болѣе темна чѣмъ бумага, она можетъ прочитываться только глазами американца. Иностранцы должны отказаться читать ее, что для нихъ чрезвычайно жаль, такъ какъ то немногое, что имъ удастся понять, достаточно для того, чтобы внушить имъ желаніе узнать остальное.

«Пока я не увидѣлъ за работой журналистовъ запада, говоритъ одинъ англійскій путешественникъ, я не подозрѣвалъ о всѣхъ тѣхъ трудностяхъ, съ которыми имъ приходится бороться. Онѣ таковы, что удивляешься, какъ удается ихъ преодолѣвать. За столько трудовъ вознагражденіе однако очень скудное. Оно состоитъ только въ небольшемъ удовольствіи быть приглашеннымъ къ столу значительныхъ лицъ города, имѣть иногда случай говорить съ губернаторомъ области, располагать однимъ мѣстомъ въ дилижансахъ и на желѣзныхъ дорогахъ. Прибавимъ къ этому, что слава быть публицистомъ приноситъ также одинъ или два пистолетныхъ выстрѣла въ мѣсяцъ.»

Эти спорныя выгоды, эти маленькія побѣды тщеславія, понятно, не могутъ быть двигателями, возбуждающими писателя въ его трудовой жизни. Что бы ни говорилъ приведенный нами выше путешественникъ, смотрѣвшій на вещи чрезъ свои аристократическіе очки, чиновникъ, какъ напримѣръ губернаторъ, не имѣетъ въ Америкѣ престижа, способнаго ослѣпить. Сближеніе съ нимъ никому не кружитъ голову. Даже

воспоминаніе о неравенствѣ классовъ исчезло въ равнинахъ; люди цѣнятся тамъ только по ихъ личнымъ качествамъ. Претензія на какое бы то ни было превосходство надъ другими считается во всякомъ случаѣ непростительнымъ преступленіемъ. Это грѣхъ противъ равенства, грѣхъ, который никогда не прощается въ этомъ мірѣ и который, по твердому убѣжденію каждаго американца, никогда не простится и въ другомъ мірѣ.

Но если матеріальныя выгоды прессы почти ничтожны на западѣ и если вопросъ самолюбія устраненъ, то надо признать, что журналистомъ управляетъ болѣе благородное чувство.

Онъ подчиняется распространенному вездѣ въ Соединенныхъ Штатахъ убѣжденію, что пресса одна изъ самыхъ первыхъ необходимостей свободнаго народа. Патріотизмъ, это святое чувство, вдохновляющее столько благородныхъ усилій, живетъ въ душѣ каждаго американца. Каждый убѣжденъ, что страна имѣетъ право на его силы и на его трудъ; онъ отдаетъ ихъ также просто, какъ солдатъ идетъ на войну. Преданность общественному благу находится на всѣхъ ступеняхъ социальной лѣстницы; купецъ читаетъ лекцію и устраиваетъ бесѣды для образованія рабочихъ; піонеръ луговъ, промышленникъ городовъ, отдаютъ, не считая, свои деньги и свой трудъ, если дѣло идетъ о возвышеніи нравственнаго уровня народонаселенія. Оттого-то удивительно видѣть, какъ учрежденія старыхъ штатовъ, не смотря на то, что они требуютъ политической зрѣлости, свободно дѣйствуютъ въ молодыхъ обществахъ Запада. Нѣтъ города, который не имѣлъ бы своихъ митинговъ; а извѣстно, сколько такого рода собранія требуютъ мудрости и политическаго смысла,

чтобы привести къ хорошимъ результатамъ. Во Франціи общественныя собранія слишкомъ часто приводятъ къ печальнымъ отступленіямъ, въ которыхъ ораторъ одинаково попираетъ ногами требованія языка и нравственности. Честные люди, по своему обыкновенію, держатся при этомъ въ сторонѣ и молчатъ. Они также должны бы вслухъ выражать свое мнѣніе; когда наглые люди видятъ себя въ небольшомъ числѣ, они дѣлаются болѣе сдержанными.

Тѣ и другіе могли бы много выиграть въ школѣ піонеровъ запада. Мы предлагаемъ имъ подумать надъ замѣчательными словами американскаго журнала:*) «Митингъ есть точный термометръ народной свободы; онъ требуетъ мужественныхъ добродѣтелей, ума, искусства, самообладанія. Люди, призванные принять въ немъ участіе, *должны не только уважать самихъ себя, но также и уважать другихъ, и, каковы бы ни были ихъ личныя убѣжденія, выказывать терпимость относительно противоположныхъ мнѣній*. Необходимо, чтобы чувство справедливости смягчалось духомъ примиренія, чтобы была готовность жертвовать мелочами, наконецъ, чтобы, изъ любви къ миру, принимался каждый разумный компромиссъ». Вотъ какъ американцы понимаютъ митинги и вотъ какъ они ведутъ ихъ.

Эти политическіе нравы, ставящіе Соединенные Штаты въ первый рядъ между свободными государствами, кажутся еще болѣе замѣчательными, когда изслѣдуешь среду, гдѣ они проявляются. Америка далеко не однородное тѣло; всѣ племена, всѣ народы Европы содѣйствовали ея образованію. Янки первые признаютъ это и забавно разсказываютъ, что въ по-

*) Atlantic Monthly, январь 1869 года.

слѣднюю гражданскую войну одинъ полковникъ говорилъ о своихъ подчиненныхъ:

— Мой полкъ содержитъ отборныхъ представителей восьми націй.

— Какихъ? спросилъ одинъ любопытный.

— У меня французы, англичане, ирландцы, шотландцы, бельгійцы, итальянцы и нѣмцы.

— Но это только семь.

— Остальные, можетъ быть, шведы? замѣтилъ кто-то.

— Нѣтъ, у меня ихъ нѣтъ, отвѣчалъ полковникъ, стараясь припомнить... Ахъ да! у меня около дюжины американцевъ.

Эмиграція постоянно усиливается, и янки не только не жалуются на это, но напротивъ покровительствуютъ ей. Отъ 200 до 300 тысячъ европейцевъ высаживаются ежегодно на берегахъ Атлантическаго океана; это чужеземное народонаселеніе наводняетъ цѣлые округа, начиная съ Нью-Іорка и Пенсильваніи. Въ городахъ Запада по крайней мѣрѣ половина жителей — нѣмцы или ирландцы. Подобно пуританамъ, заселившимъ нѣкогда восточные штаты, сыны несчастной Ирландіи отправляются теперь искать въ Америкѣ убѣжища противъ людской несправедливости. Они знаютъ, что найдутъ тамъ свободу исповѣданія своей религіи, вознаграждаемый трудъ, всѣ права гражданъ. На четыре милліона переселенцевъ, высадившихся впродолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ въ одномъ только городѣ Нью-Іоркѣ, двѣ трети принадлежатъ Ирландіи. Янки помнитъ, что онъ самъ — результатъ преслѣдованій, и въ глубинѣ души хранитъ мысль, что святая задача его земли — служить убѣжищемъ несчастнымъ и притѣсняемымъ. Онъ не боится, что это наводненіе

исказитъ характеръ, нравы, учрежденія Америки, и факты оправдываютъ его великодушное довѣріе. Пусть отправляются въ Канзасъ или въ Колорадо, въ Иллинойсъ, или въ Вермонтъ; вездѣ будетъ очевидно, что система янки безъ усилія беретъ верхъ. Вездѣ общественный духъ столь силенъ, столь, такъ сказать, заразителенъ, что онъ сглаживаетъ національныя различія.

Одно безпокойство омрачаетъ горизонтъ. Американцы знаютъ, что они образуютъ по своему политическому образцу безчисленныхъ переселенцевъ Европы; но они чувствуютъ себя менѣе сильными въ религіозномъ отношеніи; поэтому многихъ изъ нихъ тревожитъ то невѣріе, которое они замѣчаютъ между многими переселенцами, и особенно между тѣми, которые являются изъ Германіи. «У этихъ людей,» говорятъ они, «развита струнка матеріализма; они, кажется, совсѣмъ не понимаютъ духовной стороны».

Къ счастію для будущности Соединенныхъ Штатовъ, сухія доктрины скептицизма разбиваются о христіанское чувство, составляющее основаніе національнаго характера. Католичество весьма содѣйствуетъ странѣ, помогая ей выбрасывать изъ своей среды эти зародыши испорченности и смерти. Ничто не можетъ лучше показать, насколько блестящи его успѣхи, какъ жалобы его противниковъ. «Саксонскій протестантизмъ исчезаетъ! съ горечью восклицаетъ одинъ англійскій писатель. *) Доходы штатовъ употребляются на католическія учрежденія, большія земли покупаются на постройки католическихъ соборовъ, даже Бостонъ, интеллектуальный центръ Союза, заключаетъ

*) M. Ch. Dilke, въ недавно изданной книгѣ, подъ заглавіемъ: Greater Britain.

въ себѣ 80.000 католиковъ». Католическая церковь распространяется и усиливается еще болѣе на западѣ; она увѣрена въ преданности ирландскихъ переселенцевъ, и ежедневно пріобрѣтаетъ между разномыслящимъ народонаселеніемъ новыхъ адептовъ. Даже люди, которыхъ она не призываетъ къ себѣ, часто изъ чистаго патріотизма, ради поддержанія между колонистами религіознаго духа, способствуютъ ея распространенію. Въ Гольденъ-Сити (Golden-City), близь Денвера, одинъ американецъ-протестантъ подарилъ католикамъ въ центрѣ города прекрасный участокъ земли, въ 300 метровъ длины и въ 150 ширины. Единственнымъ условіемъ этого пожертвованія было: выстроить впродолженіе одного года церковь, домъ для пастора и школу. Въ 1855 г., когда въ Канзасѣ въ первый разъ была основана миссія, епископъ, живущій въ Ливенвортѣ, имѣлъ вмѣсто дворца хижину, вмѣсто собора — деревянную часовню. Это скромное начало соотвѣтствовало числу католиковъ, не превышавшему 8-ми—9-ти. Нынѣ эпархія считаетъ 15,000 католиковъ (на европейское народонаселеніе приблизительно въ 40,000 душъ); она имѣетъ 28 храмовъ или капеллъ, 15 школъ и 1 коллегію. Старанія евангелическихъ миссіонеровъ были не менѣе вознаграждены. Присоединеніе новой Мексики еще болѣе увеличило силу церкви Соединенныхъ Штатовъ.

ГЛАВА III.

Калифорнія и путь къ Тихому океану.

Казалось, сама природа подготовила политическое единство сѣверо-американскихъ равнинъ; одинаковая почва, одинакія климатическія условія, удобно устроиваемыя сообщенія,—все показывало, что эти обширныя области должны принадлежать одному народу. Но между Скалистыми горами и прибрежьемъ Тихаго океана лежитъ страна, которая по своему положенію, казалось, должна была избѣгнуть американскаго вторженія. Это—Калифорнія, та привиллегированная страна, ископаемыя богатства которой представляютъ только наименьшее ея преимущество, ибо она владѣетъ болѣе прочнымъ источникомъ благосостоянія въ замѣчательной плодородности своей почвы и въ коммерческихъ удобствахъ, которыя доставляются ей близостью моря, омывающаго ея берега и берега Китая.

Индѣйцы, населяющіе луга, расположенные у подошвы Скалистыхъ горъ, разсказываютъ, что души праведныхъ по смерти возвращаются на западъ, въ отчизну предковъ; онѣ проходятъ черезъ ужасныя ущелья, пустынныя страны, чтобы достигнуть благословеннаго обиталища вѣчной весны. Мистическія пѣсни Пауніевъ (Pawnies) описываютъ съ большими подробностями

препятствія, которыя должны преодолѣть избранные, чтобы достигнуть блаженной гавани.

Эти разсказы, которые, вѣроятно, не болѣе какъ пріятное воспоминаніе о прежнихъ кочеваніяхъ племени, не преувеличиваютъ всевозможныя трудности, встрѣчаемыя путникомъ на каждомъ шагу. Множество непрерывныхъ цѣпей, безплодная почва, которую не орошаетъ ни одна струя прѣсной воды, солончаковыя равнины, гдѣ не растетъ ни одинъ стебелекъ травы,—вотъ преграды, поставленныя самою природою между Калифорніей и Канзасомъ.

Жизнь бѣжала изъ этихъ печальныхъ областей. Не только не встрѣтишь тамъ ни одного индѣйца, тамъ нѣтъ даже ни звѣря, ни птицы. Сахара менѣе заслуживаетъ названія пустыни; пески Египта имѣютъ свои оазисы; пески Аравіи прерываются то тамъ, то сямъ колодцами и группами пальмъ; въ Скалистыхъ же горахъ нѣтъ ничего, нѣтъ даже земли. Почва состоитъ изъ солончаковъ; воздухъ и вода полны солью. Видъ страны дѣлается еще болѣе дикимъ въ Сіерра-Невадѣ. Горная цѣпь возвышается непроходимою стѣною. Цѣлый лѣсъ исполинскихъ деревьевъ, встрѣчающихся впервые съ самаго Миссури, вѣнчаютъ вершины; но эта растительность не только не увеселяетъ природу, но напротивъ представляетъ еще одно препятствіе для путниковъ. Глядя на этотъ тѣсный рядъ елей, на эти грозные бастіоны скалъ, перестаешь удивляться, что, впродолженіе трехъ сотъ лѣтъ, торговля, для избѣжанія ихъ, дѣлала значительный кругъ и проходила черезъ Панамскій перешеекъ, или даже черезъ мысъ Горнъ.

Тысячи зловѣщихъ воспоминаній соединены съ долинами, по которымъ проходитъ путникъ. Въ 1848 го-

ду эмигранты, отправлявшіеся въ Калифорнію и застигнутые зимою, должны были остановиться въ Сіерра-Невадѣ. Страданія голода превратили людей въ дикихъ звѣрей. Индѣйцы, служившіе имъ проводниками, были убиты одинъ за другимъ и съѣдены европейцами. Затѣмъ пришла очередь слабыхъ и больныхъ; ихъ безжалостно умертвили, и эти ужасныя сцены возобновлялись впродолженіе трехъ мѣсяцевъ.

Температура тамъ столь же немилостива, какъ почва негостепріимна; холода начинаются въ августѣ и продолжаются до іюня. Даже втеченіе короткаго жаркаго времени ночи бываютъ очень холодныя. Вьючныя животныя погибаютъ сотнями, ихъ кости усѣваютъ всю дорогу и увеличиваютъ печальный видъ этихъ странъ.

Безплодныя земли, простирающіяся у подошвы горныхъ цѣпей, усѣяны соляными озерами; внутреннее море, находящееся близъ столицы мормоновъ, есть главный изъ этихъ резервуаровъ, но онъ далеко не единственный; въ долинахъ Миража находится еще одинъ резервуаръ, а сосѣдняя долина считаетъ ихъ дюжинами.

По отпечаткамъ, оставленнымъ на камняхъ, и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ можно предполагать, что еще не въ очень отдаленную эпоху вода покрывала всю страну. Весь бассейнъ Скалистыхъ горъ, шириною болѣе чѣмъ въ 300 миль, можетъ быть, былъ нѣкогда моремъ, берегъ котораго составляли высокія сіерры востока и запада, тогда какъ среднія цѣпи, Вазачъ, Госгаутъ, Вородья (Worodja), Гумбольдтъ и сотня другихъ, не получившихъ еще названія, представляли скалы и острова. Вода должна была въ эту эпоху быть на 200 или 300 футовъ выше уровня Со-

ленаго озера, но дѣйствіе вѣтровъ и солнца постепенно содѣйствовало испаренію этой водной массы. Море Мормоновъ годъ отъ году понижается, и уже на солончаковыхъ земляхъ, которыя были до сихъ поръ безплодны, начинаютъ находить нѣкоторые слѣды слабой растительности.

Открытіе рудниковъ въ Калифорніи лишило эти долины ихъ уединенія. Толпа эмигрантовъ бросилась въ новое Эльдорадо; одержимые золотой лихорадкой, они имѣли только одну мысль—какъ можно скорѣе достигнуть его, а проходы Скалистыхъ горъ были самой короткой дорогой. Нѣсколько лѣтъ спустя, мормоны, изгнанные изъ луговъ, положили на берегу Соленаго озера основаніе ихъ городу; упорный трудъ измѣнилъ видъ почвы и совершилъ побѣду надъ безплодностью, считавшеюся до сихъ поръ непреодолимою. Разъ дорога была открыта, торговля не замедлила пойти по ней. Кромѣ того, и Канзасъ и Небраска начали населяться; колонисты Запада, привыкшіе ничего не бояться, установили частыя сношенія съ Калифорніей.

Когда были открыты золотоносныя залежи, мексиканское правительство не знало еще богатства этой провинціи и уступило ее Соединеннымъ Штатамъ. Вліяніе духа янки не замедлило выказаться въ новыхъ областяхъ, открытыхъ для его дѣятельности. Въ настоящее время между прибрежьемъ Тихаго океана и восточными штатами установлены важныя сношенія; среди самыхъ Скалистыхъ горъ были основаны города, и скоро желѣзная дорога облегчитъ столь опасный доселѣ переходъ черезъ сіерры и дастъ этимъ торговлѣ громадный толчокъ.

Построить желѣзную дорогу въ пустынной странѣ, среди подобныхъ препятствій, было весьма смѣлою

мыслью. Несмотря на дѣятельность эмиграціи, луга крайняго запада все еще остаются обширными пустынями; сотни тысячъ европейцевъ, разбросанные по этимъ пространствамъ, измѣняютъ также мало ихъ характеръ, какъ капля воды ничего не прибавляетъ къ океану. Надо было, слѣдовательно, привезти издалека матеріалы, необходимые для постройки желѣзной дороги, создать жилища для рабочихъ, доставить провіантъ для двигающейся колоніи. Этотъ громадный трудъ, который соединитъ Нью-Іоркъ съ Санъ-Франциско и дастъ Соединеннымъ Штатамъ самую длинную въ свѣтѣ желѣзную дорогу, былъ начатъ въ 1862 году. Актъ, утвердившій постройку этой дороги, опредѣлилъ окончаніе ея къ 1870 году. Окончить въ столь короткое время предпріятіе, требовавшее столькихъ трудовъ и усилій, казалось вещью невозможною; однако, инженеры сдѣлали больше даже чѣмъ они обѣщали.

Это чудо дѣятельности объясняется характеромъ акта концессіи. Вмѣсто того, чтобы поручить исполненіе работъ одной компаніи, Конгрессъ съумѣлъ искусно воспользоваться принципомъ конкурренціи. Два общества раздѣлили между собой 700 миль, отдѣляющія берега Тихаго океана отъ существующихъ уже линій на востокѣ. Правительство дало имъ взаймы значительный капиталъ, и всевозможныя льготы подстрекаютъ ихъ соревнованіе. Каждая оконченная миля дороги даетъ право на участокъ земли, величина котораго мѣняется, смотря по трудностямъ, которыя пришлось преодолѣть. Участки, даваемые въ горахъ, втрое больше участковъ луговыхъ. Итогъ этихъ концессій оцѣнивается въ 9 милліоновъ гектаровъ (ок. $4^1/_2$ милл. десятинъ). Такъ какъ часть работы обѣихъ компаній не опредѣлена, то между ними установилось нѣчто въ

родѣ борьбы, чтобы пріобрѣсти какъ можно больше земли.

Ихъ оживляетъ еще другой интересъ. Калифорнское общество естественно старается продолжить свою линію какъ можно дальше на востокъ; его соперникъ, *Тихоокеанскій Союзъ (Pacific Union)* старается, напротивъ, отодвинуть какъ можно далѣе на западъ тотъ пунктъ, гдѣ обѣ вѣтви соединяются; обѣ стремятся такимъ образомъ удлиннить свою часть. Вслѣдствіе этого, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поверхность почвы приблизительно ровная, строятъ среднимъ числомъ 1 милю желѣзной дороги въ день. Вокругъ построекъ возникаютъ города, состоящіе изъ гостинницъ и трактировъ и переселяющіеся часто вмѣстѣ съ кочующимъ народонаселеніемъ, давшимъ имъ жизнь. Такъ, станція Джульсбургъ (Julesbourg), процвѣтавшая два года тому назадъ, теперь покинута.

Процвѣтаніе главныхъ пунктовъ линіи менѣе кратковременно. Одинъ городъ Небраски, *Омага* на Миссури, принимаетъ съ установленіемъ дороги размѣры, которые обѣщаютъ сдѣлать изъ него второй Чикаго. Подобныя же условія обезпечиваютъ и за Чеенной прочное существованіе. Здѣсь поѣзды должны будутъ отцѣпляться отъ локомотива, двигающаго ихъ черезъ луга, для того, чтобы буксироваться болѣе сильными локомотивами, посредствомъ которыхъ они будутъ подниматься по крутымъ склонамъ горъ. Изъ города пойдутъ двѣ вѣтви: одна направится на Денверъ, столицу Колорадо; другая—къ богатымъ, еще неразработаннымъ рудникамъ на сѣверъ отъ Монтаны.

Два года тому назадъ путникъ переходилъ черезъ луга Запада цѣною большихъ утомленій и безпрерывныхъ опасностей. Переѣздъ отъ Миссури до Чеенны

дѣлается теперь въ 26 часовъ, и вагоны устроены съ такой разумной предусмотрительностью, которую не мѣшало бы порекомендовать, какъ образецъ, многимъ желѣзно-дорожнымъ компаніямъ. Настоящіе катящіеся дворцы, они представляютъ публикѣ, этому самодержавному монарху Соединенныхъ Штатовъ, все, что способствуетъ комфорту. Днемъ они служатъ гостинной, ночью превращаются въ спокойныя спальни.

Въ то время какъ на оконченной вѣтви уже устанавливается движеніе, нѣсколько миль дальше работы продолжаются съ необычайной быстротой. Рабочіе, составляющіе громадную армію, раздѣлены на бригады, изъ которыхъ каждой поручена спеціальная работа. Одни взрываютъ скалы, другіе очищаютъ землю, эти кладутъ шпалы, тѣ—подушки. Когда дорога проложена, является большая платформа на колесахъ. Она везетъ матеріалъ, необходимый для постройки дороги; для облегченія выгрузки она снабжена движущимся цилиндромъ; въ него кладутся рельсы, которыя три человѣка съ математической точностью заставляютъ скатываться до самыхъ подушекъ. Два раза въ минуту раздается приказаніе надсмотрщика: *Down*! (внизъ, роняйте!) и два раза въ минуту желѣзная дорога удлинняется на 4 метра (такова мѣра каждаго рельса). Вагонъ кладки подвигается впередъ, не дождавшись даже, чтобы рельсы были укрѣплены; этотъ трудъ предоставляется рабочимъ, составляющимъ арьергардъ. По только что проложенной дорогѣ летятъ рабочіе поѣзды, большіе вагоны, длиною въ 80 метровъ, служащіе магазинами, кухнями, столовыми, спальнями. Вездѣ шумъ работы, стукъ рельсовъ, удары молотка и гвоздей. Пустыня взята приступомъ.

Въ той части дороги, которая идетъ отъ Чеенны

къ Тихому океану, инженеры выказали рѣдкое искусство. Не смотря на пропасти и отлогости горъ, геодезическія дѣйствія производились съ большою точностью; изысканіе съумѣло обойти всѣ препятствія и выбрало самые удобные проходы. Среди бассейна, образуемаго двумя цѣпями Скалистыхъ горъ, находится штатъ Невада, печальная мѣстность, которая была бы еще и теперь пустыней, если бы въ ней не нашли богатую серебряную руду. Желѣзная дорога входитъ въ эту страну чрезъ проходъ Гумбольдта, затѣмъ достигаетъ Аустина, маленькаго рудниковаго городка, весьма непривѣтливой наружности, хотя и имѣющаго нѣсколько тысячъ жителей. Онъ обладаетъ драгоцѣнными металлами, но въ немъ нѣтъ ни воды, ни земли. Линія пересѣкаетъ затѣмъ новыя горы и безплодныя равнины и проходитъ черезъ Виргинія-Сити, гдѣ находится вторая залежь, давшая въ пять лѣтъ пятьдесятъ милліоновъ.

Тактика борьбы, предпринятой промышленностью противъ природы, измѣняется въ Калифорнскихъ горахъ. Здѣсь встрѣчается еще одинъ новый непріятель—снѣгъ; чтобы освободить отъ него дорогу, надо было придумать инструментъ, сила котораго соразмѣрялось бы съ дѣломъ, которое надо совершить. Это кусокъ желѣза, имѣющій форму двойнаго сошника, тяжесть котораго достигаетъ приблизительно сорока тысячъ килограммовъ *); его ставятъ впереди локомотива, который весь исчезаетъ въ огромныхъ грудахъ снѣга, гонимыхъ имъ передъ собою. Поѣздъ не подвергается значительному замедленію, пока глубина снѣга не превышаетъ пятидесяти сантиметровъ. Если же высота его достигаетъ нѣскольких метровъ, то ставятъ два, три или четыре локомотива, а иногда даже отцѣпляютъ нѣсколько вагоновъ.

*) Около 2,000 пудовъ.

Въ глубокихъ ущельяхъ, гдѣ вѣтры могли бы постоянно наносить новые сугробы, дорогу защищаютъ прочной деревянной крышей, такъ что поѣздъ вполнѣ безопасно проѣзжаетъ эти опасные проходы.

Между рабочими, строящими желѣзную дорогу въ рудниковыхъ округахъ, насчитываютъ мало европейцевъ или американцевъ; близость золота опасна для людей нашей расы; ими овладѣваетъ головокруженіе и они бросаютъ работы, чтобы идти разыскивать руду, которая вдругъ даетъ имъ въ руки цѣлое состояніе.

Болѣе терпѣливые и менѣе честолюбивые китайцы заняли мѣсто, покинутое бѣлыми. Четыре тысячи ихъ работаютъ у подрядчиковъ Калифорнской линіи. Всякая работа хороша для этихъ сыновъ Небесной имперіи; они принимаютъ ее, какъ благодѣяніе, лишь бы только заработать нѣсколько долларовъ, и пониманіе, съ которымъ они исполняютъ свою обязанность, доказываетъ, что благопріятныя обстоятельства могли бы снова оживить этотъ устарѣлый народъ. Уже восемдесять тысячъ китайцевъ переселились за Тихій океанъ; переселеніе продолжается и, можетъ быть, скоро ихъ будетъ до семисотъ тысячъ на американскихъ берегахъ. Желѣзная дорога, открывая имъ легкій доступъ въ центръ Союза, не оставитъ ихъ заключенными въ Калифорніи и Невадѣ; ихъ будутъ встрѣчать и въ Нью-Іоркѣ и во всѣхъ большихъ городахъ сѣвера и юга. Вольтеръ говорилъ, что настоящая стѣна Китая, преграда, защищающая эту имперію отъ европейскаго вторженія—американскій континентъ. Кажется, напротивъ, что Соединенные Штаты и будутъ именно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ европейскія племена встрѣтятся съ народонаселеніемъ, остававшимся такъ долго неподвижнымъ на крайнемъ востокѣ.

Если китайцы довѣрчиво и радостно смотрятъ на желѣзную дорогу, которая даетъ имъ въ настоящее время выгодную работу и впослѣдствіи расширитъ поле ихъ настойчиваго труда, то индѣйцы, напротивъ, съ яростью слѣдятъ за измѣненіемъ пустыни. *Блѣднолицые*, говорятъ они, ограбили и обманули ихъ. Напрасно они предоставили имъ большую часть своей территоріи въ надеждѣ остаться, по крайней мѣрѣ, мирными владѣльцами равнинъ; ничто не утоляетъ алчности бѣлыхъ. Лучшими мѣстами для охоты, оставленными краснокожимъ, были луга, расположенные на сѣверъ отъ Арканзаса, въ большой песчаной впадинѣ, простирающейся вдоль цѣпи, называемой *Smoky Hill* (Туманная гора). Тамъ растетъ трава, любимая буйволами; тамъ собираются стада дикихъ животныхъ, составляющихъ единственное богатство индѣйцевъ. Желѣзная дорога Тихаго океана прогонитъ этихъ гостей изъ равнинъ; но гдѣ же они найдутъ убѣжище? На югѣ они натолкнутся на дорогу, идущую отъ Сан-Луи въ Санта-Фе, пересѣкая Арканзасъ; на сѣверѣ—они встрѣтятъ дорогу, направляющуюся къ Монтанѣ; на западѣ— море преграждаетъ имъ путь; на востокѣ — населенные города европейцевъ представляютъ имъ непреодолимую преграду. Туземцы защищаютъ теперь свое послѣднее достояніе — жизнь своихъ женъ и дѣтей.

Правда, колонисты, вспомнивъ иногда, что они христіане и цивилизованные люди, старались придать своему насильственному завладѣнію землей видъ справедливости. Они покупали за баснословно дешевыя цѣны землю, стоимость которой была неизвѣстна ея владѣльцамъ. Но индѣецъ скоро замѣчаетъ, что его надули, и самъ европеецъ долженъ сознаться, что онъ злоупотребляетъ невѣжествомъ дѣтей природы. Къ сча-

стію, политическая экономія доставляетъ ему удобное оправданіе. Какое право имѣютъ дикія племена на землю, на которой они родились? Считаетъ ли рыбакъ море, въ которое онъ забрасываетъ свои сѣти, своимъ? Зачѣмъ же охотникъ будетъ присвоивать себѣ пустыни, гдѣ онъ охотится за дичью, служащею ему пищей? Онъ ничего не сдѣлалъ для почвы, на которой безцѣльно кочуетъ; не очистилъ ни одного лѣса, не выстроилъ ни одной плотины на рѣкѣ, не обработалъ ни одного поля, не воздвигъ ни одного города. Гдѣ же его права на владѣніе? Притомъ, въ то время, когда наша планета переполнена жителями, какъ можно допускать варварскіе народы сохранять образъ жизни, требующій для каждаго изъ ихъ членовъ такого пространства земли, которое могло бы прокормить тысячи земледѣльцевъ?

Приговоръ надъ краснымъ человѣкомъ произнесенъ: онъ долженъ исчезнуть, чтобы дать европейцамъ размножаться и распространяться. Однако, эти индѣйцы, которыхъ осуждаютъ теперь на погибель, были когда-то гостепріимнымъ, радушнымъ племенемъ; еще въ наше время ихъ характеръ сохраняетъ нѣкоторое величіе. Ни одинъ изъ нихъ не унизится до лжи; они непобѣдимо мужественны и замѣчательно терпѣливы; они уважаютъ старость и храбрость; ихъ религіозное чувство гораздо возвышеннѣе, чѣмъ можно было бы ожидать отъ дикихъ. Одинъ замѣчательный англійскій писатель, г. Диксонъ, доходитъ даже до того, что полагаетъ, будто вліяніе этихъ племенъ не было вполнѣ чуждо перерожденію, которое совершилось на почвѣ Новаго Свѣта въ американскомъ характерѣ. Какъ бы такое мнѣніе ни казалось парадоксальнымъ, онъ подтверждаетъ его доказательствами, которыя не лишены

вѣроятности. Вездѣ, говоритъ онъ, побѣдители нѣкоторымъ образомъ подчинялись закону побѣжденныхъ; Римляне, овладѣвъ Греціею, переняли у нихъ ихъ нравы и искусства; Франки слились съ племенемъ Галловъ; Норманны, забывъ свое происхожденіе, гордятся именемъ Англичанъ. Никогда еще народъ не овладѣвалъ страною или городами другаго народа, не встрѣтивъ на покоренной землѣ какого-то *мѣстнаго генія*, который проникаетъ въ соціальную жизнь, въ обычаи и нравы побѣдителей. Человѣкъ—живая сила, которая, по естественному закону, дѣйствуетъ и обратно дѣйствуетъ на подобныхъ себѣ. Прогнанные съ береговъ Атлантическаго океана въ Аллеганскія горы, затѣмъ въ Огіо и въ Арканзасъ, краснокожіе оставили въ покинутыхъ ими округахъ слѣды своего присутствія. Общественная жизнь, семья, даже наука,—все носитъ на себѣ ихъ отпечатокъ; онъ встрѣчается у спиритовъ, у мормоновъ Соленаго озера и у шекеровъ Новой Англіи.

Дѣйствіе индѣйскаго духа было, по мнѣнію того же автора, не менѣе сильно и на политическую конституцію Соединенныхъ Штатовъ. Во время конференціи 1774 года, когда комиссары Мэриленда и Пенсильваніи отправились въ Ланкастеръ, для совѣщанія съ ирокезскими начальниками (sachems), начальникъ Казанатего обратился къ нимъ съ слѣдующими словами, которыя не были бы отвергнуты ни однимъ изъ членовъ знаменитой Ахейской Лиги. «Наши мудрые отцы установили между *Пятью Націями* неразрушимый союзъ, сдѣлавшій насъ сильными; посредствомъ этого союза мы пріобрѣли власть и силу, мы распространили наше владычество на сосѣднія племена. Слѣдуйте этому примѣру, и вы подобно намъ сдѣлаетесь

могущественными и благоденствующими». Совѣтъ не пропалъ даромъ. Колоніи, уже въ числѣ тринадцати, соединились, чтобы образовать союзъ, уставы котораго были составлены по образцу уставовъ индѣйцевъ. Ирокезцы расширяли свою территорію, не отдаляя границы союзныхъ племенъ, но присоединяя въ свою среду новыя племена. Благодаря этой системѣ изъ *Пяти Націй* сдѣлалось *Восемь Націй*. Слѣдуя тѣмъ же принципамъ, тринадцать колоній сгруппировали вокругъ себя другія тридцать три колоніи. У индѣйцевъ янки заимствовали и первую мысль о правахъ штатовъ, мысль, которая даетъ каждой мѣстности власть дѣйствовать внѣ Союза и даже отдѣляться отъ него. Вѣрованія дикихъ племенъ также нашли у колонистовъ убѣжище, которое христіанство, казалось, не могло-бы имъ дать, если-бы податливая форма протестантизма не способствовала такому смѣшенію. Откуда, если не отъ индѣйцевъ, происходятъ эти странныя понятія о многообразіи божественной природы, многоженствѣ, спиритизмѣ, которыя въ ту минуту, какъ мы пишемъ, глубоко волнуютъ религіозную мысль въ Америкѣ? Лѣсъ, въ которомъ живетъ краснокожій, равнина, гдѣ онъ находится, рѣка, по которой онъ спускаетъ свою лодку, наполнены для него сверхестественными существами. Духъ вещей является передъ нимъ и природа заставляетъ говорить его слуху каждый листокъ и каждый камень. Онъ вѣритъ во множество боговъ и духовъ, но онъ не строитъ для нихъ храмовъ; для него достаточно находить ихъ въ деревѣ и въ цвѣткѣ, въ бурѣ и въ солнечномъ лучѣ.

Какова бы ни была теорія, высказанная Диксономъ, индѣйцы обладали благородными и сильными качествами. Они были мужественны, терпѣливы, полны ис-

кренности и имѣли самыя чистыя понятія о свободѣ. Полное равенство царствовало между ними; они не признавали ни наслѣдственныхъ правъ, ни чиновъ, ни іерархіи; самъ *sachem*, какое бы ни было его происхожденіе, обязанъ былъ своею властью только выборамъ. Каждый человѣкъ рождался свободнымъ и никогда не могъ сдѣлаться рабомъ. Враги, взятые на войнѣ, или были предаваемы смерти, или дѣлались членами побѣдившаго племени. Ни одного раба нельзя было встрѣтить на земляхъ, занимаемыхъ краснокожими, даже въ то время, когда тысячи негровъ покупались и продавались въ южныхъ штатахъ.

Чувство поэзіи также не было имъ чуждо. Бездна граціозныхъ или страшныхъ легендъ представляютъ ихъ религіозныя понятія, увѣковѣчиваютъ память ихъ героевъ. Вотъ одна изъ нихъ, которая излагаетъ, въ трогательной и полной свѣжести формѣ, ихъ вѣрованіе въ будущую жизнь; она заимствована у племенъ, сосѣднихъ Миссисипи:

«Одинъ охотникъ полюбилъ молодую дѣвушку, самую прекрасную изъ его племени. Такъ какъ онъ былъ извѣстенъ быстротою своего бѣга и мужествомъ на войнѣ, то его сватовство было одобрено отцомъ той, которую онъ любилъ, и время таянія снѣговъ было назначено для свадьбы. Наканунѣ свадьбы невѣста умерла. Женщины завернули ее въ погребальныя одежды и съ рыданіями положили на мохъ, которымъ онѣ украсили ея могилу. Но молодой охотникъ не могъ рѣшиться ее покинуть. Его лукъ висѣлъ ненатянутымъ въ его хижинѣ, его ножъ валялся на землѣ, ибо его сердце было зарыто въ могилѣ въ лѣсу; ему оставалась только одна радость — сѣсть на сырую землю возлѣ того мѣста, которое поглотило его счастіе, съ

мыслью слѣдовать за молодой дѣвушкой въ землю духовъ.

«Старцы его племени часто говорили ему, что послѣ смерти души идутъ на острова Счастія, расположенные далеко къ югу, среди спокойнаго озера, подъ небомъ, синева котораго никогда не омрачается. Однажды, когда онъ задумчиво смотрѣлъ на пожелтѣвшіе листья деревьевъ (ибо солнце уже много разъ прошло надъ его горемъ), ему пришла мысль идти искать тотъ островъ, гдѣ живетъ его невѣста. Онъ переходилъ рѣки, долины и горы, пока наконецъ не замѣтилъ, что воздухъ сдѣлался чище, зелень красивѣе, луговые цвѣты блестѣли необычайно яркими красками, пѣніе птицъ имѣло сладость, незнакомую человѣческому слуху. Среди душистыхъ кустарниковъ проходила дорожка; охотникъ пошелъ по ней и вскорѣ очутился на вершинѣ одного холма. Здѣсь возвышалась хижинка; у дверей стоялъ старикъ, глаза котораго блестѣли страннымъ огнемъ изъ подъ блѣднаго и морщинистаго лба. Увидя молодаго индѣйца, онъ грустно улыбнулся.

— Я ждалъ тебя,—сказалъ онъ ему,—и всталъ, чтобы тебя привѣтствовать. Той, которую ты ищешь, нѣтъ уже здѣсь. Но ты усталъ; войди отдохнуть въ мою хижину.

«Когда охотникъ немного подкрѣпилъ себя пищею, старикъ подвелъ его къ порогу.

— Видишь ли ты это озеро и равнину, которая простирается за нимъ? Это *Земля Духовъ*; однѣ души могутъ проникнуть въ нее. Оставь здѣсь твои стрѣлы и твой ножъ; оставь твое тѣло, безполезный багажъ, если ты хочешь имѣть доступъ на островъ Счастія.

«Индѣецъ стремительно бросился изъ хижины, какъ

птица, распустившая свои крылья. Лѣсъ, озеро, гора были тѣ же самыя, но онъ смотрѣлъ на нихъ новыми глазами. Вся природа сдѣлалась свѣтомъ и гармоніею. Онъ подвигался безъ труда, скорѣе скользя, чѣмъ идя по землѣ, проходя сквозь скалы и деревья, какъ бы сквозь легкій туманъ. Наконецъ онъ достигъ берега озера; къ берегу была прикрѣплена лодка, и лишь только онъ сдѣлалъ нѣсколько ударовъ веслами, какъ увидѣлъ, что къ нему приближается другая лодка, въ которой сидѣла его невѣста, такая же блѣдная и такая же прекрасная, какъ въ тотъ день, когда онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ. Оба подвигались къ острову и шумъ ихъ веселъ, мѣрно ударявшихъ по водѣ, казался игрою на струнахъ таинственнаго музыкальнаго инструмента. Невыразимая радость охватила душу охотника, но она не имѣла ничего общаго съ человѣческими волненіями. Вдругъ его сердце наполнилось страхомъ; онъ замѣтилъ вокругъ острова бѣловатую полосу ужаснаго прибоя и его глаза ясно отличали подъ водой тѣла милліоновъ человѣческихъ существъ, сдѣлавшихся жертвою ярости озера. Его рука была сильна и мужество его спокойно; онъ дрожалъ не за себя, но за свою возлюбленную. Къ его великому удивленію, когда они достигли прибоя, лодки ихъ разсѣкали волны, не испытывая ни малѣйшаго толчка. Вокругъ нихъ было множество лодокъ и каждая изъ нихъ несла одну душу. Тѣ, которыя везли къ острову чистый духъ дѣтей, скользили по волнѣ съ легкостью птицы; челноки молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ были осаждаемы волнами, а суда стариковъ должны были бороться съ яростными бурями. Волны были тихія или яростныя, смотря по тому, были ли дѣла хорошія или дур-

ныя, ибо не духъ озера, но духъ людей волновалъ его воды.

«Тихо толкаемые къ берегу, индѣецъ и его невѣста достигли острова Счастія. Какъ онъ былъ отличенъ отъ темной и холодной земли, съ которой пришелъ охотникъ! Ни одна могила не смущала тамъ взора; шумъ войны и ссоръ не раздавался въ воздухѣ; животныя не разбѣгались при приближеніи человѣка, ибо въ этомъ жилищѣ мира кровь никогда не проливалась. Счастливымъ обитателямъ нечего было бояться ни ужасовъ голода, ни мученій жажды. Воздухъ, которымъ они дышали, былъ для нихъ пищей и питьемъ. Охотникъ считалъ бы высшимъ счастіемъ для себя оставаться съ своей невѣстой въ этой землѣ духовъ; но владыка жизни призвалъ молодаго человѣка и сказалъ ему серьезнымъ, внушительнымъ голосомъ, хотя и сладкимъ какъ лѣтній вѣтерокъ:

— Вернись къ своему племени и исполняй обязанности храбраго. Когда твой часъ пробьетъ, ты снова сойдешься съ духомъ, котораго ты любишь.

«Голосъ замолчалъ и индѣецъ проснулся. Могила была у его ногъ, деревья качали своими пожелтѣвшими листьями надъ его головой; печаль все еще наполняла его душу, но надежда смягчала ея горечь».

Краснокожіе приняли европейцевъ какъ сыновъ Великаго Духа; они вѣроятно легко перешли бы въ христіанство, если бы алчность завоевателей не возбудила племенной ненависти, которая сдѣлалась непреодолимымъ препятствіемъ для обращенія туземцевъ. Католическимъ миссіонерамъ удалось однако имѣть прозелитовъ между племенами, оттѣсненными на крайній западъ; они отклонили ихъ отъ той кочевой, рыбачьей и охотничьей жизни, которыя имѣютъ столько прелести

для дикаря, привыкшаго жить въ пустынѣ; они научили ихъ земледѣлію, научили строить хижины.

Но переселенцы и искатели золота пришли въ эту область и начали строить города, фермы, фабрики. Успѣхи колонизаціи возбуждали между необращенными индѣйцами горькія жалобы, борьба сдѣлалась неизбѣжной; европейцы своими насиліями ускорили разрывъ.

Бродяги, замѣшанные между здоровыми членами эмиграціи, принесли съ собой безпорядокъ и анархію; индѣйцы первые пострадали отъ этого. Какую цѣну могла имѣть жизнь дикаря, когда жизнь бѣлаго такъ мало значила? Несчастныя племена сдѣлались ярыми, непримиримыми врагами этой цивилизаціи, которая принесла имъ только смерть.

Тщетно нѣсколько колонистовъ, побуждаемые чувствомъ справедливости, пытались сблизить обѣ расы: онѣ живутъ въ безпрерывной войнѣ. Ненависть вызываетъ ненависть, месть слѣдуетъ за местью и дѣлается все болѣе и болѣе жестокой и непримиримой. Достаточно одного факта, чтобы составить себѣ объ этомъ понятіе.

Въ 1865 году, вслѣдствіе жалобъ жителей Колорадо на набѣги индѣйцевъ, полковникъ Шевингтонъ, во главѣ отряда волонтеровъ, пошелъ противъ одного лагеря, гдѣ тысяча туземцевъ была собрана подъ предводительствомъ *Чернаго Сокола*, весьма извѣстнаго чееннскаго воина. Колонисты, внезапно напавъ на нихъ, безжалостно умертвили все племя, не щадя въ своей слѣпой ярости даже женщинъ и дѣтей. Черный Соколъ палъ, какъ герой легенды. Когда онъ увидѣлъ, что сопротивленіе безполезно, а бѣгство невозможно, онъ взбѣжалъ на одинъ маленькій холмикъ и подставилъ свою незащищенную грудь огню блѣднолицыхъ. Пора-

женный двадцатью пулями, онъ палъ среди своихъ воиновъ, а волонтеры вернулись въ сосѣдній городъ, чтобы встрѣтить овацію, которую они заслужили своею славною побѣдою. На востокѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ провинціяхъ, которыя, не будучи въ прямомъ сношеніи съ индѣйцами, могутъ смотрѣть на факты съ болѣе безпристрастной точки зрѣнія, это сраженіе было заклеймено общественнымъ мнѣніемъ и названо бойней; но по ту сторону Миссури, каждый смотрѣлъ на него, какъ на актъ необходимой строгости, который «надо-бы возобновлять по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, до тѣхъ поръ, пока краснокожіе не будутъ окончательно выгнаны изъ луговъ».

Въ областяхъ крайняго запада индѣйцевъ убиваютъ столь же просто, какъ если-бы это было дикій звѣрь; полное уничтоженіе туземнаго народонаселенія — вотъ цѣль завоевателей, въ которой они сами признаются. Пусть спросятъ у жителя Колорадо его мнѣніе относительно индѣйцевъ: «Мы имѣемъ два средства ихъ уничтожить: револьверъ и виски; но этотъ послѣдній способъ крайне медленный, другой гораздо лучше».

Поспѣшимъ сказать однако, что огромное большинство американцевъ непричастно этимъ варварствамъ; только въ совершенно новыхъ обществахъ крайняго запада, перемѣшанныхъ еще множествомъ нечистыхъ элементовъ, разгоряченныхъ борьбою, могутъ высказываться подобныя доктрины. Каждый годъ Вашингтонъ посылаетъ въ Колорадо комиссаровъ, которымъ поручено договариваться съ враждебными племенами и прекращать истребительную войну. Но что могутъ они предложить индѣйцамъ? Могутъ ли они помѣшать колонизаціи захватывать области, которыя служатъ для охоты, и морить голодомъ дикарей? Могутъ ли они

преобразовать впродолженіе нѣсколькихъ дней краснокожаго, опьяненнаго мщеніемъ, въ мирнаго земледѣльца?

Положеніе дѣла не имѣетъ другаго исхода, какъ гибель туземцевъ. Преступленіе американскаго общества заключается въ томъ, что оно допустило увеличеніе зла, не принявъ мѣръ къ его прекращенію.

Увѣряютъ, будто индѣйцы не могутъ подчиниться нравамъ цивилизаціи. Нѣкоторые филантропы дѣлали попытки обучить ихъ земледѣлію. Вспахали земли, выстроили для нихъ дома, но не могли ихъ пріучить къ нравственному труду: урожай погружалъ ихъ въ лѣнь и безпечность, при неурожаѣ десятая часть изъ нихъ умирала съ голоду. Привыкнувъ къ волненіямъ, опасностямъ, къ свободѣ кочевой жизни, они скоро нашли однообразными наслажденія осѣдлой жизни. Большая часть изъ нихъ продала свои фермы и возвратилась въ луга. Надо ли заключать изъ этой неудачи, что красный человѣкъ неспособенъ къ прогрессу? Мы этого не думаемъ и скорѣе склонны приписать нетерпѣнію европейцевъ неуспѣхъ ихъ попытокъ. Хотятъ, чтобы сѣмя, брошенное въ землю, сейчасъ же дало плоды; чтобы дикарь вдругъ перешелъ съ самой послѣдней ступени невѣжества въ первый рядъ соціальной лѣстницы, забывая при этомъ о числѣ вѣковъ, употребленныхъ нашими предками на то, чтобы проникнуться цивилизаціей, существовавшей уже въ той землѣ, которую они покорили. Кромѣ того, достаточно примѣра Канады, чтобы показать, что̀ могутъ сдѣлать Соединенные Штаты. Гуроны, сдѣлавшіеся трудолюбивыми земледѣльцами и получающіе такое же воспитаніе, какъ и европейскіе жители, не были выше Поттаватомовъ (Pottawatomies) и Делаваровъ (Delawares); только обстоятельства были различны.

Вмѣсто того, чтобы столкнуться съ односторонней и гордой расой Англо-Саксонцевъ, они встрѣтились съ французами, которые сочли своимъ долгомъ оказать имъ покровительство и дать имъ образованіе. Франція не такъ быстро заводитъ колоніи, какъ Америка и Великобританія, ибо она хочетъ слиться съ народонаселеніемъ, а не уничтожать его; но если бы она присоединила къ свойственному ей великодушію еще настойчивую энергію англичанъ, она была бы преимущественно передъ другими націями народомъ-цивилизаторомъ.

Индѣйцы дѣлали отчаянныя усилія, чтобы помѣшать постройкѣ желѣзной дороги Тихаго океана. Однажды они узнали, что по одной линіи, пересѣкающей лѣса, въ первый разъ долженъ проѣхать пассажирскій поѣздъ; по донесенію ихъ шпіоновъ, одинъ изъ вагоновъ наполненъ порохомъ. Краснокожіе тотчасъ же собрались, подожгли деревья и, скрывшись невдалекѣ, съ ножами въ рукахъ, ожидали проѣзда своихъ жертвъ. Къ счастію, извѣстіе было справедливо только на половину: поѣздъ не заключалъ никакого воспламеняющагося вещества. Машинистъ замѣтилъ пламя. Что дѣлать? Если онъ будетъ продолжать путь, локомотивъ, вагоны и пассажиры сдѣлаются жертвами пламени; если онъ остановится, индѣйцы тутъ, готовые воспользоваться суматохой, чтобы умертвить горсть бѣлыхъ. Въ виду этой двойной опасности, американецъ рѣшился на крайнюю мѣру. Онъ усилилъ пары до самыхъ крайнихъ предѣловъ и смѣло пустилъ поѣздъ въ средину горящаго лѣса. Быстрота хода произвела по обѣ стороны поѣзда сильное теченіе воздуха, пламя разступалось и ужасное горнило осталось наконецъ позади.

Въ другихъ мѣстахъ снимали рельсы, перерѣзывали дорогу; рабочіе должны были вооружаться револь-

верами, строительные поѣзды были наполнены винтовками. Благодаря этимъ предосторожностямъ, благодаря особенно дѣятельности, съ которой производились работы, можно было довести до конца самую трудную часть предпріятія. Краснокожіе не такъ скоро разрушали линію, какъ инженеры возстановляли ее. Дорога все подвигалась, и уже окончены вѣтви, которыя наиболѣе подвергались нападеніямъ; индѣйцы, мрачные и унылые, потянулись слѣдомъ за дикими звѣрями по направленію къ югу. Они занимаютъ еще пустынныя равнины между Канзасомъ и Денверомъ, довольствуясь только порчей дороги, которая должна идти отъ Сан-Луи въ Санта-Фе.

Тѣсная область, въ которую они удалились, вѣроятно, тоже скоро будетъ оспариваема у нихъ, но въ настоящую минуту колонисты поглощены окончаніемъ дороги къ Тихому океану и разработкой рудниковъ. Они едва находятъ время обработывать растительныя богатства калифорнской почвы, хотя природа въ этой привиллегированной странѣ требуетъ лишь весьма небольшаго труда, чтобы въ избыткѣ давать всевозможныя произведенія.

Хотя мѣстность, заключенная между Сіеррой-Невадой и берегомъ океана, составляетъ одинъ штатъ, но она можетъ быть раздѣлена на три различныя области, имѣющія каждая свои различные источники благосостоянія и свой собственный характеръ. На отлогостяхъ горы находятся лѣса исполинскихъ деревъ, тѣнистыя долины, золотоносныя розсыпи. Затѣмъ слѣдуетъ жаркая равнина Сакраменто, гдѣ прекрасные тропическіе плоды перемѣшаны съ плодами умѣреннаго климата; растительность отличается тамъ роскошью, неизвѣстною ни въ какой другой странѣ (такъ,

груша, называемая *дюшессой*, достигаетъ тамъ необычайнаго вѣса въ 3 или 4 фунта, не требуя и половины тѣхъ заботъ, которыя употребляются на нее во Франціи). По ту сторону простираются поля дикаго овса, которыя могли бы прокормить милліоны барановъ и быковъ; покатости небольшой горной цѣпи Контра-Коста сдѣлаются однажды превосходными виноградниками; наконецъ, постоянная весна, царствующая на полосѣ земли, сосѣдней съ океаномъ, дозволяетъ разводить круглый годъ овощи и цвѣты.

Удивляешься, какъ могла Калифорнія со столь рѣдкимъ плодородіемъ оставаться почти пустынной подъ мексиканскимъ владычествомъ? Многое весьма измѣнилось съ тѣхъ поръ. Хотя милліоны гектаровъ остаются еще непроизводительными за недостаткомъ рукъ, однако начинаютъ уже собирать достаточно хлѣба, чтобы прокормить, кромѣ жителей страны, еще жителей штатовъ Орегона и Вашингтона. Его высылаютъ въ Южную Америку, а въ прошломъ году калифорнская пшеница была послана въ Нью-Іоркъ, гдѣ она взяла верхъ, какъ цѣною, такъ и качествомъ, надъ зерновыми хлѣбами Ричмонда, главнаго поставщика сѣвера.

Вывозъ хлѣба, вслѣдствіе удобнаго сообщенія, представляемаго ему Тихимъ океаномъ, направлялся прежде на Чили и Перу, а затѣмъ уже на восточные штаты. Превосходный портъ, единственный, который существуетъ на этихъ берегахъ на протяженіи 700 миль, доставляетъ Калифорніи удобное морское сообщеніе; однако, своимъ быстрымъ развитіемъ Сан-Франциско обязанъ не своей прекрасной бухтѣ, но жаждѣ золота.

Городъ, или скорѣе деревня, существовалъ уже около ста лѣтъ тому назадъ. Въ 1773 году два католическихъ миссіонера построили на этихъ берегахъ монастырь; бу-

дучи испанцами и францисканцами, они дали ему имя «Сан-Франциско». Это старое кирпичное зданіе стоитъ въ одной милѣ отъ города, которому оно дало свое имя. Съ тѣхъ поръ колонизація подвигалась медленно. Полторы тысячи мексиканцевъ жили въ этомъ селѣ, когда въ январѣ мѣсяцѣ 1848 года случайно были открыты первые золотые самородки. Тотчасъ же тысячи людей сбѣжались со всѣхъ сторонъ; освобожденные преступники съ острова Норфолька и изъ Сиднея, развратные моряки, испорченные бродяги, высланные изъ гаваней Южной Америки, набросились на Калифорнію, какъ ястребы на добычу. Весною слѣдующаго года 30,000 переселенцевъ прибыли изъ Европы и изъ Соединенныхъ Штатовъ; они прошли уединенные луга, триста миль горъ и безплодныхъ пустынь, потеряли на дорогѣ болѣе четырехъ тысячъ изъ своихъ спутниковъ, но, чтобы достигнуть обѣтованной земли золота, жертвы не брались во вниманіе.

Сан-Франциско представлялъ тогда странный видъ. Большинство жителей жили въ палаткахъ; люди, знатные по рожденію, носили блузу рудокопа и сами для себя стряпали. Имѣя плохую пищу, вмѣсто кровати только одно одѣяло, безъ семьи, подъ гнетомъ самыхъ большихъ трудовъ, они не знали другаго развлеченія, какъ игру и виски. Цѣна на все возвысилась до баснословныхъ размѣровъ; жалованье слуги было отъ 600 до 1,000 франковъ въ мѣсяцъ; экипажная лошадь нанималась за 500 франковъ въ день. На улицахъ происходили драки, трактиры всегда были переполнены; каждый вечеръ давались маскарады, неизвѣстно кѣмъ оплачиваемые и устраиваемые неизвѣстными женщинами. Что же касается полиціи, то она существовала только по имени; ея чиновники, охваченные всеобщимъ

головокруженіемъ, покидали свои должности, чтобы бѣжать въ рудники.

Освобожденные преступники собирались въ одномъ кварталѣ, называвшемся «городъ Сидней». Подъ именемъ« Собакъ» или «Австралійскихъ соколовъ», они организовали шайки, соперничавшія съ шайками чилійскихъ авантюристовъ.

Каждое воскресенье кучки людей, связанныхъ только узами грабежа и убійства, обходили городъ при звукѣ адской музыки; они были вооружены револьверами, чтобы защищать, какъ они говорили, гражданъ Сан-Франциско противъ мексиканцевъ, испанцевъ и американцевъ Юга. Убійства слѣдовали одно за другимъ съ ужасною быстротою, и однако правосудіе не обезпокоило ни одного изъ этихъ злодѣевъ. Полисмены увѣряли, будто нѣтъ никакой возможности открыть виновныхъ въ городѣ, гдѣ народонаселеніе постоянно возобновляется. Видя, что нечего ожидать отъ закона, нѣсколько смѣлыхъ гражданъ рѣшились дѣйствовать. Собственною властью они арестовали двадцать главныхъ зачинщиковъ и выслали ихъ подъ надежнымъ конвоемъ въ Китай и въ Южную Америку. Навѣрно никогда не было извѣстно въ какомъ пунктѣ ихъ высадили; главное то, что ихъ никогда больше не видѣли.

Впродолженіе одной или двухъ недѣль въ городѣ царствовалъ порядокъ; но новые рекруты увеличили ряды разбойниковъ и насилія возобновились. Пять разъ Сан-Франциско былъ истребленъ пожарами, произведенными мошенниками въ надеждѣ на грабежъ. Правосудіе, по своему обычаю, оставалось въ бездѣйствіи. Купцы и значительныя лица города собрались на площади.

— Нѣтъ больше безопасности, вскричали они, ни для имущества, ни для лицъ! Законъ теряется въ тон-

костяхъ; полиція испорчена; въ тюрьмѣ нѣтъ больше замковъ для задержанія преступниковъ. При такихъ обстоятельствахъ мы, народъ, должны быть въ одно время и закономъ, и судьями, и исполнителями!

Это происходило 7-го іюня 1851 года. Наблюдательный комитетъ Сан-Франциско не долженъ былъ быть, какъ комитеты луговыхъ городовъ, тайнымъ судилищемъ; онъ организовался открыто, состоялъ изъ двухсотъ гражданъ и поддерживался калифорнской прессой. Никто не могъ быть допущенъ въ него безъ строгаго испытанія; спеціальная комиссія была назначена для повѣрки званія кандидатовъ, дабы принимать лицъ, принадлежащихъ только къ самому почетному классу. Члены должны были собираться во всякое время дня или ночи, лишь только будетъ данъ условный сигналъ т. е. два удара колокола въ промежутокъ одной минуты.

Случай не заставилъ себя ждать. На другой же день матросы, схвативъ одного человѣка, подозрительная физіономія котораго возбудила въ нихъ недовѣріе, нашли у него мѣшокъ съ золотомъ, только что украденный имъ изъ одного банка. Они привели его въ пріемную залу наблюдательнаго комитета и сигналъ былъ данъ. Тотчасъ же со всѣхъ сторонъ города сбѣжались не только члены комитета, но еще (хотя это было поздно ночью) значительная толпа вооруженныхъ жителей, готовыхъ защищать гражданское судилище. Въ часъ къ дверямъ совѣта явился начальникъ полиціи въ сопровожденіи многочисленнаго конвоя и повелительно требовалъ во имя закона, чтобы его впустили. Вмѣсто отвѣта, присутствующіе направили на него нѣсколько тысячъ револьверовъ; онъ немедленно удалился.

Нѣсколько минутъ спустя, колоколъ опять зазвонилъ; дрожь пробѣжала по толпѣ. Президентъ комитета вышелъ изъ залы и, обращаясь къ гражданамъ, собраннымъ вокругъ него, сказалъ:

— Обвиняемаго зовутъ Дженкинсомъ, это преступникъ, бѣжавшій изъ Сиднея. Онъ допрашивался передъ восмьюдесятью членами и единогласно признанъ виновнымъ. *Наблюдатели* послали меня къ вамъ, чтобы спросить васъ, слѣдуетъ-ли повѣсить этого человѣка.

— Да, отвѣчали въ одинъ голосъ присутствующіе.

Члены комитета, съ револьверами въ рукахъ, образовали двѣ шеренги; плѣнника поставили въ середину и мрачная процессія, освѣщаемая блѣднымъ сіяніемъ луны, направилась по улицамъ Сан-Франциско. Когда пришли на площадь Ратуши, нѣкоторые жители закричали:

— Пусть его повѣсятъ на флагъ!

— Нѣтъ, отвѣчали другіе, не надо осквернять знамя свободы.

Плѣнника повели къ таможнѣ и повѣсили на крышѣ зданія.

Подобныя казни освободили городъ отъ самыхъ гнусныхъ мошенниковъ; кромѣ того, комитетъ учредилъ надзоръ за кораблями, входящими въ портъ: тѣ, которые приходили изъ Сиднея, подвергались строгому осмотру, и каждый пассажиръ, въ которомъ подозрѣвали бѣглаго преступника, немедленно высылался въ Новую Галлію юга.

Законныя власти не могли смотрѣть безъ злобы на судилище, которое захватывало такимъ образомъ ихъ права; но наблюдатели, сильные поддержкой своихъ согражданъ, энергично защищали власть, примѣняемую

ими на благо всѣхъ. Только тогда, когда безопасность города казалась обезпеченной, они согласились сдѣлать нѣкоторыя уступки: они ограничивались открытіемъ и задержаніемъ виновныхъ, предоставляя законному правосудію право ихъ наказывать.

Къ несчастію, городскія власти не замедлили снова отклониться отъ своей обязанности. Въ силу повсемѣстнаго обычая Соединенныхъ Штатовъ, они получали свои должности по выбору жителей; но впослѣдствіи открылось, что люди, которымъ было поручено объявлять результаты баллотировки, были подкуплены, и что вслѣдствіе этого выборы были неправильны. При такой администраціи безпорядки должны были происходить еще съ большей наглостью, чѣмъ когда либо. Въ одинъ годъ (1855-й) четыреста человѣкъ погибли насильственною смертью. Наблюдательный комитетъ, добровольно отказавшійся отъ одной части своей власти, снова завладѣлъ ею и счелъ необходимымъ дѣйствовать рѣшительно. Законъ Линча былъ примѣненъ впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ къ пятидесяти виновнымъ. Однако губернаторъ Калифорніи, г. Джонсонъ, возмущался неправильностью такой процедуры и декретомъ уничтожилъ комитетъ. Наблюдатели не считали однако себя побѣжденными. Они составили списки, куда вписывались всѣ тѣ, которые объявили себя готовыми поддерживать ихъ. Четыре дня спустя, девять тысячъ именъ покрывали уже эти списки. Но дѣло касалось не только одного Санъ-Франциско. Зло, какъ и добро, распространяется обыкновенно изъ столицы какой нибудь страны на всѣ пункты мѣстности. Городъ Сакраменто послалъ тысячу человѣкъ на помощь наблюдательному кабинету. Армія волонтеровъ собралась у дверей залы Совѣта. По-

строили баррикады и вооружили импровизированную крѣпость тридцатью пушками. Узнавъ объ этихъ приготовленіяхъ, губернаторъ обратился къ главному начальнику союзныхъ войскъ въ Калифорніи. Тотъ имѣлъ благоразуміе отказаться отъ вмѣшательства. Г. Джонсонъ продолжалъ однако упорствовать въ рѣшеніи, которое должно было, конечно, кончиться только пораженіемъ. Онъ былъ окруженъ волонтерами и взятъ въ плѣнъ безъ боя.

Эта побѣда дала наблюдательному комитету безграничную власть по всему штату. Онъ воспользовался ею, чтобы покончить свое дѣло. Разбойники сдѣлались предметомъ постояннаго преслѣдованія; четверо были повѣшены, сорокъ вывезены, большое число убѣжало. Достигнувъ результата, члены комитета торжественно отправились на площадь, сопровождаемые войсками волонтеровъ, и тамъ, въ присутствіи народа, окончательно сложили съ себя свою обязанность.

Такъ кончилась эта оригинальная борьба мирныхъ гражданъ съ законными властями страны. Никогда американцы не выказали лучше, чѣмъ при этихъ печальныхъ обстоятельствахъ, ту рѣдкую мудрость, съ которой они умѣютъ защищать порядокъ, не нарушая интересовъ свободы. Все соединилось противъ нихъ: страсти, возбужденныя вреднымъ сосѣдствомъ рудниковъ, кровожадное насиліе преступниковъ и бродягъ, дѣтское состояніе общества, еще плохо утвержденнаго на своихъ основаніяхъ, наконецъ, отступничество даже тѣхъ, которымъ было поручено внушать уваженіе къ закону. При существованіи столькихъ золъ, колонія, казалось, не имѣла другаго выбора, какъ погибнуть или же отдаться въ руки диктатуры, считая себя счастливой, что съ отреченіемъ своихъ правъ она могла,

по крайней мѣрѣ, пріобрѣсти безопасность. Но твердость янки непоколебима. Народонаселеніе купцовъ и рудокоповъ съумѣло найти въ твердости свое спасеніе: они не испугались единовременной борьбы съ правительствомъ, которое измѣняло имъ, и съ анархіей, которая угрожала завладѣть ими; они дѣйствовали безъ гнѣва, съ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей силы; затѣмъ, когда порядокъ былъ установленъ, каждый изъ этихъ людей, мужественно боровшихся за общіе интересы, возвратился снова къ своей частной жизни.

Нынѣ городъ Сан-Франциско имѣетъ 100.000 душъ; азартныя игры запрещены въ немъ, миръ царствуетъ на улицахъ, дѣловое движеніе замѣнило суматоху разврата. Воскресенье, оскверняемое прежде гнусными процессіями буйныхъ шаекъ, соблюдается теперь съ тѣмъ же уваженіемъ, которое отличаетъ американскіе города; религіозныхъ зданій множество; особенно замѣчательна церковь святой Маріи, великолѣпный соборъ, построенный католиками.

Обученіе не въ меньшемъ почетѣ. Городъ Сан-Франциско имѣетъ 30 общественныхъ школъ и 80 частныхъ, руководимыхъ искусными учителями; онъ основалъ сиротскіе дома, пріюты и нѣсколько богоугодныхъ заведеній; общественныя библіотеки организованы въ большихъ размѣрахъ и обладаютъ драгоцѣнными коллекціями. Что касается народонаселенія, то хотя въ немъ преобладаетъ духъ американскій, какъ мы это видѣли изъ исторіи наблюдательнаго комитета, оно самое космополитное въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ немъ встрѣчаются янки и англичане, множество фрацузовъ, итальянцевъ, мексиканцевъ, австралійцевъ, чилійцевъ и т. д. Китай имѣетъ множество представителей: сыны Небесоней имперіи составляютъ шестую часть жителей Сан-

Франциско. Они держатся особнякомъ и образуютъ городъ въ городѣ, имѣютъ свой специальный кварталъ, свои гостинницы, свои театры, свои особенныя благотворительныя заведенія. Бѣлые смотрятъ на нихъ съ презрѣніемъ, обременяютъ ихъ непомѣрными налогами, закрываютъ для нихъ всѣ выгодныя карьеры; однако, посредствомъ труда нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались весьма богатыми купцами, многіе изъ нихъ нажили небольшое состояніе, съ которымъ они возвратились въ Китай. Такой успѣхъ поощряетъ ихъ соотечественниковъ, которые тысячами направляются къ «*Золотымъ Холмамъ*», какъ они называютъ Сан-Франциско. Кто можетъ сказать, гдѣ этотъ потокъ остановится? Ирландія, не смотря на тѣсныя границы своей земли и на ограниченное число своего народонаселенія, переселила въ Америку впродолженіе 20 лѣтъ три милліона эмигрантовъ; какія же огромныя толпы могутъ высылать голодныя провинціи Срединной имперіи, считающей четыреста милліоновъ подданныхъ?

Калифорнцы, впрочемъ, не очень обезпокоены этимъ нашествіемъ; они разработываютъ рудники, вспахиваютъ землю, распространяютъ свои торговыя сношенія; негоціанты организуютъ громадныя предпріятія. Одно общество имѣетъ пароходы на всѣхъ судоходныхъ рѣкахъ Соединенныхъ Штатовъ; другое—агентовъ во всѣхъ рудниковыхъ округахъ; оно беретъ на себя пересылку писемъ, слитковъ, золотаго песку; третье владѣетъ цѣлымъ флотомъ и производитъ торговлю на обоихъ океанахъ.

Сан-Франциско, кажется, призванъ занять на Тихомъ океанѣ такое же мѣсто, какъ Ливерпуль въ Англіи и Нью-Іоркъ въ старыхъ американскихъ штатахъ. Его портъ представляетъ такія же выгоды, его геогра-

фическое и торговое положеніе не менѣе важно. Такъ какъ всѣ желѣзныя дороги Союза направляются къ нему, то онъ сдѣлался центромъ огромной привозной и отпускной торговли; онъ будетъ разсылать во всѣ концы Америки произведенія Китая, Японіи и Индіи; можетъ быть даже въ скоромъ времени онъ начнетъ высылать ихъ въ Европу. Наши нынѣшнія сообщенія съ Востокомъ медленны и стоятъ дорого; пряности, шелковыя матеріи, чай страдаютъ отъ слишкомъ продолжительнаго пребыванія на морѣ; открытіе Тихоокеанской желѣзной дороги доставитъ этимъ деликатнымъ товарамъ болѣе скорый способъ транспорта.

Разумѣется, предпочтительнѣе была бы дорога черезъ азіатскій континентъ; Россія на сѣверѣ и Англія на югѣ ревностно заняты проведеніемъ желѣзно-дорожныхъ линій, которыя соединятъ крайній востокъ съ европейскими странами; одна дорога пройдетъ черезъ Татарію (?), другая черезъ Индію и Персію; съ обѣихъ сторонъ коммерческая борьба ведется энергично, и цѣль дѣйствительно стоитъ труда. Однако много лѣтъ пройдетъ еще, вѣроятно, прежде чѣмъ по этимъ новымъ дорогамъ начнутся сношенія; дорога Соединенныхъ Штатовъ хотя менѣе коротка, но она окончена; Америка первая достигла цѣли и эта выгода позволяетъ ей обратить въ свою пользу, въ настоящую минуту по крайней мѣрѣ, часть торговли Востока.

Тихоокеанская дорога имѣетъ и еще одно неоцѣнимое значеніе. Посредствомъ ея Калифорнія находится близко къ Нью-Іорку; между различными областями установлена солидарность интересовъ, политическое единство страны утверждено, а богатство ея увеличено. Разстояніе когда-то представляло непреодолимое

препятствіе для прочности обширныхъ государствъ; провинціи, не имѣя никакой прочной связи съ центромъ, скоро отъ него отдѣлялись. Это положеніе дѣлъ нынѣ прекратилось; хорошо ли это или дурно, но великія аггломераціи сдѣлались возможными, и пространство Америки не остановитъ ея прогресса. Омываемая двумя океанами, она протягиваетъ руку съ одной стороны Европѣ, съ другой Азіи; она привлекаетъ къ себѣ ихъ богатства, расширяетъ повсюду арену торговли. Но среди своего блестящаго счастія, она не забываетъ, что матеріальное благосостояніе непрочно, если оно не основано на нравственной силѣ, на умственномъ развитіи націи. Это и составляетъ ея настоящее величіе.

ГЛАВА IV.

Жалобы и страданія прежнихъ рабовладѣльческихъ штатовъ.

Глубокое различіе расъ и національностей, существующее между переселенцами, стекающимися ежегодно со всѣхъ концовъ Европы для обрѣтенія въ Новомъ Свѣтѣ гостепріимнаго отечества, таково, что доставляетъ серьезное затрудненіе американскому Союзу. Какую силу надо имѣть, чтобы дать странѣ, составленной изъ столькихъ разнородныхъ элементовъ, единство мысли, взглядовъ и дѣйствія, которое одно даетъ скопленію людей право называться народомъ? Соединенные Штаты, однако, предприняли это дѣло на Западѣ и оно увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ. На Югѣ приходится рѣшить болѣе трудную задачу. Тамъ дѣло не только въ томъ, чтобы построить,—правда изъ худо приготовленныхъ матеріаловъ, но, по крайней мѣрѣ, на дѣвственной почвѣ, — политическое зданіе, полное гармоніи и величія; надо еще на дымящихся развалинахъ едва разрушеннаго соціальнаго порядка, защищаемаго еще сильнымъ сочувствіемъ, создать такое положеніе дѣлъ, которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ прошедшимъ. Здѣсь сталкиваешься съ раздраженіемъ, противодѣйствіемъ, ненавистью побѣжден-

ной партіи, съ тупоуміемъ расы, униженной притѣсненіемъ; никогда еще учрежденія свободной Америки не подвергались столь опасному испытанію.

Всѣмъ извѣстно, что рабство было только предлогомъ для войны, обагрившей кровью Соединенные Штаты. Конечно, нищета и униженіе негровъ возбуждали на Сѣверѣ благородное негодованіе; но противъ нихъ возставало еще слишкомъ много предразсудковъ (даже въ Бостонѣ и Нью-Іоркѣ), чтобы ихъ сторону взяли такъ горячо, чтобы ихъ защищали съ такимъ остервененіемъ.

Право, на которое ссылался Югъ, — самому заботиться о своихъ интересахъ, издавать свои собственные законы, управлять по своему своею областью, — право, которое еще и теперь требуется имъ обратно, гораздо ближе касается вопроса, но еще не составляетъ его настоящей сути. Тайная и глухая борьба существовала задолго до войны; побѣда Союзныхъ Штатовъ не прекратила ее. Двѣ формы соціальной жизни, несовмѣстимыя одна съ другой, два соперничающіе принципа борятся другъ съ другомъ; они не могутъ оставаться вмѣстѣ среди одного и того же народа, одинъ долженъ необходимо вытѣснить другой.

Американская конституція установила весьма справедливыя различія между общими интересами всей страны и частными правами каждаго штата. Первые опредѣляются Конгрессомъ, органомъ національной воли, которой всѣ обязаны повиноваться; вторыя составляютъ часть свободы различныхъ областей, образующихъ эту огромную республику, и могутъ быть отняты у нихъ только произвольнымъ насиліемъ. Но гдѣ же должна остановиться независимость, гдѣ должно начинаться подчиненіе? Американскій договоръ (нѣчто

6*

въ родѣ компромиса между населеніями, имѣющими различныя стремленія) недостаточно высказался по этому поводу. Поэтому Сѣверъ и Югъ, плохо связанные этимъ непрочнымъ союзомъ, не замедлили пойти по весьма противоположнымъ дорогамъ.

Въ Нью-Іоркѣ потомки пуританъ положили въ основаніе учрежденнаго ими общества демократію; между ними не было ни господъ, ни рабовъ; были только купцы, промышленники и ремесленники, которые всѣ, обладая сердцемъ, полнымъ вѣры въ будущность, духомъ, проникнутымъ плодотворными мыслями, провозгласили святость труда и высоко подняли знамя равенства.

Въ это время на Югѣ образовывалась сильная и блестящая аристократія. Ея предводители, сыны прежнихъ *Кавалеровъ,* происходили отъ самыхъ знаменитыхъ англійскихъ семействъ; по своему происхожденію, состоянію и воспитанію, они соединяли въ себѣ всѣ дворянскія отличія. Однако глубокій недугъ истощалъ этотъ организмъ, червякъ подтачивалъ корень дерева и оно скоро должно было завянуть. Обладатели обширныхъ владѣній, плантаторы, привели съ юга цѣлое народонаселеніе негровъ; мысль казалась тѣмъ болѣе естественною, что въ нѣкоторыхъ округахъ климатъ дѣлаетъ невозможнымъ обработываніе почвы европейцами. Но рабство — обоюдоострое оружіе, дѣлающееся всегда роковымъ для того, кто его употребляетъ. Порабощая черныхъ, думали этимъ совершить выгодное насиліе; но вышло, что вмѣстѣ съ этимъ былъ введенъ въ общество зародышъ разрушенія и смерти: порабощеніе одной расы влечетъ за собою испорченность другой; кромѣ того, унижая работ-

ника, унижаютъ и самый трудъ, этотъ священный источникъ благосостоянія націи.

Плантаторы смотрѣли съ глубокимъ презрѣніемъ на негровъ, руки которыхъ обработывали поля сахарнаго тростника. Въ ихъ глазахъ невольникъ не былъ человѣческимъ существомъ, онъ былъ вьючнымъ животнымъ, которое можно было продать и купить; поэтому ему отказывали въ правѣ имѣть семью, воспитывать своихъ дѣтей, пріобрѣтать въ потѣ лица своего малѣйшій участокъ земли.

Однако, этотъ угнетенный классъ былъ связанъ самыми тѣсными узами съ своими притѣснителями: впродолженіе многихъ лѣтъ кровь англо-саксонцевъ смѣшивалась съ кровью африканской расы. Но голосъ природы не могъ заглушить предразсудка; не разъ представлялось грустное зрѣлище отца, поощряющаго любовь своего сына къ хорошенькой квартеронкѣ и продающаго потомъ безъ всякаго стыда плодъ этого союза. Кровь націи перешла въ жилы угнетеннаго народа; наслѣдники благородныхъ семействъ расточали свою юность въ тайныхъ связяхъ, а затѣмъ, когда ихъ сердце истощалось и ихъ умъ притуплялся отъ злоупотребленія удовольствіями, они вступали въ бракъ съ бѣлой женщиной для продолженія своего имени. Были приняты предосторожности, чтобы закрыть невольнику путь къ освобожденію. Тотъ, кто обнаруживалъ африканское происхожденіе, не могъ учиться ни читать, ни писать: невѣжество—лучшій хранитель рабства.

Но плантаторы не составляли всего европейскаго народонаселенія Юга. Рядомъ съ ними были бѣдные бѣлые, классъ, состоявшій частію изъ ирландцевъ, частію изъ обѣднѣвшихъ старинныхъ фамилій. Чтобы со-

хранить обширныя владѣнія, требуемыя системою плантацій, необходимо было поддержать право старшинства; въ обществѣ, гдѣ рабство опозорило трудъ, членамъ богатыхъ фамилій, лишеннымъ наслѣдства, не остается никакихъ средствъ къ жизни.

— Благодаря Бога,—говорилъ одинъ молодой Виргинецъ человѣку, у котораго онъ просилъ милостыню, —съ тѣхъ поръ какъ я на свѣтѣ, я не употреблялъ въ дѣло мои десять пальцевъ; меня могутъ повѣсить, если хотятъ, но меня не заставятъ измѣнить мое поведеніе.

Таковъ былъ печальный духъ, господствовавшій на Югѣ. Умственный трудъ не встрѣчалъ тамъ ни поощренія, ни вознагражденія, и южные штаты, лишенные учителей, принуждены были посылать своихъ дѣтей на сѣверъ для пріобрѣтенія нѣкоторыхъ научныхъ свѣдѣній; что же касается бѣдныхъ бѣлыхъ, они коснѣли въ самомъ глубокомъ невѣжествѣ. Общественное образованіе было въ такомъ пренебреженіи, что нигдѣ въ христіанскомъ мірѣ нельзя найти примѣра подобнаго равнодушія. Надо было бы идти въ Турцію, чтобы встрѣтить такое полное презрѣніе къ умственному развитію. Въ Южной Каролинѣ было только 15 учениковъ на сто дѣтей, имѣющихъ школьный возрастъ. Въ Миссисипи и Виргиніи пропорція была еще меньше: тамъ было только 9 на сто.

Слѣдовательно, между Сѣверомъ и Югомъ былъ полный антагонизмъ въ понятіяхъ и чувствахъ; а нравственная враждебность должна неизбѣжно вести къ войнѣ. Который изъ этихъ двухъ принциповъ возьметъ верхъ, абсолютное ли равенство, или привиллегія въ ея самой гнусной формѣ, въ формѣ рабства? Которая изъ этихъ двухъ силъ, американская ли демократія

или аристократическій духъ, принесенный изъ старой Англіи, будетъ управлять великой Республикой?

Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, Югъ имѣлъ значительное политическое вліяніе; онъ былъ имъ обязанъ превосходству своихъ предводителей, поставленныхъ въ средѣ, удивительно благопріятной для развитія ихъ способностей, ибо почти всѣ олигархіи служатъ разсадниками государственныхъ людей. Но присоединеніе новыхъ областей, которыя впродолженіе двадцати лѣтъ образовались на западѣ, измѣнило положеніе. Европейскіе переселенцы усвоили учрежденія Сѣвера; они отвергали рабство, защищали интересы свободнаго труда и мелкой собственности. Югъ понялъ, что борьба сдѣлалась неравной и что ему придется спуститься съ той высоты, на которой онъ до тѣхъ поръ съумѣлъ держаться. Прячась за конституцію, признававшую за каждымъ штатомъ самоуправленіе, онъ сдѣлался адвокатомъ автономіи, поддержкой децентрализаціи. Онъ утверждалъ, что Американскій Союзъ не болѣе, какъ простая ассоціація самодержавныхъ государствъ, вполнѣ независимыхъ одно отъ другаго, которыя вступали въ союзъ, когда считали это выгоднымъ для своихъ интересовъ, и которыя могутъ отдѣлиться, если придутъ къ другому убѣжденію.

Въ виду этой угрозы, Сѣверъ почувствовалъ необходимость крѣпче стянуть связи, соединяющія штаты съ Вашингтонскимъ правительствомъ. Со времени возникновенія союзнаго договора два большіе потока мнѣній разъединяли Америку. *Республиканская* партія заключала защитниковъ національнаго единства, тѣхъ, которые считали страну великой республикой, а не простымъ союзомъ. *Демократическая* же партія состояла изъ людей, выказывающихъ больше привязанности

къ индивидуальной независимости штатовъ, чѣмъ къ силѣ центральнаго правительства. Первая опиралась на горячій патріотизмъ Сѣвера, вторая имѣла между своими предводителями и союзниками всѣхъ плантаторовъ Юга. Демократія, какъ мы ее понимаемъ, не имѣла никакого отношенія къ этимъ различіямъ лагерей; дѣло шло исключительно объ отношеніяхъ различныхъ областей Союза; оказывалось даже, что, вопреки буквальному значенію слова, американскіе *демократы* большею частью происходили изъ *аристократическаго* класса. Но различныя стремленія партій не привели бы къ войнѣ, если бы глубокая противоположность въ нравахъ и въ политической системѣ не раздѣлила великую американскую семью.

Доктрины сепаратистовъ были побѣждены; никто впредь не посмѣетъ противопоставить знамени Союза враждебное знамя; южане подчинились своему пораженію и признаютъ единство націи. Тѣмъ не менѣе существуетъ еще множество зародышей раздора; сила оружія не измѣняетъ понятій, побѣды Сѣвера не вдругъ внушили плантаторамъ Флориды свободный духъ Бостона и Нью-Іорка. Побѣды эти не дали также неграмъ политическаго развитія; онѣ разрушили прискорбное прошедшее, разсѣяли общество, которое основывалось на рабствѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ причинили много раззоренія.

Южные штаты, еще недавно столь богатые и могущественные, а теперь столь опустошенные, представляютъ печальное зрѣлище. Торговля была дѣятельна; хлопчато-бумажныя поля снабжали хлопкомъ всѣ рынки Европы; вывозъ простирался ежегодно приблизительно до полутора милліарда франковъ, ввозъ былъ не менѣе значителенъ, ибо въ странѣ не было фабрикъ,

въ ней мало обработывали хлѣба и мало разводили скота. Западъ снабжалъ страну съѣстными припасами, Сѣверъ высылалъ ей мануфактурныя произведенія, Старый Свѣтъ — предметы роскоши и искусства. Изъ всего этого происходило огромное мѣновое движеніе и необыкновенное одушевленіе. Нынѣ смертная тишина господствуетъ вездѣ. Города опустѣли; на простыхъ и желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ болѣе путешественниковъ и почти нѣтъ товаровъ. Печальное состояніе этихъ дорогъ невозможно описать; нѣтъ денегъ для исправленія пути, для замѣны сломанныхъ рельсовъ. И къ чему онѣ, если нѣтъ ввоза и вывоза?

Но зло не остановилось на этомъ. Плантаторы, истощенные войною, на которую они пожертвовали свой послѣдній долларъ, въ борьбѣ съ недавно освобожденнымъ народонаселеніемъ, которое, само лишенное средствъ, соглашалось работать только за немедленное вознагражденіе,—принуждены были оставлять свои земли необработанными. Тысячи семействъ, привыкшихъ ко всѣмъ утонченностямъ роскоши, познакомились теперь съ ужасами голода; ихъ нищета такъ велика, что они не могутъ даже покупать свинину, скромную пищу бѣднаго класса. Если случайно въ одномъ уголкѣ покинутой плантаціи разводятся пататы или маисъ, эта скудная жатва похищается шайками негровъ, которыхъ страданія побуждаютъ къ грабежу.

Все, что служило для обработыванія: мельницы, инструменты, машины,—все это продано или разрушено; осталась одна земля, на которую нѣтъ пріобрѣтателя, потому что ни у кого нѣтъ капитала. Прежніе владѣльцы огромныхъ имѣній, люди, которые, несмотря на свою царскую роскошь, не могли издерживать всѣхъ своихъ доходовъ, сдѣлались теперь работниками или

носильщиками; другіе не переживали лишеній, и ихъ семейства принуждены были обращаться къ общественному милосердію для ихъ погребенія.

Конечно, бѣдствія не вездѣ столь глубоки; такъ, Миссури, Кентуки и Тенесси, климатъ которыхъ благопріятствуетъ обработкѣ почвы бѣлыми, были едва потрясены уничтоженіемъ рабства; Техасъ, главное средство котораго заключалось въ разведеніи скота, могъ легко обойтись безъ негровъ. Но штаты, на которыхъ сосредоточились опустошенія войны, въ которыхъ установленіе свободнаго труда представляетъ болѣе препятствій, находятся въ крайней нищетѣ.

Блестящая метрополія южныхъ инсургентовъ, Ричмондъ, еще погребенъ подъ пепломъ пожара, зажженнаго его собственными руками; пламя, раздуваемое вѣтромъ, истребило всѣ кварталы, гдѣ находились мельницы, табачныя фабрики и хлѣбные магазины. Хотя уже нѣсколько лѣтъ прошло съ конца этой борьбы, перестройка подвигается медленно, и взоръ путника на каждомъ шагу встрѣчаетъ почернѣвшія развалины прежнихъ зданій.

Верхняя часть города сохранилась. Великолѣпные дома, украшенные верандами и портиками, окруженные большими садами, гдѣ цвѣтутъ магноліи, гранатныя деревья, сине-цвѣтные ясени, возвышаются на холмѣ вокругъ дворца, въ которомъ помѣщается виргинская администрація. Этотъ видъ производитъ, однако, тоже грустное впечатлѣніе. Гдѣ жители этихъ домовъ? Одни погибли на полѣ битвы, другіе покинули страну; тѣ, которые остались, томятся въ отчаяніи.

Ричмондъ, будучи главнымъ центромъ войны, сосредоточивалъ въ себѣ сильныя средства защиты. Въ немъ собирались новые рекруты, сюда приносили ране-

ныхъ. Въ немъ были учреждены госпитали, въ которыхъ могло помѣщаться до двадцати тысячъ человѣкъ, но и въ нихъ иногда не хватало мѣста, такъ ужасны были сраженія. Множество солдатъ умерло, несмотря на усердныя заботы, которыми ихъ окружали. Восемь тысячъ изъ этихъ защитниковъ побѣжденнаго дѣла были погребены на кладбищѣ города, и только деревянный крестъ служитъ имъ надгробнымъ памятникомъ; ихъ соотечественники, слишкомъ бѣдные, чтобы иначе почтить ихъ мужество, вырѣзали на немъ эту простую надпись, которая выражаетъ чувства Юга: «*мертвые, но не забытые*».

И однако штатъ Виргинія, жители котораго выказали себя столь горячими сепаратистами, имѣлъ въ своихъ лѣтописяхъ славныя имена, которыя должны были бы сблизить его съ общимъ отечествомъ. Въ немъ родился Вашингтонъ, и на главной площади Ричмонда возвышается бронзовая статуя, воздвигнутая американцами въ память основателя ихъ республики. Странная иронія исторіи! Этотъ памятникъ стоитъ напротивъ дворца, гдѣ помѣщалось мятежное правительство, гдѣ были приняты рѣшенія его предводителей; онъ возвышается надъ полями битвы, которыя были свидѣтелями рѣзни, причиненной возмущеніемъ отечества Вашингтона противъ созданія этого великаго человѣка.

Внезапное уничтоженіе рабства привело къ полному разрушенію многія области. Плантаціи сахарнаго тростника въ Луизіанѣ были большею частью уничтожены, а такъ какъ эксплуатація требуетъ дорогихъ матеріаловъ, то этотъ родъ обработыванія земли не можетъ согласоваться съ раздробленіемъ собственности; надо имѣть значительные капиталы и большіе участки; сверхъ того, для этихъ работъ нельзя употреблять бѣ-

лыхъ, а негры питаютъ къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ недовѣріе, дѣлающее сближеніе весьма затруднительнымъ.

Положеніе дѣлъ не лучше въ Флоридѣ и въ Миссисипи; первая нынѣ пустынна, второй—раздираемъ враждебностью партій и расъ. Но бѣдствія этихъ штатовъ не достигаютъ еще бѣдствій Южной Каролины. Каковы бы ни были страданія минуты, бѣлое неселеніе Новаго Орлеана и Сан-Августина знаетъ, что посредствомъ энергіи оно поправится въ будущемъ. Эта надежда кажется по меньшей мѣрѣ сомнительною въ Чарлстонѣ. Самыми богатыми округами были прибрежные острова, столь славившіеся качествомъ хлопка, который они производили. Но климатъ этихъ мѣстностей смертеленъ для европейцевъ; одни только негры могутъ жить тамъ и обработывать землю. По всей вѣроятности, Южная Каролина представитъ только весьма тѣсное поле труду европейцевъ.

Къ причинамъ раздраженія, уже столь сильнымъ, на которыя мы указали, присоединилось еще горькое униженіе. Бѣлое населеніе, гораздо менѣе густое на Югѣ, чѣмъ на Сѣверѣ, могло пріобрѣсти вліяніе на дѣла страны и вознаградить свое численное меньшинство только соразмѣряя число членовъ Конгресса съ числомъ жителей каждаго штата, включая черныхъ, составлявшихъ въ рабовладѣльческихъ областяхъ населеніе въ пять милліоновъ и доставлявшихъ драгоцѣнный добавочный контингентъ. Послѣ пораженія южане думали снова завладѣть всѣми своими политическими правами; они соглашались освободить невольниковъ, но хотѣли, чтобы эта реформа совершилась ихъ руками; кромѣ того, они предполагали сохранить привиллегію, данную имъ Конституціей: подавать го-

лось и за себя и за негровъ, работающихъ на плантацiяхъ.

Сѣверъ не могъ согласиться на подобныя требованiя; принеся столько жертвъ для восторжествованiя своихъ принциповъ, потерявъ пятьсотъ тысячъ человѣкъ и издержавъ четыре съ половиной миллiарда долларовъ, онъ долженъ былъ упрочить результатъ побѣды, которая такъ дорого ему обошлась.

На другой же день послѣ взятiя Ричмонда, Конгрессъ предложилъ законъ, возвращающiй подачѣ голосовъ ея личный характеръ и соразмѣряющiй число депутатовъ каждаго штата не съ общей суммой населенiя, какъ это было прежде, но съ числомъ избирателей, т. е. бѣлыхъ, ибо тогда еще не думали дать чернымъ право на подачу голоса. Эта мѣра казалась справедливою. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ плантаторъ Виргинiи долженъ пользоваться бо́льшимъ влiянiемъ, чѣмъ фабрикантъ Нью-Iорка? Если черные считались несовершеннолѣтними, неспособными имѣть политическiя права, то это еще не причина, чтобы давать владѣльцамъ, стѣснявшимъ ихъ права, быть ихъ представителями и подавать за нихъ голосъ. Голосъ одного изъ такихъ большихъ владѣльцевъ могъ бы въ такомъ случаѣ уничтожить голоса 150-ти или 200 гражданъ Сѣвера.

Наконецъ, чтобы уничтожить всякiй зародышъ возмущенiя и наблюдать за дѣйствительнымъ уничтоженiемъ рабства, Конгрессъ назначилъ временныхъ губернаторовъ, которымъ поручено было управлять мятежными штатами, пока они снова не войдутъ въ среду Союза.

Всѣ эти дѣйствiя возбудили взрывъ негодованiя. Принять за основанiе нацiональнаго представительства чи-

сло бѣлыхъ избирателей, значило для Юга согласиться на лишеніе политическихъ правъ. «Мы честно соединились съ Союзомъ, говорили плантаторы, мы отказались отъ рабства, но мы не подпишемъ условій, узаконивающихъ наше униженіе. Мы требуемъ тѣхъ правъ, которыя Конституція признавала за нами, и которыхъ вы не можете насъ лишить, не разрывая союзнаго договора».

Присылка губернаторовъ, выбранныхъ Конгрессомъ, возбудила не менѣе протестовъ. Въ Америкѣ каждый штатъ самъ назначаетъ своего начальника, своихъ общественныхъ лицъ. Южане жаловались на то, что были жертвами незаконной строгости. Ихъ недовольство еще увеличилось, когда временные администраторы, поддерживаемые войсками, прибывшими съ Сѣвера, занялись преобразованіемъ городскихъ управленій и судовъ и призвали къ баллотировкѣ негровъ для выбора общинныхъ властей.

Надо однако признаться, что это послѣднее рѣшеніе было внушено Конгрессу не филантропическимъ чувствомъ, но недовѣріемъ и враждебностью, которыя возбуждались еще относительно побѣжденныхъ, не покорившихся, несмотря на пораженіе. Защитники черныхъ были далеко не убѣждены въ политической способности своихъ *protégés*; они смотрѣли на нихъ, какъ на невѣжественныя и падшія существа, стоящія гораздо ниже гражданъ свободной Америки; но справедливость требовала защищать ихъ отъ притѣсненія, вотъ и все.

Впрочемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ каждый проникнутъ той истиной, что самая лучшая гарантія общей подачи голосовъ — образованіе: чтобы обдуманно подать свой голосъ, надо имѣть возможность знать лю-

дей и положеніе дѣлъ. Когда шло дѣло о переустройствѣ Союза, республиканская партія вначалѣ помышляла ограничить число избирателей гражданами, умѣющими читать и писать. Но сопротивленія Юга заставили ее избрать другой путь. Въ мятежныхъ штатахъ единственныя лица, имѣвшія нѣкоторое образованіе, были именно тѣ, которыя цѣною своей жизни и своего состоянія поддерживали попытку сепаратизма, которыя, и сложивъ оружіе, сохраняли скрытую злобу противъ союзнаго правительства. Оставить за ними привиллегію назначать мѣстныя власти, удаляя отъ баллотировки негровъ и бѣдныхъ бѣлыхъ, значило бы снова отдать Югъ въ руки враговъ Союза. Законъ, вынужденный обстоятельствами, давалъ поэтому безъ всякаго различія всему мужскому населенію право избирать должностныхъ лицъ въ каждомъ штатѣ.

Такъ пала олигархія, которую плантаторы надѣялись и удержать и послѣ уничтоженія рабства. Безусловная демократія, полное равенство, были вдругъ пересажены на почву, плохо приготовленную для ихъ принятія. Большіе владѣльцы, сосредоточивавшіе въ своихъ рукахъ всю политическую жизнь страны, поняли, что ихъ власть навсегда уничтожена; ихъ голосъ значилъ не больше, чѣмъ голосъ бѣдныхъ бѣлыхъ, или даже негровъ, и эти послѣдніе имѣли притомъ на своей сторонѣ численный перевѣсъ. «Съ нами обращаются какъ съ покореннымъ народомъ, съ горечью говорили плантаторы. Къ намъ посылаютъ оккупаціонную армію, насъ заставляютъ подчиняться учрежденіямъ, которыя не наши, и, для увѣнчанія этихъ произвольныхъ мѣръ, нашихъ прежнихъ рабовъ дѣлаютъ нашими господами».

Жалобы Юга встрѣтили отголосокъ въ президентѣ

Джонсонѣ и въ нѣкоторыхъ сѣверянахъ. Поведеніе Конгресса, можетъ быть благоразумное съ политической точки зрѣнія, было дѣйствительно вполнѣ противно постановленіямъ Конституціи; а извѣстно, какое уваженіе американцы имѣютъ къ этому основному договору. Тщетно республиканцы повторяли, что надо сообразоваться съ духомъ, а не съ буквою; что плантаторы злоупотребляли правами штатовъ, дабы попирать ногами права отечества и человѣчества, священныя права, которыя хартія имѣла своею специальною цѣлью защищать; что измѣненія, предлагаемыя Конгрессомъ, довершали дѣло первыхъ законодателей, а не портили его. Несмотря на такіе доводы, много сомнѣній оставалось еще въ умахъ; множество безпристрастныхъ людей спрашивали себя, могъ ли дѣйствительно Сѣверъ вмѣшиваться въ дѣла мятежныхъ штатовъ и нарушать ихъ автономію. Демократическая партія начинала брать верхъ, и если бы она не была поставлена въ неловкое положеніе неудачнымъ покровительствомъ президента и насиліемъ нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ, она одержала бы, можетъ быть, нравственную побѣду, которая вознаградила бы ее за военное пораженіе.

Въ то время, какъ рѣшались эти вопросы, нищета и анархія раззоряли Югъ. Тысячи людей умирали отъ голода, грабежи опустошали деревни. Сѣверяне были тронуты этимъ; во всѣхъ большихъ городахъ были открыты подписки, а Конгрессъ ассигновалъ милліонъ долларовъ для вспомоществованія самымъ бѣднымъ семействамъ. Это было конечно весьма недостаточное палліативное средство, которое не могло излечить столько ранъ! Плантаторы смотрѣли на милостыню, которую они принуждены были принимать изъ рукъ, раз-

зорившихъ ихъ, какъ еще на одно униженіе для себя. Впрочемъ, чтобы соразмѣрить вспомоществованіе съ нуждами, были бы необходимы громадныя суммы, которыхъ обѣднѣвшій Сѣверъ не въ состояніи былъ доставить. Но и тогда облегченіе было бы только временное, такъ какъ причины страданія существуютъ и до сихъ поръ.

Надо было начать съ самаго корня зла. Американцы поняли это и серьезныя усилія, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ, были сдѣланы по этому поводу. Мы не старались скрывать трудности этого положенія, но оно далеко не безвыходное. Южные штаты переживаютъ въ настоящее время тяжелый кризисъ; они выйдутъ изъ него обновленными и болѣе сильными, ибо они отказались отъ учрежденія, которое было вмѣстѣ оскорбленіемъ человѣчества, общественнымъ безчестіемъ и препятствіемъ къ прогрессу страны. Ихъ бѣдственное положеніе имѣло по крайней мѣрѣ тотъ результатъ, что заставило ихъ принять великіе принципы, составляющіе душу современной жизни.

ГЛАВА V.

Вопросъ о неграхъ.

Когда рабство было уничтожено въ Америкѣ, множество опасностей представлялось новому обществу, которое должно было организоваться на развалинахъ стараго порядка вещей. Негръ считался неспособнымъ къ свободѣ, лишеннымъ всякаго нравственнаго чувства, врагомъ всякаго труда; сверхъ того, онъ долженъ былъ опасаться недоброжелательства южанъ, презрѣніе которыхъ къ угнетенной расѣ перешло въ глубокое раздраженіе съ тѣхъ поръ, какъ Сѣверъ принялъ ихъ сторону. Просьбы побѣдителя бываютъ рѣдко хорошо приняты: гражданскія права черныхъ, хотя и установленныя въ принципѣ, на фактѣ часто отрицались.

Видѣть, какъ ихъ прежніе рабы дѣлались имъ равными, казалось плантаторамъ чудовищнымъ, страннымъ, невозможнымъ. Поэтому большинство изъ нихъ сперва только смѣялось надъ этимъ; достаточно, думали они, высказать подобное предложеніе, чтобы оно было осмѣяно.

Дѣйствительно, умы были мало подготовлены на Югѣ къ такой полной революціи. Одинъ изъ самыхъ значительныхъ членовъ южнаго союза, Александръ

Стефенсъ, вице-президентъ Союзныхъ Штатовъ, писалъ въ 1861 году: «Рабство—естественное, нормальное положеніе негровъ.... Я не сомнѣваюсь, что эта истина будетъ наконецъ признана всѣми народами, одаренными разумомъ и просвѣщеніемъ.... Рабовладѣльческая система находится еще въ зародышѣ».

Это дерево, которое должно было разростись надъ всей землею, было однако вырвано изъ почвы: черный не только уже болѣе не товаръ, но онъ принадлежитъ себѣ, можетъ имѣть семью и даже принимаетъ участіе въ политической жизни націи.

Съ самаго перваго дня плантаторы утверждали, что это новое достоинство будетъ ему не по вкусу. «*Самбо* не заботится быть гражданиномъ, говорили съ насмѣшкой собственники Юга. Всѣмъ правамъ, даваемымъ ему Сѣверомъ, онъ предпочитаетъ право имѣть нѣсколько женъ и увѣренность ѣсть хорошій супъ. Что вы говорите ему о совѣсти и объ отвѣтственности? вы ничего не добьетесь отъ него иначе, какъ только силой».

Что негръ далеко не обладалъ всѣми желаемыми добродѣтелями, это само собой понятно: унижаемый съ самаго рожденія, воспитанный безъ нравственнаго чувства, безъ понятія о религіи, онъ былъ такимъ, какимъ его сдѣлало рабство. Какъ могъ онъ имѣть родственныя чувства, когда его разлучали съ его дѣтьми, когда ихъ продавали на рынкѣ, какъ скотину? Какъ могло пробудиться въ его сердцѣ чувство долга, въ немъ, которому извѣстно было только принужденіе, въ немъ, противъ котораго употреблялся одинъ только доводъ—плеть? Большое число негровъ было склонно ко лжи, къ лѣни, къ воровству, и ихъ прежніе господа не только не думали, что отвѣтственность за эти пороки падаетъ на нихъ же самихъ, но,

напротивъ, видѣли въ этомъ только торжество и оправданіе своихъ безнравственныхъ правилъ. Послѣ своего освобожденія негры совершили не мало проступковъ; общественное мнѣніе было противъ нихъ, и они были чрезвычайно строго наказаны.

Въ одномъ городѣ Юга-Запада, одинъ мулатъ, разгоряченный виномъ, поцѣловалъ на площади бѣлую работницу. На крикъ молодой дѣвушки собралась толпа; смѣльчака схватили, на него посыпались удары; тысячи голосовъ, требующихъ его смерти, раздались вокругъ него. Но какая пытка можетъ быть достаточнымъ наказаніемъ за подобное преступленіе? Несчастнаго вымазали дегтемъ и покрыли перьями, которыя подожгли. Замѣтивъ, что онъ еще дышетъ, его бросаютъ въ бочку, несутъ въ самую глушь лѣса и оставляютъ его тамъ на съѣденіе волкамъ и хищнымъ птицамъ. Судьи, призванные для разбора этого дѣла, объявили, что толпа дѣйствовала подъ вліяніемъ непреодолимаго чувства гнѣва и что они ничего не могутъ здѣсь сдѣлать.

Если оскорбленія, наносимыя неграми, наказывались съ строгостью, доходившею до варварства, то пристрастіе къ бѣлымъ выказывалось не менѣе возмутительнымъ образомъ. Если они провинялись относительно негровъ въ насиліи или даже въ убійствѣ, судъ всегда оправдывалъ ихъ. Скоро освобожденные негры, раздраженные до крайности несправедливостями, которыхъ они были жертвами, присвоили себѣ права мщенія. Племенная война со всѣми ея ужасами готова была вспыхнуть. Соціальная вражда увеличивалась еще политической враждой: пылкіе сѣверяне взяли сторону негровъ и подстрекали самыя нехорошія страсти.

Въ этихъ обстоятельствахъ Конгрессъ, для возста-

новленія порядка, рѣшилъ занять Югъ войскомъ. Но этого было недостаточно; онъ полагалъ, что общественное спокойствіе должно имѣть иную гарантію, чѣмъ сила оружія, онъ хотѣлъ имѣть нравственное вліяніе на это черное населеніе, которое, испорченное и невѣжественное, грозило опасностью каждую минуту. Онъ организовалъ въ каждомъ городѣ *Комитетъ освобожденныхъ*, которому было поручено защищать негровъ, руководить ими и распространять между ними образованіе. Южане утверждали, что Конгрессъ не имѣетъ право вмѣшиваться въ ихъ внутреннюю администрацію. Но если мятежные штаты отказывались содѣйствовать нравственному возстановленію негровъ, если вмѣсто того, чтобы помогать имъ въ ихъ слабости, они осуждали ихъ на коснѣніе въ нищетѣ и порокѣ, развѣ это не значило возстановлять до нѣкоторой степени рабство? Патріотизмъ и гуманность предписывали Сѣверу взять сторону освобожденныхъ. На его обязанности лежало смыть пятно, наложенное на націю вѣковою несправедливостью, и дать неграмъ возможность освободиться отъ тяготѣвшаго на нихъ презрѣнія. Мы видѣли, что политическія обстоятельства толкнули уніонистовъ дальше по этому пути, чѣмъ они этого желали.

«Предразсудокъ относительно цвѣтныхъ людей, говорить одна американская газета *), былъ достаточно силенъ въ Соединенныхъ Штатахъ, чтобы уничтожить всѣ проекты реформы, если бы на эти проекты яростно не напали враги націи и общественнаго порядка. При такихъ крайностяхъ государство поняло, что интересъ его безопасности заставляетъ его забыть свои предубѣжденія и выказать себя справедливымъ.

*) *Atlantic Monthly*, январь 1869 г.

Противникамъ человѣческой свободы необходимо было, чтобы успѣть, имѣть только немного умѣренности и осторожности, но эти качества не составляютъ отличительнаго характера людей, защищающихъ неправое дѣло».

Сѣверъ самъ не имѣлъ полнаго довѣрія къ дѣлу, которое онъ хотѣлъ совершить; но враждебность южанъ подстрекала его усилія и скоро успѣхъ превзошелъ ожиданія. Можно разсчитывать, что племя негровъ оправдаетъ въ Америкѣ надежды его самыхъ восторженныхъ защитниковъ; до сихъ поръ оно всегда выгодно для себя пользовалось различными положеніями, въ которыхъ оно находилось; освобожденные жаждутъ образованія и терпѣливы въ трудѣ; они были превосходными солдатами во время гражданской войны; генералъ Грантъ, хорошій судья въ этомъ дѣлѣ, хвалитъ ихъ дисциплину и мужество. Въ то же время ихъ религіозное стремленіе, ихъ общежительность, ихъ впечатлительность, открываютъ широкое поле для ихъ усовершенствованія.

Въ Новой Англіи, не смотря на предубѣжденія, которыя затрудняютъ еще для негровъ всѣ карьеры, нѣкоторые изъ нихъ, помощію энергіи, сдѣлались богатыми и учеными; они защищаютъ въ судѣ, проповѣдуютъ въ церквахъ, и съ успѣхомъ занимаются другими свободными профессіями. Умъ, не разъ выказываемый этими людьми, которыхъ думали унизить до уровня скотовъ, дѣйствительно замѣчателенъ, и ничто лучше не доказываетъ насколько они способны къ развитію, какъ то сочувствіе, съ которымъ они отнеслись къ учрежденію школъ въ Южныхъ штатахъ.

Комитетъ освобожденныхъ взялъ на себя иниціативу цивилизующаго движенія; его стараніями, множество общественныхъ школъ было открыто для цвѣт-

ныхъ людей всѣхъ возрастовъ. И повѣрятъ ли, что эти усилія вырвать негровъ изъ ихъ невѣжества, сдѣлались причиною важнѣйшихъ жалобъ южанъ на Комитетъ.

«Что дѣлаютъ посланники Сѣвера для ихъ питомцевъ? говорили плантаторы. Они учатъ ихъ читать. Они такимъ образомъ внушаютъ имъ ложное и опасное понятіе, что высшая необходимость жизни не трудъ, но образованіе; они разстраиваютъ порядокъ вещей, ставя на первый планъ то, что имѣетъ только второстепенное значеніе. Въ то время, какъ негръ посѣщаетъ школу, обработка полей остановлена, нищета увеличивается съ каждымъ днемъ. Къ чему, впрочемъ, клонится это столь хваленое образованіе? Къ тому, чтобы внушить чернымъ желаніе сдѣлаться прикащиками или купцами и лишить ихъ охоты къ ручнымъ работамъ».

Какъ видно, противники общественнаго образованія не отличаются воображеніемъ, и во всѣхъ странахъ ихъ доводы почти одни и тѣ же. Эти возраженія не остановили Сѣверъ. Продолжительный опытъ доказалъ ему, что образованіе, даваемое только одной части общества, дѣйствительно можетъ возбуждать болѣзненное честолюбіе, но что оно перестаетъ производить подобный результатъ, когда, вмѣсто того, чтобы быть привиллегіей нѣкоторыхъ, оно дѣлается достояніемъ всѣхъ. Онъ зналъ также, что человѣкъ живетъ не только хлѣбомъ, что основанія благосостоянія націи находятся больше въ умѣ, который руководитъ трудомъ, чѣмъ въ машинальномъ дѣйствіи, которое его исполняетъ. «Каковъ работникъ, таково и дѣло», говоритъ народная поговорка.

Притомъ, земледѣлію Южныхъ Штатовъ не доста-

вало не рукъ, но капиталовъ и предпріимчивости. Плантаціи оставались необработанными, потому что у владѣльцевъ не было денегъ на плату жалованья работникамъ, на возстановленіе необходимыхъ для обработки инструментовъ. Вѣрные тому принципу, что школы составляютъ настоящую охрану общества, сѣверяне дѣятельно занялись повсемѣстнымъ открытіемъ ихъ для негровъ.

«Мы требуемъ одинаковой справедливости для всѣхъ, говорилъ по этому поводу начальникъ одного изъ комитетовъ освобожденныхъ; мы требуемъ несокрушимыхъ правъ, которыя Богъ, по словамъ знаменитыхъ основателей нашей республики, даровалъ всѣмъ, безъ различія племени и цвѣта; только охраняя эти права для тѣхъ, образованіемъ которыхъ мы обязались руководить, искореняя въ нихъ порочныя привычки, воспитывая ихъ сердце образованіемъ и внушая имъ любовь къ добродѣтели, мы дадимъ обществу тотъ существенно нравственный характеръ, который служитъ гарантіей общественнаго порядка.»

Союзная армія уже учредила въ различныхъ мѣстахъ, гдѣ она остановливалась, школы для цвѣтныхъ солдатъ, находящихся въ ея средѣ. Эти заведенія были учреждены и открыты для всего населенія негровъ; еще большее число было основано благотворительными обществами Сѣвера. Наконецъ, нѣсколько южныхъ штатовъ, воодушевленные духомъ примиренія, организовали также нѣсколько школъ.

Комитетъ освобожденныхъ поощрялъ эти попытки, помогалъ имъ совѣтами и пожертвованіями, но онъ особенно старался подстрекать личную энергію освобожденнаго племени. Америка обладала *самоуправленіемъ*; она хотѣла ввести въ южные штаты и между не-

грами *самообразованіе*, т. е. образованіе народа посредствомъ народа.

Черные выразили удивительное сочувствіе этому нововведенію; они быстро поняли, какое значеніе имѣетъ для нихъ образованіе; и эти бѣдные люди, отъ которыхъ можно было бы ожидать только нравственнаго отупѣнія, производимаго обыкновенно угнетеніемъ, налагали на себя величайшія жертвы, чтобы содѣйствовать основанію школъ. Такъ, въ Техасѣ цвѣтное населеніе, своими собственными стараніями и на свои собственныя средства, устроило 26 утреннихъ и вечернихъ школъ; оно-же въ Георгіи первое предложило учредить общественныя школы для дѣтей. Во многихъ другихъ штатахъ его личныя денежныя приношенія сильно содѣйствовали дѣлу Комитета.

Нигдѣ результаты не были столь замѣчательны, какъ въ Луизіанѣ. Военная власть, превышая, можетъ быть, данное ей Конгрессомъ полномочіе, дало широкую организацію общественному образованію. Было торжественно объявлено, что государство обязано сдѣлать образованіе доступнымъ для черныхъ, для исполненія чего начали собирать подати. Но обнаружилось сильное противодѣйствіе, и пришлось уничтожить налоги, установленные въ пользу негровъ.

Извѣстіе объ этой мѣрѣ распространило между освобожденными настоящій ужасъ. Во время короткаго промежутка, когда доступъ въ школы былъ имъ открытъ, 50,000 изъ нихъ выучились читать; тысячи другихъ намѣревались послѣдовать ихъ примѣру. Неужели эти плодотворные зародыши будутъ заглушены? Неужели будущность и умственное развитіе племени будутъ подорваны? Черные собрались, чтобы найти средство противъ зла. Уже со дня ихъ освобожденія

они платили, въ качествѣ гражданъ, часть общаго налога, взимаемаго на общественное образованіе; но эти фонды цѣликомъ употреблялись на поддержаніе школъ для бѣлыхъ, изъ которыхъ они были исключены.

Несмотря на эту несправедливость, несмотря на свою бѣдность, они рѣшились просить разрѣшенія платить спеціальную подать на образованіе своихъ дѣтей, не требуя при этомъ освобожденія отъ общаго налога.

Множество прошеній, покрытыхъ крестами, замѣнявшими подпись родителей, неумѣвшихъ писать, требовали образованія для угнетенной касты; просители прибавляли, что они берутъ на себя всѣ издержки. Нельзя было оставаться глухимъ къ этому воззванію. Школы были открыты для цвѣтныхъ учениковъ, и негры, употреблявшіеся Комитетомъ освобожденныхъ на различныя работы, брали изъ своей скромной заработной платы необходимую сумму для найма помѣщенія и жалованья учителямъ.

Вездѣ между освобожденными рабами проявляется неутолимая жажда къ образованію; на порогѣ самыхъ бѣдныхъ жилищъ встрѣчаются маленькія дѣти, перелистывающія свой букварь; люди, сгорбленные уже лѣтами, стараются замѣнить силою воли способности молодости: наконецъ-то они упиваются наукою, которая была имъ прежде запрещена!

Слѣдите за этими неграми, которые вечеромъ быстрыми шагами идутъ по улицамъ большихъ городовъ; одни направляются къ бѣднымъ чердакамъ, другіе къ нездоровымъ подваламъ: здѣсь-то устроены школы, ибо денегъ мало, а потребность велика. Нѣсколько скамеекъ, простые столы, небольшое число книгъ—вотъ и все убранство комнаты. Мы далеко отъ тѣхъ большихъ великолѣпныхъ заведеній Сѣвера, отъ тѣхъ просторныхъ

классовъ, щедро снабженныхъ школьною мебелью. Взглянемъ однако хорошенько и мы откроемъ въ этихъ скромныхъ пріютахъ такую прелесть, которую внѣшняя бѣдность дѣлаетъ еще болѣе трогательною. Мы увидимъ стариковъ съ сѣдыми волосами, наклоненныхъ надъ ихъ конторками и старающихся нетвердою рукою выводить буквы; рядомъ съ ними мужчины во цвѣтѣ лѣтъ, дѣти, которыхъ желаніе учиться заставляетъ, не смотря на поздній часъ, забывать о снѣ. Всѣ лица выражаютъ вниманіе, не слышно ни малѣйшаго шума; и однако здѣсь нѣтъ никакихъ мѣръ, подстрекающихъ самолюбіе, нѣтъ ни публичныхъ наградъ, ни пышныхъ церемоній; единственный двигатель—желаніе возродиться, черпая умственную силу изъ тѣхъ же источниковъ, какъ бѣлый человѣкъ.

«Эти пять милліоновъ внезапно освобожденныхъ рабовъ, говоритъ г. Альвордъ, главный инспекторъ общественнаго образованія на Югѣ, составляютъ одну націю, родившуюся въ одинъ день. Война была для нихъ превосходной школой мысли, размышленія и прогреса. Эта толпа разомъ поднялась и потребовала образованія. Освобожденные должны подняться по общественной лѣстницѣ; безъ образованія они быстро погрузятся въ невѣжество и въ порокъ. Считая себя свободными дѣлать что имъ угодно, окруженные опасными примѣрами, они могли бы пойти по всѣмъ дурнымъ дорогамъ. Но что во всемъ этомъ насъ поражаетъ, и удивляетъ даже самую филантропію, это то, что по крайней мѣрѣ милліонъ изъ пяти милліоновъ освобожденныхъ, и преимущественно молодое поколѣніе, изъявляютъ готовность отдаться ученію.

Самые предубѣжденные свидѣтели отдаютъ справедливость стараніямъ негровъ подняться изъ ихъ нрав-

ственнаго униженія. Одинъ англійскій путешественникъ, пропитанный племенными предразсудками, докторъ Цинке, начинаетъ съ того, что смѣло высказываетъ свои личныя убѣжденія.

«Я не изъ тѣхъ, пишетъ онъ въ одномъ недавномъ сочиненіи (*), которые полагаютъ, что умъ самой цивилизованной, самой развитой расы въ свѣтѣ долженъ быть равенъ уму народа, который никогда не имѣлъ понятія о цивилизаціи; другими словами, что люди, выказавшіе блестящимъ образомъ свой умъ, стояли бы на равномъ уровнѣ съ тѣми, которые никогда ни въ въ чемъ его не выказывали».

Несмотря на строгость этого приговора, видъ одной негритянской школы вырываетъ у него признаніе, которое, будучи высказано столь неблагосклоннымъ критикомъ, получаетъ особенное значеніе.

«Именно въ силу моихъ мнѣній, продолжаетъ онъ, я считаю себя обязаннымъ упоминать о всѣхъ фактахъ, которые повидимому противорѣчатъ имъ. Я долженъ признаться поэтому въ моемъ крайнемъ удивленіи при видѣ живости ума этихъ четырехсотъ цвѣтныхъ дѣтей. Въ весьма короткое время они пріобрѣли дѣйствительно замѣчательную сумму знаній. Никогда ни въ одной школѣ Англіи (а я ихъ посѣтилъ много) я не встрѣчалъ въ ученикахъ такую быстроту пониманія, никогда я не слыхалъ столь разумныхъ вопросовъ, показывающихъ такое ясное пониманіе текста».

Нашъ путешественникъ кончаетъ правда замѣчаніемъ, что это быстрое развитіе скоро останавливается, и что природа осуждаетъ негра оставаться въ безпрерывномъ дѣтствѣ Но онъ жилъ между плантаторами и вѣроятно, самъ того не замѣчая, проникся ихъ не-

(*) *Last winter in the United States.*

пріязненностью. Если-бы онъ, напримѣръ, посѣтилъ Оберлинскій университетъ, гдѣ негры вмѣстѣ съ бѣлыми слушаютъ математику, астрономію и естественныя науки; если бы онъ только вошелъ въ нѣкоторыя изъ школъ Виргиніи и Каролины, столь искусно руководимыя цвѣтными учителями, его этнологическая система получила бы толчокъ, отъ котораго онъ не легко бы оправился.

Южане, показывающіе наиболѣе презрѣнія къ черному племени, сами доказываютъ своимъ поведеніемъ, что они плохо увѣрены въ ихъ неспособности. Мѣры, принятыя Комитетомъ для образованія освобожденныхъ, встрѣтили вездѣ со стороны бѣлыхъ ожесточенное противодѣйствіе. Школы были разрушены, обращены въ пепелъ; учителя сдѣлались предметомъ гнусныхъ преслѣдованій. Къ чему эта ненависть, къ чему эти насилія? Если негры не способны къ прогрессу, какое лучшее средство для доказательства этого, какъ оставить филантропамъ полную свободу предпринимать невозможное дѣло ихъ усовершенствованія? Опытъ уничтожилъ бы химеру. Утомившись въ тщетныхъ попыткахъ, друзья африканскаго племени принуждены были-бы убѣдиться въ иллюзіи своихъ надеждъ. Но южане такъ боялись, что ихъ прежніе рабы достигнутъ посредствомъ образованія вліянія и власти, они такъ были увѣрены въ ихъ способности развиваться, что всѣми средствами старались помѣшать учрежденію школъ. «Вамъ труднѣе будетъ бороться съ азбукой, говорилъ одинъ офицеръ плантатору, чѣмъ воевать съ Грантомъ и съ Шерманомъ». Эти слова характеризуютъ положеніе дѣлъ.

Бѣдные бѣлые выказали не меньшую враждебность. Они чувствовали непреодолимую зависть къ неграмъ,

которые, говорили они, скоро откроютъ для ихъ труда гибельную конкуренцію. Вмѣсто того, чтобы найти въ этой мысли поводъ къ соревнованію, они слѣдовали побужденіямъ своей злобы и силою противодѣйствовали попыткамъ, дѣлавшимся въ пользу освобожденныхъ.

Въ нѣкоторыхъ округахъ недоброжелательство южанъ высказывалось такъ явно, что не посмѣли открыть ни одной школы тѣ, которыя успѣли устроиться, несмотря на всѣ препятствія, принуждены были прибѣгнуть къ покровительству арміи; лишь только войска удалялись, безпорядки снова возобновлялись.

«Заведенія, находящіяся подъ опекой воспитательнаго комитета, пишетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ г. Альвордъ, служатъ предметомъ невѣроятной ненависти. Когда я находился въ штатѣ Миссисипи, два учителя были посланы въ одинъ большой городъ, гдѣ не было войска. На слѣдующій же день послѣ ихъ прибытія имъ дано было приказаніе уѣхать и на ихъ отказъ имъ угрожали смертью. Они принуждены были повиноваться. Это недоброжелательство часто проявляется совершенно явно, но еще чаще оно скрытно наноситъ удары; оно возбуждаетъ ссоры, унижается до тысячи интригъ, чтобы помѣшать устройству предполагаемой школы».

«Было бы трудно, говорилъ другой докладчикъ, генералъ Говардъ, дать понятіе о той ненависти, съ которою преслѣдуютъ на югѣ каждаго человѣка, который настолько преданъ, что храбро отстаиваетъ образованіе освобожденныхъ. Безъ настойчивости воспитательнаго комитета большое число школъ, достигающихъ наилучшихъ результатовъ, были бы уничтожены стараніями бѣлыхъ».

Мы обязаны однако сказать, что между плантато-

рами есть люди, справедливость и христіанское чувство которыхъ протестуютъ противъ несправедливостей, которымъ подвергаются негры. Уже до начала войны въ Чарлстонѣ были учреждены нѣсколько общественныхъ школъ для цвѣтныхъ дѣтей. Этотъ поворотъ къ филантропическимъ идеямъ увеличивается съ каждымъ днемъ; просвѣщенное сословіе начинаетъ замѣчать, что оно должно организовать обученіе и сдѣлать его популярнымъ, если не хочетъ быть униженнымъ въ борьбѣ; между бѣдными бѣлыми пытаются распространять образованіе и, несмотря на ихъ сопротивленіе, они наравнѣ съ неграми воспользуются реформой, произведенной Сѣверомъ.

Вообще, послѣ заключенія мира было сдѣлано много важныхъ улучшеній; освобожденные вмѣсто того, чтобы выказать, какъ это предсказывали, тупое и пассивное сопротивленіе намѣренію своихъ покровителей, напротивъ, горячо содѣйствовали имъ. Благотворительнымъ ассоціаціямъ удалось установить обширную систему образованія; ихъ пожертвованій, въ соединеніи съ податями, которыя негры наложили сами на себя, было достаточно для поддержанія болѣе 1200 школъ, основанныхъ въ два или три года въ прежнихъ рабовладѣльческихъ штатахъ. Воспитательному бюро приходилось озаботиться только присылкою учителей и снабженіемъ школъ классными принадлежностями. Во многихъ мѣстахъ дома, покинутые мятежниками, были предоставлены въ распоряженіе учителей, которые подъ покровительствомъ войскъ собирали въ нихъ своихъ учениковъ. Но прежніе владѣльцы снова возвратились въ свои жилища и надо было искать другихъ помѣщеній, которыя, вслѣдствіе скрытой непріязни бѣлаго на-

селенія, было чрезвычайно трудно найти и то за дорогую цѣну.

Среди этихъ затрудненій, Конгресъ выдалъ сумму въ 3 милліона долларовъ на покупку земель для школъ и пріютовъ. Нѣсколько великодушныхъ американцевъ соединились для той же цѣли; Пибоди, столь извѣстный своею филантропическою щедростью, пожертвовалъ милліонъ долларовъ на устройство элементарныхъ школъ. Сѣверныя ассоціаціи взяли на себя постройку зданій. 150,000 негровъ могли получить такимъ образомъ самыя необходимыя знанія, выучиться читать и писать, познакомиться нѣсколько съ религіей и нравственностью.

Это былъ превосходный результатъ, если взять во вниманіе глубокое нравственное угнетеніе, въ которомъ находились рабы; однако 150,000 учениковъ на населеніе въ 5 милліоновъ оставляли еще широкое поприще для рвенія аболиціонистовъ. Къ несчастію, не доставало учителей; многіе изъ нихъ, добровольно поступивши въ союзную армію, погибли во время войны; школы сѣвера оплакивали много утратъ, и однако имъ надо было удовлетворить не только своимъ потребностямъ, но и потребностямъ заведеній запада, руководимыхъ большею частью учителями изъ Новой Англіи.

Югъ не могъ ни въ чемъ помочь здѣсь, такъ какъ у него не было учителей даже для богатыхъ дѣтей. Образованіе находилось тамъ въ бѣдственномъ положеніи; плантаторы отказывались посылать, какъ они прежде это дѣлали, своихъ сыновей въ коллегіи Іеля, Гарварда или Кембриджа, и молодежь росла въ невѣжествѣ! Чтобы помочь столь труднымъ обстоятельствамъ, нѣкоторые благородные люди посвятили себя дѣлу воспитанія, которымъ слишкомъ долго пренебрегали; сыновья генерала Ли, понимая необходимость побороть

въ своихъ соотечественникахъ предразсудки относительно преподаванія, рѣшились сдѣлаться школьными учителями; это была самая важная услуга, которую можно было оказать странѣ, и нѣсколько молодыхъ людей, принадлежащихъ аристократическимъ семействамъ, послѣдовали этому примѣру. Но ихъ старанія относились только къ бѣлому населенію, и даже только къ избраннымъ изъ этого населенія. Негры должны были ожидать съ другой стороны помощи, въ которой они нуждались.

Но откуда-же могла придти эта помощь? Дѣятельному духу пропаганды сѣверянъ удалось собрать только 1500 учителей, и то ихъ званіе «*янки*» подвергало ихъ на югѣ общей ненависти: ихъ обвиняли въ скрытыхъ политическихъ замыслахъ, въ возбужденіи между освобожденными ненависти къ прежнимъ господамъ; поэтому они часто были безсильны. Кромѣ того, чтобы распространить образованіе между милліонами людей, жадно требующими его, надо было имѣть не 1500, но 15 или 20 тысячъ учителей. Какъ рѣшить эту задачу?

Комиссары воспитательнаго комитета посмотрѣли вокругъ себя; они увидали толпу негровъ, которые, превосходно воспользовавшись даннымъ имъ образованіемъ, уже обладали достаточною суммою свѣдѣній. Было рѣшено взять ихъ помощниками. Негры въ потѣ своего лица и своимъ кошелькомъ содѣйствовали уже устройству и содержанію школъ, теперь имъ пришлось оказать этому дѣлу еще болѣе сильное содѣйствіе. Между ними выбрали самыхъ способныхъ, расширили ихъ свѣдѣнія, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ они были въ состояніи передавать другимъ то, что они знали. «Между освобожденными, писалъ въ 1866 году г. Альвордъ, я

не встрѣтилъ ни одного, который отказался бы сдѣлаться учителемъ».

Эти учительскія семинаріи, какъ бы онѣ ни были элементарны въ началѣ, представляли огромныя выгоды; онѣ возвысили негритянскую расу въ глазахъ народа, служили разсадникомъ туземныхъ учителей, открывали наконецъ для молодежи почетную карьеру. Значеніе этого послѣдняго результата будетъ понятно, если принять во вниманіе, что, несмотря на новые законы, общественное мнѣніе исключало черныхъ изъ множества профессій. Въ первой половинѣ 1867 года число школъ увеличилось приблизительно на семьсотъ, число учителей увеличилось въ той же пропорціи и почти всѣ они принадлежали цвѣтному населенію. Въ то же время уровень образованія возвышался. На эту толпу учениковъ всѣхъ возрастовъ, которые недавно еще не умѣли читать, 45,000 учились арифметикѣ, 80,000 географіи и исторіи, 5000 достигли самыхъ высшихъ отраслей образованія; эта послѣдняя цифра увеличилась еще вчетверо въ слѣдующіе шесть мѣсяцевъ, и все предвѣщаетъ, что образованіе негровъ получитъ въ скоромъ времени такую же широкую организацію, какъ и образованіе бѣлыхъ Сѣвера.

Подобные факты могутъ обойтись безъ комментарій. Вотъ люди, которыхъ рабство унизило, которые упали такъ низко, что казались неспособными когда либо выйти изъ своего униженія. Имъ возвращена свобода, и вдругъ эти паріи цивилизаціи обнаруживаютъ качества, составляющія славу самыхъ передовыхъ народовъ. Иниціатива, энергія, пониманіе умственныхъ интересовъ, наложеніе на самихъ себя тяжелыхъ жертвъ ради общественнаго блага, вообще всѣ мужественныя

и сильныя качества свободнаго гражданина замѣчаются теперь въ освобожденныхъ.

Профессіональное преподаваніе служитъ предметомъ не меньшей заботливости, какъ и научное. 500 школъ назначены для образованія хорошихъ рабочихъ по различнымъ отраслямъ промышленности, свойственнымъ югу. Къ несчастью, здѣсь придется выдержать очень сильную борьбу. Бѣдные бѣлые возмущаются при мысли находиться въ однѣхъ мастерскихъ съ неграми. Чернымъ желали бы предоставить только обработываніе земель, и то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ работа слишкомъ тягостна или климатъ слишкомъ вреденъ для рабочихъ европейской расы. Если какой нибудь подрядчикъ допуститъ на свою верфь, или фабрикантъ найметъ на свою фабрику одного цвѣтнаго рабочаго, всѣ другіе тотчасъ-же оставляютъ работу и только тогда соглашаются снова принять ее, когда имъ обѣщаютъ выключить несчастнаго освобожденнаго, столкновеніе съ которымъ считается ими позоромъ. Хозяева принуждены поэтому выбирать между обѣими расами и если по какой бы то ни было причинѣ они выберутъ негровъ, то сколько сопротивленія, сколько ненависти они этимъ возбудятъ!

Одна религія можетъ заглушить эту прискорбную ненависть. Еще болѣе чѣмъ образованіе, она имѣетъ возможность дѣйствительно цивилизовать людей, внушая имъ любовь къ правосудію и долгу. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, надо было исправить много ошибокъ, излечить много недуговъ. Большинство негровъ жило въ полномъ невѣденіи божественныхъ истинъ; господа ихъ, повидимому, слишкомъ часто думали, что у нихъ нѣтъ души и что божественная кровь Христа не была пролита за нихъ. Нынѣ

дѣятельная пропаганда внушаетъ имъ христіанское чувство. «Жатва обильна, а дѣлателей мало»; однако то, что уже сдѣлано, позволяетъ имѣть полное довѣріе въ будущее. Число воскресныхъ школъ быстро увеличивается; 200,000 черныхъ всѣхъ возрастовъ получаютъ религіозное обученіе.

Но протестанство только наполовину удовлетворяетъ нравственной потребности этихъ людей, поставленныхъ въ столь трудное положеніе, плохо еще вооруженныхъ противъ всевозможныхъ опасностей, которыя ихъ окружаютъ; имъ надо болѣе сильное направленіе. Многіе безпристрастные люди признаютъ это и выказываютъ себя готовыми содѣйствовать распространенію вліянія католическихъ миссіонеровъ между неграми.

Католическая церковь не ожидала этого призыва, чтобы понять какое обширное поприще открываетъ для ея благотворительности освобожденіе рабовъ. Во время послѣдняго національнаго собора, бывшаго въ Балтиморѣ, присутствовавшіе епископы единогласно объявили, что необходимо увеличить число школъ для распространенія религіознаго образованія, особенно между неграми, нравственная бѣдность которыхъ требуетъ скорой помощи. Въ силу этого, прелаты предложили организовать систему образованія, подобную той, которую Ласалль ввелъ во Франціи въ прошломъ столѣтіи. Монахини и братья христіанскаго ученія (frères de la doctrine chrétienne), принадлежащіе большею частію цвѣтному населенію, руководятъ заведеніями, основанными католиками, и оказываются вполнѣ достойными ввѣреннаго имъ дѣла.

Въ этихъ школахъ не пытались соединить дѣтей негровъ съ дѣтьми бѣлыхъ: общественный предразсу-

докъ слишкомъ силенъ еще; затрогивая его, можно было подорвать успѣхъ предпріятія; надо было прежде упрочить образованіе.

Относительно школъ, открытыхъ для негровъ, американцы отклонились отъ принципа, которому придерживается Сѣверъ и который состоитъ почти въ совершенномъ отчужденіи религіи отъ преподаванія наукъ. Если большое число сектъ, существующихъ въ странѣ, и дѣлало необходимымъ это отдѣленіе церкви отъ школы, то на сѣверѣ по крайней мѣрѣ знали, что семья возьметъ на себя трудъ внушить дѣтямъ христіанскія понятія. У негровъ же ничего подобнаго не было: отецъ и мать сами должны были еще познакомиться съ первыми началами вѣры. Американцы поняли, что они должны сдѣлать воспитаніе религіознымъ, изъ опасенія образовать цѣлое поколѣніе матеріалистовъ. Соединенные Штаты смотрятъ на вѣру, какъ на необходимое условіе свободы; тамъ убѣждены, что невѣрующій народъ никогда не будетъ способенъ къ гражданскимъ добродѣтелямъ. Допустивъ негровъ войти въ составъ націи, надо было внушить имъ великія идеи, составляющія жизненную силу страны.

Поэтому христіанство и образованіе послужили опорою для возвышенія до человѣческаго достоинства этихъ милліоновъ освобожденныхъ рабовъ; ихъ познакомили съ понятіями о долгѣ и личной отвѣтственности, ихъ научили уважать самихъ себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ ничего не навязывали силой; все доброе предоставлялось ихъ свободному выбору, и эти бѣдные люди сбѣгались со всѣхъ сторонъ къ благотворному источнику, открытому для нихъ.

Удивительное самопожертвованіе и мудрость, которыя они выказали, доставятъ окончательное торжество

дѣлу нравственнаго и матеріальнаго освобожденія негровъ. Американскіе патріоты могутъ справедливо гордиться тѣмъ, что они съумѣли, въ столь короткое время, до такой степени возвысить рабскій народъ; что они заставили его настолько оцѣнить значеніе религіи и образованія, что онъ, не колеблясь, отдаетъ свою послѣднюю копѣйку для постройки церкви и школы.

Надъ такимъ примѣромъ полезно задуматься. Много ли найдется во Франціи крестьянъ, способныхъ на такія жертвы? Отчего это равнодушіе, эта апатія у одной изъ самыхъ развитыхъ націй Европы? Причина этого проста. Въ Америкѣ каждаго учатъ помогать самому себѣ; во Франціи же напротивъ думаютъ, что государство должно все дѣлать; я бы сказалъ, что на него смотрятъ, какъ на второе Провидѣніе, если бы Провидѣніе не налагало на насъ обязанности нашими усиліями содѣйствовать его намѣреніямъ. Множество людей воображаютъ, что задача власти состоитъ въ освобожденіи ихъ отъ дѣйствія и что всѣ блага придутъ къ нимъ во снѣ.

Духъ Сѣвера оживляетъ черное населеніе Юга, передаетъ ему свою энергію, приготовляетъ его къ его новой будущности. Но столь внезапная революція, какъ та, которая произошла въ рабовладѣльческихъ штатахъ, не можетъ совершаться безъ страданій. Раззореніе большихъ земледѣльческихъ помѣстій поражаетъ не только плантаторовъ, но и лишаетъ работы, т. е. хлѣба, значительное число негритянскихъ семействъ. Освобожденные, выпущенные бѣдными и слабыми на свободу, не имѣютъ никакихъ средствъ для выжиданія лучшаго времени; непримиримая ненависть бѣлыхъ Юга окружаетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и закрываетъ имъ всякій выходъ. Нельзя безъ содроганія думать о той нищетѣ,

которой они бы подверглись, о тѣхъ проступкахъ, которые голодъ заставилъ бы ихъ совершить, если бы комитетъ не пришелъ имъ на помощь. Агенты Сѣвера получили отъ Конгресса въ одинъ годъ девять милліоновъ долларовъ, назначенныхъ для облегченія наиболѣе тяжелыхъ страданій.

Частная благотворительность также не оставалась въ бездѣйствіи и щедро раздавала пособія. Но особенное стараніе употребляли на пріисканіе работы для незанятыхъ рукъ. За неимѣніемъ работы на плантаціяхъ, была даваема работа по перестройкѣ разрушенныхъ городовъ: Ричмондъ, Норфолькъ, Вильмингтонъ были загромождены развалинами; церкви, магазины, общественныя зданія сдѣлались жертвою пламени; союзная армія впродолженіе трехъ лѣтъ стояла подъ стѣнами Чарлстона, флотъ блокировалъ его гавань и впродолженіе четырнадцати мѣсяцевъ бомбы не переставали сыпаться на него день и ночь.

Благодаря присылаемымъ пособіямъ, благодаря множеству работъ, которыя надо было исполнить, удалось преодолѣть первыя затрудненія. Въ это время нѣкоторыя плантаціи поправились; нѣкоторые капиталисты Новой Англіи купили помѣстья и наняли для ихъ обработки освобожденныхъ. Въ силу предусмотрительнаго и мудраго рѣшенія, многіе владѣльцы не платили своимъ рабочимъ деньгами, дабы не подвергать ихъ соблазну истрачивать изо дня въ день всю сумму жалованья, ничего не оставляя на издержки, на квартиру и непредвидѣнные расходы. Имъ выдавались марки, которыя на мѣстѣ мѣнялись на необходимые имъ предметы, затѣмъ въ концѣ мѣсяца мѣняли остававшіяся у нихъ марки на звонкую монету. Подобныя же попытки были сдѣланы въ Флоридѣ; мистрисъ Би-

черъ Стоу, авторъ *Хижины Дяди Тома*, сдѣлала вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ братьевъ попытку осуществить въ этомъ штатѣ свои планы, касательно нравственнаго возрожденія негра; она устроила плантацію сахарнаго тростника, которая обработывается свободнымъ трудомъ и обѣщаетъ быть весьма выгодной.

Ничѣмъ слѣдовательно не пренебрегали, чтобы дать неграмъ возможность благополучно пережить тотъ кризисъ, отъ котораго зависитъ ихъ будущность. Если подумаешь о громадности задачи, объ этихъ милліонахъ людей, погруженныхъ, какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, въ самую глубокую нищету, то нельзя удивляться, что, несмотря на благотворное дѣйствіе Сѣвера, есть еще достаточно мѣста для зла и безпорядка. Коноводы воспользовались страданіями негровъ и ихъ невѣжествомъ, чтобы проповѣдывать имъ вредныя доктрины. Указывая на эти невспаханныя земли, которыя при обработкѣ могли бы прокормить цѣлую націю, они говорятъ негру, что онъ долженъ требовать своей части американской земли; что онъ будетъ дѣйствительно свободенъ только тогда, когда получитъ поле, на которомъ онъ недавно еще работалъ какъ рабъ.

— Если вы не хотите намъ дать земли, говорятъ освобожденные коммиссарамъ Союза, то будьте увѣрены, что *масса* (господа) заставятъ умереть бѣдныхъ негровъ съ голоду.

Плантаторы, встревоженные такимъ настроеніемъ, кричатъ, что племенная война неизбѣжна и что Югъ сдѣлается второй Ямайкой. Подобное опасеніе не имѣетъ никакого серьезнаго основанія. Значительное большинство черныхъ ожидаетъ только отъ образованія и отъ труда оружія, которое поможетъ имъ бо-

роться съ бѣлыми; что же касается тѣхъ, которыхъ дурные совѣты вводятъ въ заблужденіе, то ихъ удерживаетъ сознаніе своей слабости, ибо имъ не безъизвѣстно, что въ войнѣ подобнаго рода Сѣверъ и Югъ соединятся, чтобы ихъ уничтожить.

Нѣкоторые предубѣжденные умы, продолжая вѣрить въ возможность возмущенія, предлагали заставить, прямо или косвенно, освобожденныхъ негровъ искать убѣжища въ Новой Англіи и замѣнить ихъ переселенцами изъ Европы, которыхъ можно привлечь посредствомъ премій и другихъ льготъ. По ихъ мнѣнію, это было единственное возможное средство для преобразованія Юга, ибо негры всегда будутъ только дурными и непокорными рабочими, съ которыми невозможно преобразовать плантаціи. Даже если недовѣріе ихъ къ ихъ прежнимъ господамъ не помѣшало бы имъ согласиться на самыя справедливыя предложенія, то все таки они не рѣшатся работать; одна только плеть надсмотрщика могла въ прежнее время стряхнуть съ нихъ ихъ природную лѣнь.

Видъ этихъ милліоновъ негровъ, которые безъ всякаго принужденія бросаются въ школы, не боясь ни матеріальныхъ затрудненій, ни сухости первыхъ занятій, могъ бы служить достаточнымъ опроверженіемъ этого возраженія. Но предположимъ даже, что оно основательно. А развѣ думаютъ, что бѣлые вообще работаютъ единственно потому, что находятъ въ этомъ удовольствіе? Есть принужденія различнаго рода. Религіозный или просвѣщенный человѣкъ работаетъ, чтобы повиноваться закону долга; но какое побужденіе руководитъ массой народа? Необходимость заработать свой насущный хлѣбъ. Развѣ негръ не съумѣетъ, какъ и рабочій Европы, заставить себя дѣйствовать, когда

ему остается на выборъ: «сдѣлаться полезнымъ или умереть съ голоду»?

После своего освобожденія, негръ не только не отказался отъ труда, который долженъ прокормить его семью, но напротивъ показалъ, что личная воля болѣе могучій двигатель, чѣмъ страхъ передъ ударами; плантація, обработка которой требовала рукъ ста рабовъ, нуждается нынѣ только въ сорока освобожденныхъ; правда, въ первую цифру входили женщины и старики, но все таки преимущество остается безспорно за свободнымъ трудомъ.

Впрочемъ, свойства почвы и климата Юга не позволили бы ему изгнать негритянское населеніе. Эта раса, пришедшая изъ тропическаго пояса, болѣе способна, чѣмъ наша, къ обработкѣ рисовыхъ, кофейныхъ и сахарныхъ плантацій. Понятно, что интересъ южныхъ штатовъ требуетъ поэтому, напротивъ, чтобы работа негровъ поощрялась. Уже многимъ освобожденнымъ удалось сдѣлаться фермерами, работающими для самихъ себя; къ несчастію, плантаторы неохотно соглашаются на такую комбинацію, которая была бы однако выгодной для обѣихъ сторонъ, такъ какъ она облегчила бы трудъ и сдѣлала бы доходными земли, нынѣ неплодотворныя. Владѣльцы боятся никогда не получить платы за наемъ и полагаютъ даже, что имъ впослѣдствіи будетъ весьма трудно вступить снова во владѣніе землями, которыя они отдали бы въ аренду. Однако нѣкоторые изъ нихъ, плантаціи которыхъ были совершенно раззорены, рискнули, за неимѣніемъ лучшаго, взять черныхъ фермеровъ, и опытъ не заставилъ ихъ раскаяться въ этой попыткѣ. Одинъ примѣръ между многими другими покажетъ, что могло бы сдѣлать распространеніе этой системы.

Одинъ невольникъ, Генри Пирманъ, имѣлъ счастіе быть купленнымъ Виргинскимъ семействомъ, благородныя чувства котораго смягчали суровость законовъ. Несмотря на надзоръ полиціи и на предписанія, его маленькая госпожа выучила его читать; она была дочь губернатора Ричмонда и не только не боялась судьи, но напротивъ, на всѣ его угрозы маленькая шалунья отвѣчала веселымъ смѣхомъ. Лишь только Генри умѣлъ складывать нѣсколько словъ, онъ началъ ревностно изучать библію, и божественное слово, входя въ эту чистую душу, положило въ ней сѣмена сильныхъ добродѣтелей. Скоро послѣ того союзники овладѣли Виргиніей. Пирманъ увидѣлъ осуществленіе мечты, заставлявшей биться его сердце, съ тѣхъ поръ, какъ священныя слова открыли ему нравственное величіе и права каждаго человѣческаго существа. Онъ былъ свободенъ; ему дозволено основать самому свою судьбу и будущность жены и дѣтей. Одинъ плантаторъ, имѣвшій среди лѣсовъ помѣстье, опустошенное войной, согласился отдать ему въ наемъ эту плохую землю. У нашего негра не было ни денегъ, ни плуга, ни лошади, никакого запаса. Поэтому первый годъ былъ тяжелый; но онъ не приходилъ въ отчаяніе. Вставая рано и ложась поздно, заглушая часто требованія голода, ему удалось собрать нѣсколько луковицъ, немного луку, нѣсколько помадоръ и немного хлѣба. Онъ продалъ это, оставивъ для себя и для своихъ только необходимое, и купилъ самыя нужныя орудія. На слѣдующій годъ онъ уже обработывалъ 140 акровъ; ему надо было тогда взять себѣ въ помощники двухъ другихъ негровъ, которые поселились въ баракахъ, покинутыхъ солдатами. Нынѣ четверти дохода, даваемаго разумной обработкой земли, достаточно для пла-

тежа аренды; остальная прибыль раздѣляется на равныя части между Пирманомъ и его товарищами.

Широкая карьера открывается для подобныхъ людей. Время не далеко, когда цвѣтное населеніе тоже будетъ обладать богатствами, разработывать рудники, учреждать банки. Уже въ настоящее время оно имѣетъ свои школы, корпораціи и фермы; одна плантація въ Миссисипи близъ Виксбурга, принадлежащая Іосифу Девису, брату мятежнаго президента, отдана въ наемъ прежнему рабу, по имени Монтгомери, который обработываетъ ее по кооперативной системѣ.

Этотъ человѣкъ, обдумывая новое положеніе негровъ послѣ ихъ освобожденія, понялъ, что одна только ассоціація можетъ доставить имъ средства соперничать съ бѣлыми. Въ большинствѣ округовъ земледѣльческая обработка стоитъ весьма дорого и ее нельзя начинать въ маленькомъ размѣрѣ; какимъ же образомъ черные, заработокъ которыхъ столь ничтоженъ, могутъ когда либо перестать быть только рабочими, подчиненными вліянію европейскихъ хозяевъ? Какимъ образомъ раса выйдетъ изъ этого подчиненнаго положенія? Она достигнетъ этого, соединяя свой трудъ и свои силы. Монтгомери воодушевилъ своимъ рѣшеніемъ сотню негровъ. Получивъ въ аренду землю, о которой мы говорили, онъ устроилъ тамъ свою колонію. Совѣтъ, выбранный всѣми членами общества, управляетъ плантаціею; для больныхъ и стариковъ устроены сберегательныя кассы и, для расширенія предпріятія, стараются составить оборотный капиталъ.

Но не всѣ негры имѣютъ ту нравственную силу, которой требуютъ подобныя усилія; многими изъ нихъ необходимо руководить. Сѣверяне не забываютъ этого, и подъ ихъ покровительствомъ устроиваются земле-

дѣльческія предпріятія, открытыя, какъ учрежденіе г-жи Бичеръ Стоу, исключительно для труда прежнихъ рабовъ. Религіозное рвеніе также не остается позади. Несмотря на скудость своихъ средствъ, католическое духовенство рѣшило учредить на островахъ, лежащихъ вдоль береговъ Каролины, плантаціи, гдѣ негры, подъ надзоромъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, пріучаются къ правиламъ свободы.

Жизнь снова начинается въ городахъ и деревняхъ. Разрушенные города обстраиваются; земледѣліе начинаетъ выходить изъ своего бездѣйствія. Уничтоженіе рабства, которое, какъ говорили, причинитъ гибель странѣ, обѣщаетъ, напротивъ, быть ей полезнымъ, возвышая нравственный уровень ея народонаселенія и подстрекая духъ иниціативы. Но для черныхъ открывается опасная конкурренція. Хотя и отказались отъ проекта изгнать ихъ изъ страны, однако не пренебрегаютъ ничѣмъ для привлеченія эмиграціи. Въ былое время ни одинъ европеецъ не думалъ искать счастія на Югѣ. Что бы сталъ дѣлать нѣмецкій или ирландскій колонистъ, единственное богатство котораго были его руки, въ странѣ, гдѣ трудъ презирается всѣми: и плантаторомъ, который сваливаетъ его съ себя на своихъ рабовъ, и бѣдными бѣлыми, которые предпочитаютъ ему нищету, и даже неграми, которые считаютъ его проклятіемъ?

Вліяніе идей янки измѣнило это положеніе вещей; отнынѣ эмиграція не встрѣтитъ себѣ болѣе преграды въ соціальной организаціи южныхъ штатовъ. Такъ, въ Техасѣ англичане и нѣмцы обработываютъ нынѣ хлопокъ, въ Георгіи и въ Сѣверной Каролинѣ, гористые округа которыхъ благопріятны для бѣлыхъ, у негра жадно оспаривается его трудъ; его положеніе

не болѣе благопріятно въ Виргиніи и Тенесси. Вездѣ, гдѣ появляются эмигранты, они легко берутъ верхъ надъ освобожденными, которыхъ все еще преслѣдуетъ общественный предразсудокъ.

Но пусть друзья черной расы будутъ покойны; лишь только капиталы и духъ предпріятія примутся за дѣло, чтобы эксплуатировать богатства этихъ областей, тогда нечего будетъ бояться недостатка труда для рабочихъ. Тогда будутъ принуждены призвать на помощь всѣ руки, не обращая вниманія на цвѣтъ кожи.

Впрочемъ, предполагая даже, что негры будутъ вынуждены покинуть нѣкоторые штаты, то есть другіе, которые природа позаботилась сохранить исключительно для нихъ: Южная Каролина, Флорида, Миссисипи, Луизіана не могутъ процвѣтать безъ нихъ; черные знаютъ это и спѣшатъ сосредоточиваться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ нечего бояться конкурренціи. Во многихъ прибрежныхъ мѣстностяхъ они составляютъ большинство, назначаютъ городскія власти и имѣютъ политическое вліяніе. Правда, дѣлаютъ попытку противопоставить имъ трудъ китайцевъ, и корабли высадили на берегъ Луизіаны сотни *coolis*; однако число этихъ новыхъ рабочихъ не настолько велико, чтобы измѣнить экономическія условія штатовъ Юга. Препятствіе, которое скорѣе могло бы помѣшать успѣху негровъ, заключается въ прискорбномъ предубѣжденіи американскаго населенія; но ихъ поведеніе съ тѣхъ поръ, какъ они имѣютъ званіе гражданъ, приводитъ мало по малу американцевъ къ болѣе справедливымъ чувствамъ и время уничтожитъ наконецъ племенные предразсудки.

ГЛАВА VI.

Преобразованіе Юга.

Роль, которую южные штаты всегда играли въ дѣлахъ Америки, вліяніе, которое они имѣли на общее благосостояніе страны, дѣлало ихъ возстановленіе, ихъ *reconstruction*, какъ говорятъ на томъ берегу Океана, весьма важнымъ вопросомъ. Весьма существенные коммерческіе интересы зависятъ отъ разрѣшенія этой задачи, а политическія и соціальныя послѣдствія, которыя должны произойти отъ ея рѣшенія, безъ сомнѣнія отразятся на всей націи.

Продукты, снабжающіе фабрики Сѣвера и поддерживающіе сношенія съ заграницей, собираются на югѣ; Западъ разсчитываетъ на рынки Луизіаны, Флориды и Каролины для сбыта своихъ хлѣбовъ, взамѣнъ которыхъ онъ получаетъ сахаръ и хлѣбъ. Наконецъ, будущность Союза значительно зависитъ отъ того способа, какимъ онъ переорганизуетъ мятежные штаты: если онъ дастъ имъ возможность развить ихъ богатство, собраться съ силами и энергіей, то они будутъ способствовать къ укрѣпленію кредита, поколебленнаго войной и огромнымъ увеличеніемъ долга; если же, напротивъ, онъ оставитъ ихъ внѣ національной жизни, то они будутъ для него дорого стоющей побѣдой, поглотятъ его сред-

ства и сдѣлаются причиной безпрерывныхъ безпокойствъ и стѣсненій.

Но можетъ-ли Югъ, еще недавно по своему духу и своимъ стремленіямъ стоявшій отдѣльно, искренно слиться съ остальною частью Союза? Какія средства слѣдуетъ примѣнить къ дѣлу, чтобы достигнуть столь желательнаго результата? Вотъ мысли, которыя болѣе всего должны тревожить новое правительство; вотъ дѣло, представляющееся во всей своей трудности генералу Гранту. Государство не хотѣло быть изувѣченнымъ заговоромъ сепаратистовъ, оно не потерпитъ также, чтобы провинціи, съ такимъ трудомъ сохраненныя, были мертвымъ членомъ, безполезнымъ и даже опаснымъ для живаго организма.

Нынѣ, когда побѣда союзниковъ утвердила единство націи, судьба Юга болѣе, чѣмъ когда либо, интересуетъ всю Америку. «Отнынѣ, пишетъ одинъ виргинскій публицистъ, мы болѣе не простое скопленіе отдѣльныхъ партій, чуждыхъ другъ другу; мы составляемъ одно нераздѣльное цѣлое; для блага, какъ и для зла, для благосостоянія, какъ и для погибели, насъ связываетъ одна судьба; мы составляемъ одинъ народъ».

Въ Соединенныхъ Штатахъ партіи не пытаются переживать свое пораженіе; онѣ перестаютъ существовать, лишь только видятъ, что осуществленіе ихъ программы сдѣлалось невозможнымъ. Въ настоящее время на всемъ протяженіи мятежныхъ округовъ не услышишь ни одного голоса, говорящаго въ пользу сепаратизма. «Наша главная ошибка, говорилъ одинъ офицеръ, который храбро сражался подъ начальствомъ генерала Ли, наша ошибка въ томъ, что мы покинули американское знамя; мы должны были сохранить старое національное знамя и встать подъ защиту консти-

туціи, тогда мы привлекли бы Западъ на нашу сторону».

Сомнительно, чтобы Югу даже тогда удалось заставить восторжествовать его соціальную систему и сохранить свое политическое вліяніе: потокъ идей былъ противъ него и долженъ былъ сдѣлать тщетными его усилія. Какъ бы тамъ ни было, но въ настоящее время каждый убѣжденъ въ необходимости Союза, это всеобщій лозунгъ; нѣтъ оратора, который не имѣлъ-бы его на языкѣ, нѣтъ кандидата, котораго онъ не былъ бы девизомъ. Южные штаты, истощенные, лишенные кредита, подверженные самой глубокой дезорганизаціи, самому глубокому разстройству, понимаютъ, что ихъ единственное спасеніе — слиться съ великимъ отечествомъ; имъ предстоитъ все пріобрѣсти, а терять имъ нечего; одно центральное правительство можетъ оказать имъ то покровительство, въ которомъ они нуждаются.

Но недостаточно того, что южане требуютъ забвенія прошлаго; какъ должно осуществиться примиреніе, какія мѣры должны быть приняты, чтобы защитить страну отъ новыхъ раздоровъ? Два плана были представлены, оба они горячо защищались и впродолженіе четырехъ лѣтъ они раздѣляли страну. Первый, поддерживаемый президентомъ Джонсономъ и демократами, состоялъ въ возстановленіи всего на тѣхъ же основаніяхъ, какъ было до войны, исключая рабства; онъ удовлетворилъ бы желаніямъ Юга, сохраняя за нимъ его политическія права и его особенную организацію, но онъ оставилъ бы въ силѣ нравственный антагонизмъ, который существовалъ между его учрежденіями и учрежденіями Сѣвера; онъ бы не скрѣпилъ прочно союзъ. Второй планъ, осуществленіе котораго было болѣе труд-

но, представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ и большія гарантіи. Надо было ввести новый духъ въ мятежные штаты, измѣнить ихъ характеръ, привести ихъ въ гармонію съ остальной націей, такъ, чтобы они не имѣли уже ни малѣйшаго повода отдѣлиться отъ нея. Это было единственнымъ средствомъ для утвержденія настоящаго единства страны, и патріотизмъ Конгресса не ошибся въ этомъ. Задача, которую онъ хотѣлъ предпринять, была усѣяна препятствіями, но сила убѣжденій поддерживала его; его парламентскій походъ противъ президента былъ рядомъ побѣдъ.

Отъ этихъ преній зависѣли не менѣе интересы цивилизаціи и гуманности, какъ и интересы американскаго Союза. Что обезпечивало успѣхъ Сѣвера, это то, что его политику вдохновляли возвышенныя идеи, составляющія величіе современныхъ обществъ; что его дѣло сливалось съ дѣломъ свободы, справедливости и филантропіи. Чѣмъ болѣе онъ подвигался впередъ, тѣмъ болѣе дѣлалось очевиднымъ для всѣхъ, что онъ идетъ по вѣрной дорогѣ; отсюда его увѣренность и единство его плановъ; отсюда также смятеніе, которое заставило его противниковъ сдѣлать столько ошибокъ. Нынѣ дѣло политической реорганизаціи почти окончено.

Равенство подачи голосовъ допущено, по крайней мѣрѣ, для бѣлыхъ; на всемъ протяженіи Соединенныхъ Штатовъ негры пользуются гражданскими правами; они участвуютъ даже въ выборѣ членовъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній и мѣстныхъ властей; наконецъ, Конгрессъ, чтобы закончить реформу, допустилъ поправки (amendements), которыя значительно измѣнили конституцію и привели ее къ соглашенію съ *Декларацiей* независимости, основавшей Америку. «*Всѣ люди равны*, говоритъ эта знаменитая прокламація, они по-

лучили отъ Творца нераздѣльныя права, жизнь, свободу и стремленіе къ счастію.» Видя эти принципы во главѣ союзнаго договора, странно встрѣтить, нѣсколько страницъ дальше, утвержденіе рабства, признаніе несправедливыхъ привиллегій плантаторовъ. Эти аномаліи скоро исчезнутъ. Конгрессъ, пользуясь своимъ правомъ измѣнять конституцію, если двѣ трети его членовъ найдутъ это необходимымъ, издалъ слѣдующій законъ:

«Право подачи голоса и право занимать общественныя должности въ какомъ бы то ни было штатѣ принадлежатъ всѣмъ гражданамъ Союза, безъ различія расы, цвѣта, рожденія, собственности, воспитанія или вѣроисповѣданія.»

Едва нѣсколько голосовъ возражали противъ этой справедливой и возстановляющей мѣры; всякая попытка къ сопротивленію разбивалась передъ согласіемъ обѣихъ палатъ. Но чтобы новый уставъ могъ войти въ силу, онъ долженъ былъ утвердиться частными законодательными собраніями трехъ четвертей различныхъ штатовъ, составляющихъ Союзъ; такъ какъ ихъ въ настоящее время тридцать семь, то надо, чтобы двадцать восемь изъ нихъ приняли исправленіе конституціи. Канзасъ, Луизіана, Миссури, Западная Виргинія первые дали свое согласіе; безъ сомнѣнія, штаты Новой Англіи подадутъ благопріятный голосъ. Большинство законодательныхъ собраній Запада тоже отличаются республиканскимъ духомъ. Что же касается законодательныхъ собраній Юга, то они, отчасти выбранныя неграми и находясь подъ вліяніемъ Комитета освобожденныхъ, вѣроятно подадутъ голосъ за законъ.

Одинъ крайній Западъ, кажется, намѣренъ оказать нѣкоторое сопротивленіе. Не заключая въ себѣ ни чер-

ныхъ, ни рабовъ, онъ однако зараженъ непреодолимыми племенными предразсудками. Его завистливая гордость поражаетъ суровымъ остракизмомъ тысячи эмигрантовъ, которыхъ Небесная имперія ежегодно посылаетъ ему. Исключая права располагать своей особой и своимъ трудомъ, китаецъ встрѣчаетъ не лучшее обращеніе въ Калифорніи, чѣмъ негръ на югѣ. Онъ не имѣетъ никакихъ гражданскихъ и политическихъ правъ, не можетъ исполнять никакой должности, его свидѣтельство не принимается на судѣ, жалобы бѣлаго достаточно чтобы его осудить, а самъ онъ не можетъ получить удовлетворенія за самыя явныя насилія.

На основаніи поправки, предложенной Конгрессомъ, этотъ парій вдругъ возвысится до званія гражданина; онъ приметъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ и, быть можетъ, въ недалекомъ будущемъ постоянная эмиграція его соотечественниковъ дастъ ему перевѣсъ. Жители крайняго Запада опасаются послѣдствій, какія можетъ имѣть для страны наплывъ понятій и нравовъ азіатскаго народа. Они боятся, что китайцы, рабы преданія, гордые своимъ прошедшимъ, уклонятся отъ вліянія американскихъ учрежденій; наконецъ, они упрекаютъ ихъ въ религіозномъ равнодушіи, этой язвѣ дряхлыхъ націй, неспособныхъ къ благороднымъ порывамъ и къ мужественному самопожертвованію молодости. Духъ партій преувеличиваетъ, можетъ быть, эту опасность. Мы полагаемъ, что китайцы не настолько умерли для прогресса, чтобы они не могли ожить при столкновеніи съ молодой и сильной цивилизаціей. Во всякомъ случаѣ, слѣдовало бы попробовать. Чѣмъ могутъ рисковать Соединенные Штаты при этой попыткѣ? Если эмигранты, пришедшіе изъ Срединной имперіи, способны проникнуться американскимъ духомъ, то

они увеличатъ силу страны; если, напротивъ, они замкнутся въ неподвижности своихъ преданій, то они осудятъ самихъ себя на безсиліе, и бѣлымъ нечего ихъ бояться. Вѣроятно, такія то соображенія и заставили одинъ изъ штатовъ крайняго Запада, штатъ Неваду, подать голосъ за новый законъ. Эта неожиданная побѣда показываетъ, какъ распространяется между американцами чувство справедливости и братства; она заставляетъ предполагать, что притѣснительныя распоряженія стараго законодательства скоро исчезнутъ.

Цвѣтное населеніе, столь многочисленное въ Соединенныхъ Штатахъ, получитъ слѣдовательно тѣ же права, какъ и бѣлые. На югѣ негры образуются для свободы, они учатся, работаютъ и имѣютъ дѣйствительное вліяніе на мѣстныя дѣла штатовъ, въ ожиданіи, что конституція дозволитъ имъ принять участіе въ выборѣ президента и членовъ Конгресса.

Свободный духъ Сѣвера мало по малу проникаетъ въ соціальный строй; согласіе идей заканчиваетъ и обезпечиваетъ единство страны. Но чтобы нынѣшнее перерожденіе рабовладѣльческихъ территорій могло дать впослѣдствіи всѣ свои плоды, необходимо руководить имъ въ его развитіи; поэтому Конгрессъ не безъ причины разсудилъ, что было бы еще опасно оставлять негровъ подъ однимъ только управленіемъ южанъ; онъ сохранилъ учрежденіе Комитета освобожденныхъ, чтобы охранять интересы свободнаго труда и образованія до тѣхъ поръ, пока цвѣтное населеніе само не будетъ въ состояніи защищать себя. Когда оно приметъ участіе въ подачѣ голосовъ, оно будетъ имѣть въ рукахъ самое сильное орудіе защиты; покровительство и опека Сѣвера тогда болѣе не будутъ ему нужны.

Назначеніе президентомъ генерала Гранта дало но-

вую гарантію реформамъ, совершеннымъ Конгрессомъ. Съ самаго Вашингтона ни одинъ избранникъ націи не внушалъ такого общаго довѣрія, не соединялъ всѣ партіи въ такомъ общемъ уваженіи. Его военная слава возбуждала энтузіазмъ; побѣдитель Ли могъ разсчитывать на горячую симпатію уніонистовъ; даже Югъ уважалъ въ немъ качества искуснаго полководца и отдавалъ справедливость умѣренности, которую онъ выказалъ во время своего торжества. Когда онъ вложилъ шпагу свою въ ножны, общественное уваженіе, которымъ онъ пользовался, еще болѣе увеличилось. Среди самыхъ опьяняющихъ демонстрацій онъ съумѣлъ сохранить скромность, весьма рѣдко встрѣчаемую у баловней общественнаго мнѣнія. Всѣ цѣнятъ также тактъ и сдержанность, выказанныя имъ во многихъ трудныхъ обстоятельствахъ, его справедливость, твердость и настойчивость. Безпристрастіе-же Гранта сохранило и увеличило его вліяніе на умы; ибо нація, такъ сильно дорожащая своей свободой, не замедлила-бы отшатнуться отъ того, кто угрожалъ бы поколебать ее. Здравый смыслъ общества предпочитаетъ блестящимъ качествамъ—качества основательныя, служащія лучшимъ задаткомъ для благосостоянія государства.

Во время президентскихъ выборовъ, враги Гранта старались подорвать его положеніе, упрекая его въ медленности соображенія, въ отсутствіи краснорѣчія.

— Тѣмъ лучше, отвѣчали его защитники, намъ не надо блестящаго генія; намъ достаточно честнаго и мужественнаго человѣка, который добросовѣстно наблюдалъ бы за примѣненіемъ законовъ.

Преемнику президента Джонсона приходилось опасаться получить власть ослабленную вмѣшательствами Конгресса, вмѣшательствами, правда необходимыми, но

вмѣстѣ съ тѣмъ нарушавшими равновѣсіе силъ. Кромѣ того, генералъ Грантъ имѣлъ между своими самыми горячими приверженцами крайнихъ республиканцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *радикаловъ*, и подвергался вслѣдствіе этого опасности попасть подъ вліяніе духа партіи. Имѣя передъ этимъ президента, слишкомъ преданнаго дѣлу Юга и автономіи штатовъ, Америка, вслѣдствіе неосторожной реакціи, могла броситься въ противоположную сторону—къ крайней централизаціи. Извѣстно, что часть большинства сѣверянъ, сдѣлавшись апостолами заблужденій Руссо, желаетъ подчинить всѣ личныя права, какъ права штатовъ, такъ и права гражданъ, въ пользу великаго единства, въ пользу громадной власти, безъ противовѣса,—національнаго самодержавія, которое въ въ этомъ смыслѣ дѣлается худшимъ изъ всѣхъ деспотизмовъ.

Американскій Союзъ избѣгнулъ двойной опасности, угрожавшей ему. Передъ именемъ Гранта, передъ заслуженнымъ уваженіемъ, которымъ онъ пользовался, Конгрессъ ни на минуту не колебался возвратить президенту всѣ его преимущества. Глава исполнительной власти выбираетъ, какъ и прежде, министровъ и должностныхъ лицъ; актъ, въ силу котораго онъ лишался этого важнаго права, былъ уничтоженъ. Ничто впредь не препятствуетъ президенту пользоваться законнымъ авторитетомъ, который онъ долженъ имѣть въ странѣ.

Что же касается до связей, которыя, какъ говорили, привязывали Гранта къ радикальной партіи, то въ настоящее время знаютъ что объ этомъ думать. Образъ его дѣйствій послѣ его назначенія не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ его мудрыхъ и примирительныхъ намѣреній. Большая часть тѣхъ, которыхъ онъ призвалъ къ себѣ—все новые люди, свободные, не

имѣющіе компрометирующаго прошедшаго и могущіе открыто посвятить себя исполненію плановъ главы государства. Нѣкоторые разочарованные честолюбцы съ горечью упрекаютъ новаго президента въ томъ, что онъ покинулъ своихъ политическихъ друзей; они забываютъ, что Грантъ не принадлежитъ теперь болѣе никакой партіи, что онъ сдѣлался представителемъ націи и что его должны занимать только интересы страны. Пользуясь безпорядкомъ, слѣдовавшимъ за войной, множество злоупотребленій проникло въ финансовое управленіе Америки. Недобросовѣстные люди заняли должности и пользовались своею властью, чтобы въ нѣсколько мѣсяцевъ нажить огромное состояніе; огромный долгъ, сдѣланный во время гражданскихъ безпорядковъ, угрожалъ остаться на всегда, не смотря на предостереженіе мудрыхъ людей, указывавшихъ на опасность такого положенія. Американцы не такъ легко какъ французы засыпаютъ на мѣшкахъ своего займа; они, видятъ въ немъ не только причину гибели, но еще опасность для свободы. «Постоянные долги, говорятъ они, благопріятствуютъ монополіямъ и порождаютъ денежную аристократію; они были бы гибельны для нашихъ учрежденій».

Оттого многіе американцы, одинаково боясь поддерживать эту опасную тягость или обременять себя чрезвычайными налогами, предлагали крайнюю мѣру —банкротство (ибо нельзя дать другаго названія мѣрѣ, состоявшей въ томъ, что кредиторамъ уплачивалась бы только часть долга, и то еще кредитными билетами). Эта мысль, принятіе которой было бы пятномъ для націи, получила начало на Югѣ. Обѣднѣвшіе плантаторы не могли безъ гнѣва думать, что имъ приходится нести издержки борьбы, за которой послѣ-

довало ихъ паденіе; они употребили всѣ усилія для распространенія системы, отвергающей долгъ. Это была большая ошибка. Лишенные денегъ, они нуждались въ кредитѣ и сами же уничтожали его источникъ. Кто бы захотѣлъ дать взаймы должникамъ, выказывающимъ такое пренебреженіе къ своимъ обязательствамъ?

Первою заботою генерала Гранта было возстановить честь общественной нравственности, оскорбляемой такими теоріями, успокоить общественное мнѣніе и указать тотъ путь, по которому онъ предполагалъ идти. Никогда слово не было сказано такъ ясно и такъ твердо.

«Мы думаемъ, что не слѣдуетъ отвергать ни одной сотни общественнаго долга. Чтобы сохранить національную честь, каждый долларъ, занятый правительствомъ, долженъ быть выплаченъ золотомъ, исключая развѣ того случая, если при заключеніи займа сдѣлано было иное условіе».

Принципъ поставленъ ясно; авторитетъ этихъ словъ заставитъ замолчать всякій протестъ. Уже Конгрессъ издалъ билль, который обезпечиваетъ полную уплату звонкою монетою. Но какія мѣры надо принять, чтобы быстро уплатить долгъ, достигающій двухъ милліардовъ семисотъ милліоновъ долларовъ? Президентъ не видитъ другого средства, какъ мудрое управленіе финансами государства; страна, какъ Америка, содержитъ громадныя средства, стоитъ только разумно развивать ихъ и не растрачивать: «Вѣрное понятіе о доходахъ государства, точные финансовые отчеты, самая строгая экономія»—вотъ средства, предложенныя для излеченія раны, нанесенной долгомъ; они просты и не требуютъ глубокихъ комбинацій, и однако примѣненіе ихъ (мы это знаемъ по грустному опыту) не-

легко, ибо оно предполагаетъ то, что, можетъ быть, гораздо рѣже встрѣчается, чѣмъ блестящія качества ума, — оно предполагаетъ здравый смыслъ, энергическую волю, осторожный и вѣрный взглядъ. Этими качествами генералъ Грантъ обладаетъ въ значительной степени. Сверхъ того, его поддерживаетъ въ предпринятой имъ реформѣ сочувствіе націи. Работая надъ возстановленіемъ экономіи, надъ возвышеніемъ государственнаго кредита, онъ осуществляетъ желаніе Америки, поручившей ему спасти ее отъ гибели и деморализаціи.

Эта политика не могла не имѣть счастливаго вліянія на благосостояніе страны; довѣріе возобновляется, торговля оживляется. Югъ первый чувствуетъ дѣйствіе перемѣны, происходящей въ общемъ состояніи Соединенныхъ Штатовъ. Капиталы Сѣвера дали уже ему новый толчокъ, и благодаря этому содѣйствію, благодаря также урожаю, превзошедшему всѣ ожиданія, прежнія рабовладѣльческія территоріи уже видятъ передъ собою лучъ надежды, о которой съ самой войны онѣ не смѣли даже и помышлять.

За отчаяніемъ слѣдуетъ въ настоящее время благородное рвеніе. Страсти утихаютъ, и на будущее страны начинаютъ смотрѣть болѣе спокойнымъ взоромъ. Почва Южныхъ Штатовъ заключаетъ такія богатства, которыя способны, если земледѣліе и промышленность съумѣютъ ими воспользоваться, излечить всѣ нынѣшніе недуги. Земли, омываемыя океаномъ и Мексиканскимъ заливомъ и орошаемыя Миссисипи, отличаются замѣчательнымъ плодородіемъ. Отъ устья Потомака до устья Ріо-дель-Норте двадцать судоходныхъ рѣкъ оплодотворяютъ почву; полоса песчаной земли, заключающаяся между Ньюберномъ въ Сѣверной Каролинѣ

и Мобилемъ въ Алабамѣ, покрыта большимъ сосновымъ лѣсомъ, доставляющимъ прекрасное дерево для кораблей и различныхъ построекъ. Эта страна имѣетъ здоровый климатъ, представляетъ большія удобства для вывозной торговли и заслуживаетъ спеціальнаго вниманія спекуляторовъ. Правительство уже оцѣнило выгоды, представляемыя берегами Южныхъ Штатовъ: оно уже устроило двѣ большія верфи въ Портсмутѣ и Пенсаколѣ.

Близь роскошныхъ группъ сосенъ, идущихъ вдоль берега, простирается между 32 и 35-мъ градусомъ, до подошвы Аллеганскихъ горъ, обширный поясъ хлопчатника; ширина его не менѣе пятидесяти миль, а иногда достигаетъ и двухсотъ миль. Онъ вообще имѣетъ видъ равнины, незамѣтно возвышающейся къ сторонѣ горъ. Нѣтъ ничего однообразнѣе этихъ полей, гдѣ растутъ, съ промежутками въ 2 метра, ряды тощихъ кустарниковъ, едва снабженныхъ вѣтвями, неимѣющихъ никакого вида, исключая развѣ время цвѣтенія.

И однако это слабое растеніе создало огромныя богатства и заставило пролить рѣки крови; оно имѣло сильное вліяніе на учрежденія Юга и для его-то обработки плантаторы и ввели рабство въ Америку. Оно служитъ одеждой для всѣхъ народовъ міра, множество кораблей заняты его вывозомъ и тысячи фабрикъ поддерживаются имъ; на немъ основано благосостояніе нѣскольких большихъ государствъ Европы, и особенно Англіи; оно интересуетъ торговлю всего свѣта и нѣтъ ни одного мѣста на земномъ шарѣ, которое избѣгло бы его владычества.

Низменные берега Южныхъ Штатовъ производятъ рисъ и сахарный тростникъ, а прибрежные острова даютъ также хлопокъ; эти округи плодородны, но на

нихъ царствуетъ malaria (особый видъ лихорадки). Здѣсь преимущественно встрѣчаются большія плантаціи, обработываемыя неграми, и придающія полямъ Юга особенный характеръ.

Выше области хлопчатника находится рядъ холмовъ, долинъ и плоскихъ возвышенностей, которыя значительно возвышаются надъ окружающей ихъ страной. Плоды, хлѣба и даже табакъ удаются здѣсь отлично. Живописное мѣстоположеніе и здоровый воздухъ привлекли сюда почти все бѣлое населеніе.

Горы изобилуютъ минералами; каменный уголь и желѣзо распространены почти вездѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся большими массами. Мѣдь и цинкъ встрѣчается менѣе часто, однако Тенесси обладаетъ значительными рудниками этого металла. Мы не можемъ дать лучшее понятіе о богатствѣ Юга, какъ описавъ одинъ округъ Алабамы, расположенный на краю Аллеганской цѣпи.

Двѣ залежи каменнаго угля окаймляютъ въ этомъ мѣстѣ длинную и весьма узкую долину; одна—*Warrior*, имѣетъ поверхность въ 250 квадратныхъ миль; другая—*Cahaba*, приблизительно 60. Въ каждомъ изъ этихъ хранилищъ уголь, превосходнаго качества, находится почти на поверхности, пластами въ нѣсколько футовъ толщиною. Нѣсколько шаговъ дальше—желѣзные рудники Красной горы, простирающіеся на десять миль и имѣющіе рудныя жилы въ 10—15 футовъ. Природа какъ будто желала соединить въ этомъ мѣстѣ всѣ условія, способныя облегчить промышленность; почва долины заключаетъ большое количество известковаго камня, а сосѣднія долины могутъ доставлять превосходный песчаникъ для устройства плавильныхъ печей.

Большинство Южныхъ Штатовъ содержитъ не ме-

нѣе значительныя залежи; Виргинія имѣетъ рудники, представляющіе такую легкую разработку, что даже краснокожіе могли добывать изъ нихъ металлы; въ настоящее время они совершенно покинуты, хотя бѣлые уже 250 лѣтъ владѣютъ землею. При надлежащей обработкѣ страна эта могла бы доставить гораздо больше средствъ, чѣмъ она доставляла до настоящаго времени.

Рабство, безъ котораго Югъ, какъ ему казалось, не могъ существовать, напротивъ, такъ очевидно задерживало его успѣхи, что одной минуты спокойнаго размышленія было бы достаточно, чтобы показать, насколько такая система гибельна съ экономической точки зрѣнія. Въ то время, какъ въ Новой Англіи ни одинъ метръ земли не остается безъ употребленія и на каждомъ шагу видишь обработанныя поля, дома, сады, въ Южныхъ Штатахъ съ удивленіемъ встрѣчаешь повсюду равнины и лѣса совершенно въ дикомъ состояніи.

А между тѣмъ почва требуетъ только немного труда, чтобы давать обильныя жатвы; даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она менѣе плодородна, она производитъ хлопокъ и могла бы прокормить многочисленное населеніе. Многія территоріи Юга считаются самыми плодородными въ Союзѣ. Напримѣръ, Виргинія имѣетъ превосходный климатъ; она пересѣкается многочисленными рѣками, имѣетъ лучшія гавани на Атлантическомъ океанѣ, а богатства ея рудниковъ открываютъ ей блестящую промышленную карьеру. Однако, хотя ея пространство равно пространству Англіи, она заключаетъ только милліонъ жителей европейскаго племени; въ земледѣльческомъ отношеніи она гораздо ниже Миссури и Огіо, даже ниже недавно учрежденныхъ штатовъ Мичигана и Иллинойса; лишь четвертая часть

ея земли обработывается и, проѣзжая по Виргиніи, нельзя удержаться отъ сравненія вида этихъ полей съ тѣмъ видомъ, который они могли бы имѣть, еслибы проклятіе рабства не поразило ихъ.

Земледѣліе, промышленность и торговля должны получить на Югѣ одинаковое развитіе. Мы уже сказали, что нѣсколько плантацій было куплено капиталистами Новой Англіи, другія отданы въ наемъ кооперативнымъ ассоціаціямъ, составленнымъ изъ негровъ; разработка рудниковъ составляетъ также предметъ серьезныхъ усилій. Нѣсколько заводовъ устроены для добыванія желѣза и каменнаго угля; отсутствіе желѣзныхъ дорогъ помѣшало имъ въ началѣ дать тотъ результатъ, котораго отъ нихъ ожидали; но богатые спекуляторы заняты въ настоящее время путями сообщенія и желѣзнодорожными линіями.

Фабрики скоро измѣнятъ видъ страны. Капиталъ и трудъ, найдя себѣ выгодное употребленіе, перестанутъ стремиться исключительно на западъ и направятъ на Южные Штаты свою благотворную дѣятельность.

Тѣсный союзъ интересовъ будетъ новымъ побужденіемъ къ примиренію. Южанамъ необходимо опираться на энергію и богатство Сѣвера; несмотря на политическія антипатіи, обѣ вѣтви американской семьи будутъ принуждены протянуть другъ другу руку и вмѣстѣ работать надъ развитіемъ коммерческаго вліянія страны.

Притомъ условія современной жизни не способствуютъ продолжительной ненависти; они устанавливаютъ частыя сношенія, производятъ постоянный обмѣнъ мыслей и такимъ образомъ сильно способствуютъ разсѣянію предубѣжденій, которыя поддерживаютъ раз-

доръ. Прежде казалось невозможнымъ слить въ одно цѣлое элементы, столь противоположные, какъ Сѣверъ и Югъ; каждое изъ этихъ соперничающихъ обществъ оставалось въ своей собственной атмосферѣ, недоступной для всякаго внѣшняго вліянія. Нынѣ желѣзныя дороги, телеграфъ, пресса разрушили преграды, ихъ отдѣлявшія. Умъ плантатора открылся для общихъ идей, составляющихъ душу американскаго союза; янки съ своей стороны понялъ потребности Юга; а сближеніе умовъ приготовило сближеніе сердецъ.

ГЛАВА VII.

Какъ американцы смотрятъ на вопросъ образованія.

Изъ всѣхъ условій, содѣйствующихъ величію или гибели государствъ, нѣтъ болѣе сильнаго, чѣмъ образованіе. Въ достоинствѣ гражданъ заключается истинная сила страны. Ни къ чему не послужатъ обширныя территоріи, многочисленныя арміи, мудро организованныя учрежденія, если личности ослабѣваютъ и унижаются; жизнь покидаетъ въ такомъ случаѣ соціальный организмъ, медленное разложеніе начинается въ немъ и, на основаніи столь же мудраго, какъ и неумолимаго закона, этотъ трупъ выметается, чтобы дать мѣсто молодымъ и плодотворнымъ элементамъ. Эта истина примѣняется особенно къ демократическимъ народамъ. Въ монархическомъ государствѣ иногда достаточно энергической воли и генія одного лица, чтобы дать всей странѣ одинъ общій толчокъ; хотя этотъ блескъ только проходящій, но онъ можетъ ослѣпить и обмануть взоръ. Не такъ у націй, которыя сами управляютъ собой. Ничего у нихъ не дѣлается безъ общаго согласія, и если эти государства совершаютъ великія дѣла, то мы должны заключить изъ этого, что они обладаютъ чрезвычайною жизненностью и несомнѣнною крѣпостію.

Удивительное промышленное, политическое и территоріальное развитіе, достигнутое американцами въ столь короткій промежутокъ времени, служитъ блестящимъ доказательствомъ въ ихъ пользу. Но какимъ образомъ образуется и поддерживается этотъ удивительный общественный духъ, благодаря которому страна могла достичь такого благосостоянія и даже недавно пережить ужасный кризисъ, не будучи имъ ослабленной? Помощью превосходнаго образованія, даваемаго юношеству. «Добродѣтель и умъ гражданъ, говоритъ Вашингтонъ, двѣ необходимыя гарантіи для республиканскихъ учрежденій».

Лишь только колонисты вступили на почву Новаго Свѣта, они, которые впослѣдствіи должны были основать американскій союзъ, поняли, что для учрежденія въ этихъ далекихъ пустыняхъ прочныхъ учрежденій, надо опираться на прочную основу образованія и религіи. Въ 1647 году, только двадцать пять лѣтъ послѣ ихъ прибытія въ Новую Англію, они издали законъ, распоряженія котораго доказываютъ ихъ мудрую предусмотрительность. Люди вѣры, какъ и дѣла, они начали съ обращенія къ божественной помощи; чего они желали, какъ они это открыто объявили, это «отнять у врага рода человѣческаго оружіе, которое онъ находитъ въ невѣжествѣ людей; не дать святому лучу свѣта, принесенному изъ Европы, омрачиться и погаснуть». Эти соображенія, внушенныя глубокимъ религіознымъ чувствомъ, дали начало самой широкой системѣ общественнаго образованія. Въ эпоху, когда западныя націи смотрѣли еще на образованіе какъ на привиллегію меньшинства, законодатели Массачузета рѣшили, чтобы вездѣ въ колоніи были открыты безплатныя школы для юношества. Каждая деревня, за-

ключающая пятьдесятъ домовъ, должна, на основаніи статьи закона, содержать на свой счетъ учителя, который обязанъ познакомить дѣтей съ первыми научными свѣдѣніями; каждое мѣстечко въ 100 семействъ должно имѣть такъ называемую *грамматическую* школу, гдѣ ученики получаютъ основательное образованіе, дающее имъ возможность, если они этого пожелаютъ, поступать въ университеты.

Каждой семьѣ даны были такимъ образомъ самыя большія удобства для образованія дѣтей; но авторы декрета, опасаясь небрежности частныхъ лицъ, сдѣлали еще образованіе обязательнымъ на всемъ протяженіи колоніи. Штрафъ въ 5 фунтовъ стерлинговъ, который впослѣдствіи возвысили до 30 и даже до 40 фунтовъ, налагался на родителей и хозяевъ, которые «настолько варвары», что отказываютъ ихъ дѣтямъ или ихъ подмастерьямъ въ образованіи, считаемомъ естественнымъ правомъ всякаго разумнаго существа.

Однако уваженіе къ личной свободѣ и ненависть къ регламентаціямъ вообще враждебно настраивали общественный духъ противъ этихъ строгихъ мѣръ, которыя и не замедлили предать забвенію. Но американцы тѣмъ не менѣе чувствовали необходимость просвѣтить народъ; они знали, что въ странѣ, гдѣ каждый гражданинъ принимаетъ участіе въ національномъ самодержавіи, невѣжество массы можетъ вести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, и они употребляли громадныя усилія, чтобы отвратить опасность.

Ихъ рвеніе нисколько не ослабло и въ настоящее время. Правительство не отступаетъ ни передъ какимъ расходомъ, когда дѣло идетъ объ общественномъ образованіи; этотъ бюджетъ вотируется прежде, чѣмъ морской и военный; можно судить о суммахъ, которыя

на него выдаются, по тому факту, что въ нѣкоторыхъ штатахъ онъ одинъ поглощаетъ третью часть дохода. Что же касается частныхъ лицъ, то они не только платятъ налоги, которые въ другихъ странахъ казались бы непомѣрными, но еще учреждаютъ каждый день на свой счетъ новыя школы. Они не заботятся о начальномъ образованіи, такъ какъ государство, какъ мы это сейчасъ увидимъ, позаботилось уже о немъ; всѣ ихъ усилія сосредоточиваются на распространеніи высшаго образованія. Здѣсь одинъ негоціантъ жертвуетъ 400,000 долларовъ на учрежденіе двухъ коллегій, назначаемыхъ: одна для молодыхъ людей, другая для молодыхъ дѣвушекъ города Цинциннати; тамъ пивоваръ изъ Пофкипси (Poughkeepsie) жертвуетъ сумму на постройку академіи, гдѣ женщины могли бы ознакомиться съ самыми высшими отраслями наукъ; въ другомъ мѣстѣ одинъ работникъ, нажившій состояніе промышленностью, даритъ городу Итакѣ 500,000 долларовъ на устройство университета.

Бѣдствія гражданской войны, огромные расходы, требуемые союзнымъ войскомъ, прекращеніе или замедленіе работъ во время борьбы, которая поглощала всѣ живыя силы страны, казалось, должны были бы имѣть пагубное вліяніе на процвѣтаніе общественныхъ школъ. Но ничего подобнаго не было. Никогда города не назначали столь щедрыя суммы, никогда пожертвованія не были столь многочисленны, никогда граждане не выказывали съ большей энергіей желанія поддержать и даже распространить въ народѣ то образованіе, которое служитъ охраной демократическихъ обществъ.

«При такомъ управленіи, какъ наше, говоритъ Горацій Маннъ, необходимо, чтобы образованіе дѣлало каждаго гражданина способнымъ къ исполненію его

гражданскихъ и общественныхъ обязанностей; судъ призоветъ его свидѣтелемъ или присяжнымъ; община и штатъ потребуютъ его голоса; надо чтобы онъ могъ разумно исполнять всѣ обязанности, нераздѣльныя съ званіемъ гражданина великой республики».

Даніель Вебстеръ, краснорѣчивый ораторъ Конгресса, выражается съ неменьшей силой: «Отъ распространенія просвѣщенія въ массахъ зависитъ будущность нашихъ учрежденій. Никакая опасность не можетъ придти къ намъ извнѣ, ибо нѣтъ на землѣ націи на столько сильной, чтобы насъ ниспровергнуть. Я вижу опасность съ другой стороны: чего я опасаюсь, это—равнодушія народа къ дѣламъ отечества; дайте ему развитіе и онъ сдѣлается бдительнымъ; дайте ему возможность открывать зло и онъ найдетъ средство противъ него».

Правила, которыя во многихъ государствахъ Стараго Свѣта считались бы парадоксами, составляютъ основу политическаго строя американцевъ. Вполнѣ убѣжденные, что если отдѣльныя личности могутъ ошибаться, то вся нація, взятая въ цѣломъ, рѣдко не признаетъ свои настоящіе интересы, они стараются образовать гражданъ, способныхъ достойно исполнять обязанности, налагаемыя свободой. Обширная сѣть школъ распространена по всей территоріи Союза. Онѣ берутъ дитя въ его самомъ раннемъ возрастѣ и ведутъ его до дверей академій или высшихъ коллегій; богатый и бѣдный, сынъ члена Конгресса и сынъ мастероваго, сидятъ рядомъ и слушаютъ одни и тѣ же уроки. Дѣйствительно, общественныя школы не посѣщаются тамъ, какъ во Франціи, только пасынками фортуны; онѣ даютъ образованіе всему юношеству Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь-то американцы проникаются тѣмъ

чувствомъ равенства, тѣмъ уваженіемъ къ чужому праву, той любовью къ демократическимъ учрежденіямъ, которыя дѣлаютъ изъ ихъ страны единственную націю въ исторіи міра. Конечно, принципъ, на которомъ основаны американскія общественныя школы, не вездѣ примѣнимъ. Каждый народъ долженъ согласовать свои законы съ своимъ характеромъ и съ геніемъ, который ему свойственъ, и ничего не можетъ быть гибельнѣе, какъ безразлично слѣдовать однимъ и тѣмъ же правиламъ, при различныхъ обстоятельствахъ; въ этомъ случаѣ поступили бы какъ докторъ, который прописывалъ бы одно и то же лекарство для самыхъ противоположныхъ болѣзней. Мы не намѣрены безусловно превозносить обычаи американцевъ; чему мы удивляемся, это искусству, съ которымъ они умѣютъ приспособить свои учрежденія къ своимъ потребностямъ, и въ этомъ отношеніи нельзя сомнѣваться, что ихъ школы вполнѣ согласуются съ ихъ демократіей.

Онѣ даютъ имъ притомъ большія преимущества. Воспитанныя вмѣстѣ, дѣти бѣдныхъ и дѣти богатыхъ пріучаются къ взаимному уваженію и симпатіи; общество выигрываетъ этимъ то, что ему не приходится бороться съ завистью, которая слишкомъ часто возбуждается въ массѣ различіемъ состояній. Ненависть и недовѣріе легко зараждаются между людьми, которыхъ никогда ничто не сближало; ежедневныя столкновенія, общія занятія изгоняютъ эти чувства изъ сердца американцевъ. Впрочемъ, какой же можетъ быть поводъ для завистливыхъ, непріязненныхъ чувствъ, когда всѣ преграды разрушены, всѣ привиллегіи уничтожены, такъ что каждый долженъ пенять на самого себя, если его положеніе ниже положенія другихъ?

Школы въ Соединенныхъ Штатахъ безплатны; родителямъ не приходится даже снабжать своихъ дѣтей необходимыми для нихъ книгами, бумагой и пр. Однако заведенія, назначаемыя для общественнаго образованія, построены съ замѣчательнымъ стараніемъ; школьная архитектура въ Америкѣ составляетъ спеціальное искусство. Зданія просторны; комнаты свѣтлы, чисты, отапливаются и провѣтриваются весьма тщательно; онѣ снабжены, особенно въ городахъ, богатыми учебными пособіями, дополняющими уроки учителя.

Суммы, назначаемыя на эти расходы, идутъ изъ двухъ источниковъ. Одна часть выдается государствомъ, которое, въ замѣнъ этого, налагаетъ на всѣ школы одну общую программу и требуетъ подробныхъ отчетовъ, обнародованіе которыхъ знакомитъ съ положеніемъ образованія въ каждой мѣстности. Эти суммы, называемыя *school fund*, образуютъ звѣно, которое соединяетъ между собой всѣ части этой обширной системы общественнаго образованія; безъ него не было бы единства плана и правительство не имѣло бы никакого контроля надъ предметомъ, который по многимъ причинамъ долженъ весьма его интересовать.

Законодательство однако не хотѣло поручить школы вполнѣ попеченію государства; его единственною цѣлью было оказать пособіе школамъ, поощрить ихъ и помѣшать неурядицѣ и безпорядкамъ проникнуть въ нихъ. Разъ этотъ результатъ былъ достигнутъ, свободный духъ американцевъ не дозволялъ болѣе вмѣшательства центральной администраціи. На основаніи ихъ доктрины, индивидуумъ — лучшій и единственный судья своихъ собственныхъ интересовъ; общество не имѣетъ права опредѣлять его дѣйствія, исключая развѣ того случая, когда оно нуждается въ его содѣйствіи или

когда его поведеніе вредно для его согражданъ. Относительно же государства, община считается такимъ индивидуумомъ; каждый городъ, слѣдовательно, имѣетъ право устраивать свои школы сообразно своимъ нуждамъ и своему состоянію, подъ единственнымъ условіемъ—сообразоваться съ общими видами законодателя.

Но если штатъ оставляетъ за городами большую долю инициативы и независимости, то взамѣнъ этого онъ разсчитываетъ на ихъ рвеніе. Города наперерывъ налагаютъ на себя самыя тяжелыя подати, чтобы дополнить недостатокъ суммъ, выдаваемыхъ правительствомъ. Въ Массачузетѣ мѣстные налоги въ шесть разъ превышаютъ *school fund;* Въ Нью-Іоркѣ, несмотря на значительные расходы, требуемые на поддержаніе столицы, суммы, назначаемыя на образованіе, составляютъ пятую часть расходовъ.

Весьма разнообразные оттѣнки отличаютъ въ различныхъ штатахъ американскаго Союза организацію школъ. Намъ невозможно здѣсь разсматривать ихъ въ подробности; мы ограничимся краткимъ очеркомъ системы, господствующей въ Новой Англіи и преимущественно въ Нью-Іоркѣ и Бостонѣ, предупреждая однако читателя, что эта система не примѣняется съ такою же точностію въ округахъ Запада. Что же касается до Юга, который управлялся прежде сильной аристократіей и раздѣлялся на два различные класса, отдѣленные цѣлою пропастью — классъ плантаторовъ и классъ рабовъ,—онъ не представляетъ никакой аналогіи съ Сѣверомъ.

Недавняя гражданская война, введя на эту новую почву демократическіе принципы, внесла туда систему образованія Новой Англіи, какъ мы это видѣли, когда говорили о преобразованіи южныхъ штатовъ.

ГЛАВА VIII.

Общественныя школы.

Достаточно изслѣдовать американское образованіе, чтобы понять, что оно должно было дать начало обществу, весьма отличному отъ нашего. *Common schools* ни въ чемъ не похожи на то, что мы имѣемъ въ Европѣ; онѣ не посѣщаются исключительно бѣдными и не ограничиваютъ свою программу элементарными понятіями; на это различіе мы должны особенно обратить вниманіе, ибо оно бросаетъ большой свѣтъ на общественный и политическій строй Соединенныхъ Штатовъ.

Эти заведенія имѣютъ различные разряды, черезъ которые ученикъ долженъ постепенно проходить; ни одинъ изъ нихъ не заключаетъ полной серіи классныхъ занятій, они дополняютъ одинъ другаго. Дитя 4—5 лѣтъ приводится въ *начальную школу;* здѣсь онъ научается читать, писать, считать, немножко пѣть и получаетъ нѣкоторыя свѣдѣнія, необходимыя для жизни. Отсюда онъ переходитъ въ *граматическую школу*, учителя которой обязаны выучить его орфографіи, ариѳметикѣ, рисованію, физикѣ, географіи, исторіи Соединенныхъ Штатовъ и бухгалтеріи. Снабженный этимъ небольшимъ умственнымъ багажемъ, ученикъ подхо-

дитъ къ двери *высшей школы*, которая должна закончить образованіе, считаемое достаточнымъ для массы гражданъ. Въ курсъ занятій входитъ здѣсь англійская литература, латинскій языкъ, древняя и новая исторія, мораль, естественныя науки, наконецъ необязательные уроки французскаго и нѣмецкаго языковъ.

Конечно, не всѣ дѣти получаютъ полное образованіе, такъ щедро предлагаемое имъ; тѣ изъ нихъ, трудъ которыхъ уже рано необходимъ для родителей, рѣдко идутъ выше начальной школы. Однако хозяева, употребляющіе очень молодыхъ подмастерьевъ, обязаны позволять имъ слушать общественные курсы каждый годъ впродолженіе по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Такія отрывочныя занятія, казалось, не должны бы были производить весьма удовлетворительные результаты, но энергія національнаго характера такова, что даже дѣти способны тамъ къ такому прилежанію и къ такому умственному усилію, которыя обыкновенно несовмѣстны съ ихъ возрастомъ, и которыя справедливо возбуждаютъ удивленіе иностранцевъ. «Въ Соединенныхъ Штатахъ», говоритъ одинъ компетентный судья, г. Фрезеръ, которому правительство Великобританіи поручило изучить систему образованія Новаго Свѣта *), «ученикъ въ данное время пріобрѣтаетъ вдвое больше свѣдѣній, чѣмъ англичанинъ». Этимъ рвеніемъ, вносимымъ американцами въ занятія, объясняется ихъ умѣнье согласовать требованія промышленности съ потребностями народнаго образованія. Школа и фабрика идутъ рука объ руку, и если нѣтъ страны, гдѣ физическій трудъ находился бы въ большемъ почетѣ, то и нѣтъ страны, гдѣ образованіе было бы

*) Report on the common schools. Лондонъ 1867.

такъ повсемѣстно распространено. Ремесленникъ или женщина изъ народа обладаетъ часто такимъ умственнымъ развитіемъ, котораго можно было бы ожидать только отъ лицъ, принадлежащихъ къ богатымъ и имѣющимъ достаточно досуга, классамъ. Г. Амперъ видѣлъ въ одномъ маленькомъ городкѣ Огіо множество работницъ, слушающихъ курсы химіи, читаемые для взрослыхъ. Другой путешественникъ, спросивъ въ одной библіотекѣ одно весьма серьезное сочиненіе о Голландіи, былъ чрезвычайно удивленъ, когда ему объявили, что эта книга находится въ рукахъ одной прачки. Онъ отправился къ этой женщинѣ, чтобы просить ее уступить ему книгу на день или на два.

— Нѣтъ, отвѣчала она, — я не могу рѣшиться отдать вамъ ее прежде, чѣмъ я ее не кончу, она меня слишкомъ интересуетъ; но, если вамъ такъ хочется ее прочесть, я пожалуй отложу на нѣсколько часовъ мое глаженье и пришлю ее вамъ.

Эти факты характеристичны. Счастлива та страна, гдѣ народъ жаждетъ не нездоровой литературы, развивающей дурные инстинкты, но серьезнаго чтенія, укрѣпляющаго умъ!

Однако, если американцы и любятъ образованіе и стремятся къ нему, то все же дѣятельность ихъ требуетъ слишкомъ много заботъ, чтобы они имѣли время посвятить себя исключительно наукѣ. «Я не думаю, пишетъ Токвиль, что существуетъ въ мірѣ другая страна, гдѣ бы пропорціонально съ народонаселеніемъ было бы такъ мало ученыхъ и такъ мало невѣжъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ».

Въ каждомъ городѣ управленіе общественными школами находится въ рукахъ комитета, члены котораго выбираются баллотировкой; треть ихъ ежегодно выбы-

ваетъ. Эти лица облечены большою властью: они назначаютъ и отрѣшаютъ отъ должности учителей; опредѣляютъ книги, которыя должны служить руководствомъ для учениковъ; наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы число школъ сообразовалось съ цифрой народонаселенія; открываютъ новыя школы, если они найдутъ это необходимымъ; наконецъ, поддержаніе зданій, классныя принадлежности, отопленіе, также поручены ихъ попеченію. Значительные города имѣютъ сверхъ того одного *окружнаго начальника школъ* (surintendant), который раздѣляетъ съ комитетомъ труды по управленію общественнымъ образованіемъ и который имѣетъ подъ своимъ начальствомъ инспекторовъ, назначаемыхъ меромъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ прибавили къ этому уже столь дѣятельному надзору еще новый способъ контроля. Каждый кварталъ назначаетъ пять попечителей *trustees,* которыхъ онъ дѣлаетъ отвѣтственными въ управленіи школами. Хотя ихъ должности безплатны, они исполняютъ свои обязанности всегда съ одинаковымъ рвеніемъ; люди, для которыхъ, безъ всякой метафоры, время дѣйствительно деньги, негоціанты, купцы, адвокаты, посвящаютъ нѣсколько часовъ, чтобы удостовѣриться въ прилежаніи учениковъ и въ ихъ успѣхахъ. Легко понять, какіе превосходные результаты должно произвести такое горячее и ревностное содѣйствіе.

Развитіе учителей, искусство, съ которымъ они дѣлаютъ свои уроки доступными для ихъ юной аудиторіи, не менѣе достойны похвалы. Каковъ учитель, таковъ ученикъ; дѣти послушны и прилежны, потому что преподаватели умѣютъ быть твердыми безъ строгости, терпѣливыми безъ слабости, потому что они поддерживаютъ дисциплину и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ ученіе привлекательнымъ, долгъ—легкимъ. Американ-

ская раса имѣетъ врожденную склонность къ преподаванію. Учителя, проникнутые важностью своего дѣла, отдаются ему съ энтузіазмомъ; они гордятся своею задачею и стараются поддержать репутацію своихъ школъ. Они думаютъ, что, воспитывая для государства новыя поколѣнія, они доказываютъ тѣмъ свой патріотизмъ; они стремятся къ карьерѣ преподавателя съ такимъ же жаромъ, какъ въ другихъ государствахъ стремятся къ военной карьерѣ. Впрочемъ, въ случаѣ нужды они умѣютъ и носить оружіе. О духѣ, вдохновляющемъ ихъ, можно судить по тому факту, что въ послѣднюю войну въ одномъ только штатѣ Пенсильваніи три тысячи учителей поступили волонтерами въ армію.

Уваженіе, съ которымъ относятся къ образованію, отражается естественно и на томъ, кто его даетъ. Учитель бѣдной деревенской школы занимаетъ такое общественное положеніе, которое ни въ чемъ не уступаетъ положенію судьи и высшихъ должностныхъ лицъ. Нигдѣ не видно и тѣни того насмѣшливаго презрѣнія, которое въ Европѣ такъ долго преслѣдовало педагоговъ. Но надо признаться также, что остроумная сатира Монтеня не можетъ быть примѣнена къ преподавателямъ Новой Англіи: «Какъ птицы отыскиваютъ зерно и несутъ въ клювѣ своимъ малюткамъ, не пробуя его, точно такъ наши педанты похищаютъ науку въ книгахъ и помѣщаютъ ее лишь на кончикѣ своихъ губъ, нисколько не пережевывая». Американскіе учителя стараются образовать людей, они столько же обращаются къ уму и сердцу, какъ и къ памяти. Оттого-то они и окружены любовью и уваженіемъ. Самыя богатыя семейства считаютъ честью видѣть въ ихъ ряду своихъ дѣтей. Банкиры-милліонеры, члены Кон-

гресса, поощряютъ своихъ дѣтей къ учительской карьерѣ. Нерѣдко можно встрѣтить въ самомъ избранномъ обществѣ Бостона дамъ, которыя провели два или три года своей молодости въ управленіи школой, ибо такой трудъ считается превосходнымъ приготовленіемъ къ серьезнымъ обязанностямъ матери.

По странному противорѣчію, жалованье, получаемое членами столь почитаемой профессіи, чрезвычайно скудно. Американцы, которые такъ дорого платятъ за всякаго рода услуги, кажется думаютъ, что преподаваніе есть нѣчто въ родѣ священнаго долга, одно изъ необходимыхъ условій котораго составляетъ евангельская бѣдность. Во многихъ штатахъ жалованье учителей не достигаетъ тридцати долларовъ (37 р. 50 к.) въ мѣсяцъ, жалованье женщинъ еще гораздо меньше;—а надо вспомнить, что необходимые жизненные предметы, пища и одежда, стоятъ въ Америкѣ гораздо дороже, чѣмъ въ Европѣ *).

Этотъ недостатокъ вознагражденія объясняется многими причинами. Съ одной стороны, огромное число лицъ, избирающихъ учительскую карьеру, естественно, должно понижать уровень жалованья; съ другой, образованіе преимущественно поручено женщинамъ, и неизмѣнный законъ, въ силу котораго ихъ трудъ всегда менѣе вознаграждается, чѣмъ трудъ мужчинъ, не остается и тутъ безъ вліянія. На 10,884 школы штата Массачузета 9,340 ведутся учительницами; пропорція еще увеличивается въ Нью-Іоркѣ и въ Филадельфіи.

*) Авторъ говоритъ, вѣроятно, о сельскихъ школахъ. Жалованье городскихъ учителей не можетъ считаться недостаточнымъ: средняя цифра годоваго жалованья городскаго учителя въ Соединенныхъ Штатахъ—2,128 руб., городской учительницы — 678 руб. (См. изданную мною книгу: «Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ» Гиппо, прилож. стр. 305). *Изд.*

Въ противоположность европейцамъ, которые высказываютъ весьма посредственное уваженіе къ педагогическимъ талантамъ женщинъ и которые даже нашли бы воспитаніе своихъ дочерей недостаточнымъ, если бы оно не было поручено учителямъ мужскаго пола, американцы думаютъ, что мужчина далеко не лучшій преподаватель юношества; у него нѣтъ необходимаго терпѣнія и кротости, его руки слишкомъ грубы, чтобы руководить нѣжной душой ребенка. Природа, напротивъ, кажется хотѣла сдѣлать женщину воспитательницей рода человѣческаго; она дала ей разумную любовь, которая умѣетъ читать въ глубинѣ сердца, которая исправляетъ безъ насилія, достигаетъ послушанія и уваженія, не внушая страха. Сколькихъ препятствій надо избѣгать въ трудной задачѣ преподаванія! Сколько стараній надо употребить, чтобы не омрачить эти молодые умы прикосновеніемъ съ нашею горечью и съ нашимъ разочарованіемъ; сколько нужно преданности, чтобы вполнѣ отдаться изслѣдованію ихъ способностей, ихъ стремленій, чтобы направлять ихъ къ добру! Слишкомъ много заботъ волнуютъ мужчинъ, чтобы они могли всегда исполнять съ успѣхомъ такое дѣло; но оно какъ нельзя больше примѣняется къ женщинамъ. Доступныя всѣмъ благороднымъ и великодушнымъ стремленіямъ, онѣ умѣютъ вдохновить ими другихъ; набожныя и чистыя, онѣ внушаютъ любовь къ религіи, научаютъ уважать нравственность; даже восторженность, въ которой ихъ упрекаютъ, вполнѣ подходитъ къ юношескому возрасту. Лучше быть въ двадцать лѣтъ способнымъ къ восторженности, чѣмъ имѣть холодное и безплодное разочарованіе стариковъ.

«Невозможно, говоритъ одинъ изъ отчетовъ комитета штата Нью Іорка, достаточно оцѣнить благотвор-

ное вліяніе, производимое на наши школы преподаваніемъ женщинъ. Мягкость ихъ натуры дѣлаетъ ихъ сильнѣе мужчинъ съ ихъ преобразовательными теоріями, суровыми правилами, непреклонными системами; ихъ кротость побѣждаетъ духъ возмущенія, который строгость только раздражила бы; ихъ убѣдительные упреки дѣйствуютъ вѣрнѣе, чѣмъ увѣщанія строгой логики».

Выходитъ ли изъ этого, что американцы непогрѣшимы въ своемъ взглядѣ на вопросъ образованія? Мы, съ своей стороны, признаемся въ нашемъ сочувствіи къ системѣ, которая представляетъ женщинамъ воспитаніе дѣтей; но не говоря уже о тѣхъ бородатыхъ ученикахъ, присутствіе которыхъ между слушателями молодой учительницы шокируетъ наши европейскія понятія, мы должны указать въ школахъ Новой Англіи на прискорбные недостатки. Учителя, какъ мы это говорили, получаютъ весьма ничтожное жалованье; кромѣ того, ихъ приглашаютъ часто только на одинъ триместръ, послѣ чего они не получаютъ жалованья втеченіе болѣе или менѣе продолжительныхъ каникулъ. Существованіе ихъ, слѣдовательно, весьма необезпечено и они должны налагать на себя множество лишеній, что, въ соединеніи съ рвеніемъ, съ которымъ они исполняютъ свою утомительную задачу, быстро разрушаетъ ихъ здоровье. Женщины рѣдко могутъ выносить болѣе четырехъ или пяти лѣтъ подобный родъ жизни; что же касается до мужчинъ, то, считая учительство патріотическимъ дѣломъ, они посвящаютъ ему часть своей молодости и скоро покидаютъ для болѣе выгодной работы. Въ Америкѣ встрѣчаешь весьма мало учителей старше тридцати лѣтъ; большіе города насчитываютъ едва нѣсколькихъ изъ нихъ, которыхъ

удерживаетъ сильное призваніе; этимъ ветеранамъ, по исключительной милости, даютъ жалованье обыкновеннаго работника *).

Но такое спокойствіе духа, такое полное отсутствіе честолюбія встрѣчается рѣдко въ Соединенныхъ Штатахъ. Большинство учителей выходитъ изъ узкой карьеры преподаванія, женщины — помощію брака, мужчины — помощію всегда широко открытой двери промышленныхъ предпріятій. Во время того короткаго періода, когда они отдаются общественному образованію, лихорадочная дѣятельность ихъ характера заставляетъ ихъ безпрестанно мѣнять свое мѣстопребываніе, и немногіе изъ нихъ остаются весь годъ въ одной и той же школѣ. Въ ту минуту, когда учитель пріобрѣлъ нѣкоторое вліяніе на своихъ учениковъ, когда онъ освоилъ ихъ съ своей методой, когда, однимъ словомъ, онъ наиболѣе могъ сдѣлаться для нихъ полезнымъ, онъ покидаетъ ихъ, чтобы въ другомъ мѣстѣ начать тѣ же попытки. Такое непостоянство весьма вредитъ успѣхамъ дѣтей; разумные люди сознаютъ это и безпокоятся этимъ, но до сихъ поръ на ихъ совѣты не обращали вниманіе.

Неопытность молодыхъ дѣвушекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, должна считаться также одной изъ причинъ, не допускающей американскую систему приносить всѣ тѣ плоды, которыхъ, повидимому, можно было бы ожидать отъ широты и благотворности ея принципа. Отъ учительницы, которой поручено вести начальную школу, требуютъ мало образованія, и конечно его немного надо, чтобы научить дѣтей самымъ элементарнымъ понятіямъ. Но какъ бы ни были

*) На невѣрность этого указано нами выше. *Изд.*

скромны эти занятія, они все-таки требуютъ нѣкоторой разсудительности, извѣстной послѣдовательности въ методѣ, къ которымъ семнадцатилѣтняя учительница, едва только покинувшая школьную скамейку, рѣдко бываетъ способна. Какъ человѣкъ всегда несетъ на себѣ слѣды впечатлѣній, полученныхъ имъ въ юномъ возрастѣ, точно также весь курсъ образованія страдаетъ отъ невѣрнаго направленія, даннаго первымъ занятіямъ. Въ нѣкоторыхъ штатахъ, и преимущественно въ Бостонѣ, начинаютъ въ этомъ убѣждаться. Комитетъ общественнаго образованія сталъ подвергать одинаковымъ экзаменамъ и назначать одинаковое жалованье учителямъ школъ различныхъ разрядовъ; изъ этого вышло, что учителя начальныхъ заведеній менѣе спѣшатъ достигнуть высшихъ степеней; они долѣе остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ, и уроки, слушаемые учениками, имѣютъ болѣе послѣдовательности и цѣльности.

Теперь, когда мы сдѣлали бѣглый очеркъ общаго характера образованія, мы можемъ войти въ школу. Передъ нами на возвышенности стоитъ большое зданіе; болѣе двухъ тысячъ учениковъ получаютъ здѣсь одни начальное образованіе, другіе секундарное, ибо часто оба эти отдѣленія соединяются подъ одной крышей. Пока мы любуемся прекрасными размѣрами зданія, толпа дѣтей обоего пола направляется вмѣстѣ съ нами ко входу. Какъ! мальчики и дѣвочки входятъ черезъ одну и ту же дверь? Развѣ они слушаютъ одни и тѣ же уроки? Да, разумѣется; и возъимѣть смѣлую мысль объ этомъ общемъ образованіи, считающемся вездѣ столь опаснымъ, не самая малая странность этого оригинальнаго народа.

«Наши дѣти—честныя дѣти, говорятъ они; незна-

комыя съ дурными мыслями, они считаютъ другъ друга братьями и сестрами, и мы не видимъ никакого неудобства въ томъ, чтобы школа воспроизводила образъ семьи. Напротивъ, мы находимъ здѣсь большія выгоды. Наши дочери пріобрѣтаютъ при этомъ столкновеніи энергію и умственное развитіе, которыя сдѣлаютъ изъ нихъ матерей и женъ, достойныхъ этой святой задачи. Наши сыновья научаются въ нихъ уважать женщину и высоко цѣнить ея умъ и сердце. Братскія отношенія, начатыя въ дѣтствѣ, продолжаются и въ свѣтѣ. Наши молодые люди, воспитанные вмѣстѣ, встрѣчаются безъ волненія, безъ того опаснаго любопытства, которое возбуждается неизвѣстностью. Это относительно нравственности. Что же касается труда, то онъ выигрываетъ еще болѣе. Дѣвушки имѣютъ живой умъ; при первоначальныхъ занятіяхъ онѣ часто перегоняютъ мальчиковъ; эти же, стыдясь быть побѣжденными своими подругами, удвоиваютъ старанія, и мы возбуждаемъ такимъ образомъ здоровое соревнованіе».

Чистота американскихъ нравовъ мѣшаетъ совмѣстному воспитанію обоихъ половъ производить тѣ пагубные результаты, которые оно имѣетъ въ другихъ мѣстахъ. Однако не слѣдуетъ думать, чтобы даже въ Соединенныхъ Штатахъ оно было распространено, и такъ повсемѣстно принято, какъ это иногда говорятъ. Вообще, дѣти обоего пола соединены въ начальныхъ школахъ и раздѣлены въ другихъ. Этому правилу по крайней мѣрѣ слѣдуетъ Нью-Іоркъ; но въ этомъ отношеніи, какъ и во всѣхъ другихъ, не касающихся общихъ интересовъ Союза, каждый штатъ имѣетъ свое особое направленіе. Такъ, въ Балтиморѣ учебныя заведенія различныхъ разрядовъ различны для мальчи-

ковъ и для дѣвушекъ; въ Чикаго и въ Нью-Гэвенѣ, напротивъ, совмѣстное воспитаніе половъ принято безразлично. Бостонъ, ученый городъ, Аѳины Америки, кажется не высказалъ еще опредѣленнаго мнѣнія по этому предмету; его школы почти одинаково дѣлятся между двумя системами. Нѣкоторые родители отказываются посылать своихъ дочерей въ начальныя заведенія, открытыя для обоихъ половъ, боясь, чтобы онѣ не заимствовали грубыхъ манеръ бѣдныхъ дѣтей; но они не находятъ никакого неудобства позволять имъ слушать смѣшанные грамматическіе курсы, гдѣ число учениковъ изъ низшаго класса менѣе значительно. Другіе, не представляющіе никакого возраженія противъ совмѣстнаго обученія до двѣнадцати, тринадцати лѣтъ, считаютъ его опаснымъ, когда ученики достигли юношескаго возраста.

Пока мы останавливались, чтобы собрать эти свѣдѣнія, дѣти вошли въ школу. Переступимъ и мы ея порогъ и посмотримъ, какъ дѣйствуетъ эта оригинальная организація. Звуки фортепіано привлекаютъ насъ въ большую залу, гдѣ молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати, вѣроятно одна изъ учительницъ, играетъ маршъ Бетховена. Ученики, мальчики и дѣвочки, построенные въ колонны, одни на правой сторонѣ зала, другіе на лѣвой, исполняютъ подъ звуки инструмента нѣчто въ родѣ танца, сопровождаемаго граціозными движеніями рукъ и составляющаго превосходное гимнастическое упражненіе. Колонны сплетаются, сдвигаются, раздвигаются съ замѣчательною точностью; затѣмъ каждый возвращается на свое мѣсто и остается неподвижнымъ.

Среди глубокаго молчанія, царствующаго теперь въ залѣ, вошелъ старшій учитель школы и произнесъ

ласковымъ голосомъ: «здравствуйте, дѣти». — «Здравствуйте, учитель», отвѣчаютъ хоромъ ученики. Это единственное лаконическое привѣтствіе, допускаемое американскою простотою. Вошедшій учитель начинаетъ читать библію. Любопытно слѣдить на лицахъ его юныхъ слушателей за впечатлѣніями, возбуждаемыми чтеніемъ въ ихъ душѣ. Ни одно лицо не обнаруживаетъ разсѣянности и скуки; всѣ выражаютъ сосредоточенность и вниманіе; видно, что дѣти съ раннихъ лѣтъ привыкли съ уваженіемъ слушать божественное ученіе. Однако никакія коментаріи не сопровождаютъ чтеніе текста, не выставляютъ нравственную красоту его, не дѣлаютъ его болѣе доступнымъ для этихъ юныхъ умовъ. Чтобы объяснить себѣ такой странный фактъ въ столь религіозномъ народѣ, какъ американцы, надо вспомнить, въ какомъ положеніи находится у нихъ религія. Раздѣленные, къ несчастію, протестантизмомъ на множество различныхъ вѣроисповѣданій, они стараются заглушить по крайней мѣрѣ сектаторскій духъ, который среди общества, гдѣ мѣры запрещенія такъ слабы, могъ бы привести къ весьма серьезнымъ безпорядкамъ. Между столькими соперничающими конгрегаціями правительство не могло бы давать преимущество одной изъ нихъ, не оскорбляя всѣ другія и не возбудивъ тотчасъ же противъ себя большинство гражданъ; полное отдѣленіе церкви отъ государства было давно уже основнымъ принципомъ американскихъ учрежденій.

Это правило было, однако, трудно согласовать съ организаціей общественныхъ школъ. Начали съ того, что запретили учителямъ объяснять и толковать библію; затѣмъ, опасаясь, что связь фактовъ можетъ быть представляема дѣтямъ такъ, что повліяетъ на нихъ,

располагая ихъ болѣе въ пользу одного вѣроисповѣданія, чѣмъ другаго, было опредѣлено, чтобы чтеніе священной книги производилось непослѣдовательно, безъ всякой системы.

Этимъ почти исключалось религіозное преподаваніе, и хотя рвеніе семьи ослабляло нѣсколько пагубное дѣйствіе этого религіознаго воздержанія школъ, многіе христіанскіе умы начинаютъ сильно сожалѣть о такомъ положеніи дѣла.

Молитва Господня, единственная молитва, относительно которой всѣ секты согласны, оканчиваетъ этотъ краткій урокъ, впродолженіе котораго ученики садились, вставали или стояли въ совершенно военномъ порядкѣ. Молодая учительница, не покидавшая фортепіано, откуда она давала сигналъ къ различнымъ движеніямъ, заиграла патріотическій гимнъ, который ученики запѣли съ энтузіазмомъ, сопровождая свои слова выразительной мимикой.

Невозможно описать оживленіе, блестѣвшее въ глазахъ дѣтей; страстная любовь къ отечеству—одна изъ отличительныхъ чертъ американцевъ; съ самаго юнаго возраста въ нихъ возбуждаютъ это чувство, породившее столько чудесъ въ послѣднюю войну. Преувеличеніе, съ которымъ они восхваляютъ величіе и добродѣтели своего отечества, можетъ заставить улыбнуться иностранца; однако въ этомъ одна изъ причинъ ихъ силы. Подобно тѣмъ сынамъ знаменитыхъ фамилій, которые видятъ въ дѣяніяхъ своихъ предковъ обязанность для себя не унижаться и ставить высоко честь своего дома, граждане Соединенныхъ Штатовъ стараются быть достойными имени «американцевъ», и значеніе, которое они придаютъ этому названію, служитъ имъ поощреніемъ къ самымъ благороднымъ по-

ступкамъ. Это довѣріе кажется намъ предпочтительнѣе крайней скромности, заставляющей другія націи до того соболѣзновать о своихъ недостаткахъ, что ими невольно овладѣваетъ сомнѣніе и отчаяніе. «Лучше для націи, говоритъ г. Аммеръ, слишкомъ уважать себя и восторгаться собою, чѣмъ унижать себя и соболѣзновать о себѣ».

Послѣ пѣнія снова раздался маршъ Бетховена, ученики составили ряды и направились къ своимъ классамъ въ такомъ же порядкѣ; маневры хорошо обученнаго полка не могли бы быть болѣе совершенны.

Комната, въ которую мы вошли, превосходно приспособлена къ занятіямъ. На стѣнахъ развѣшены рисунки изъ естественной исторіи, геометрическія и физическія фигуры и географическія карты; пониже, черная доска занимаетъ три стѣны комнаты; этотъ избытокъ досокъ казался намъ сначала лишнимъ, но мы не замедлили убѣдиться, что онъ составляетъ одно изъ самыхъ удачныхъ нововведеній, примѣненныхъ къ обученію американцами.

Другое усовершенствованіе также бросается въ глаза. Вмѣсто длиннаго ряда столовъ и скамеекъ, употребляемыхъ у насъ (благодаря которымъ разсѣянность дѣлается столь заразительною, такъ какъ прилежный ученикъ ежеминутно отвлекается отъ своего труда болтовней и шалостями своихъ сосѣдей), классъ, который мы осматриваемъ въ настоящую минуту, заключаетъ сотню маленькихъ отдѣльныхъ конторокъ. Каждый ученикъ имѣетъ свою конторку, чистую и блестящую какъ стекло, и свой стулъ, на которомъ онъ удобно сидитъ. Четыре узкихъ прохода окружаютъ его и уединяютъ со всѣхъ сторонъ; такимъ образомъ, если онъ и при этомъ устройствѣ будетъ разсѣянъ, то это случится только

потому, что онъ самъ хочетъ этого, и отвѣтственность лежитъ уже на немъ одномъ.

Мы присутствовали прежде всего при урокѣ ариѳметики, изученію которой этотъ коммерческій народъ придаетъ большое значеніе. Ученикамъ предлагаются задачи; мальчики, сидящіе на правой сторонѣ горячо принимаются за работу, чтобы не быть униженными своими подругами; всѣ головы наклонены въ положеніи самаго глубокаго размышленія. Мы не безъ грусти могли замѣтить вліяніе слишкомъ сильнаго умственнаго напряженія на эти слабые организмы. У большинства дѣтей цвѣтъ лица болѣзненно-блѣдный; ихъ худыя щеки, ихъ впалые глаза, ихъ преждевременно сгорбленная спина,—все выказываетъ въ нихъ то слишкомъ быстрое развитіе умственныхъ способностей, которое пріобрѣтается всегда въ ущербъ здоровью.

Самыя разумныя мѣры были однако приняты для уменьшенія часовъ занятій и введенія физическихъ упражненій; но онѣ плохо примѣнялись и не произвели желаемыхъ результатовъ. Американская раса, столь сильная по происхожденію, значительно утратила въ настоящее время свою силу; это вырожденіе происходитъ вѣроятно отъ того, что она не съумѣла поддержать здоровое равновѣсіе между духомъ и тѣломъ.

Однако задача, предложенная ученикамъ, была рѣшена и дѣвушки быстротою и правильностью счисленія одержали побѣду. Переходя тогда къ словеснымъ упражненіямъ, молодая учительница обратилась къ своимъ двѣнадцатилѣтнимъ слушателямъ съ вопросами, которые затруднили бы не одну сѣдую голову; напримѣръ:

«Взять пять седьмыхъ пятидесяти шести и найти сколькихъ десяти сотыхъ они составляютъ десять пятьнадцатыхъ?»

Двадцать рукъ поднялось одновременно, ибо дѣтямъ достаточно было одной минуты размышленія, чтобы освободить задачу отъ ея сложной формы и привести ее безъ помощи доски къ ея простѣйшему виду. Этотъ родъ умственной гимнастики, который можетъ сначала показаться пустой забавой, образуетъ умъ учениковъ; онъ научаетъ ихъ не пугаться громкихъ словъ и звучныхъ фразъ, но проникать въ суть дѣла; они вносятъ впослѣдствіи и въ обыденную жизнь привычку, пріобрѣтенную ими такимъ образомъ, и выигрываютъ въ томъ отношеніи, что не знакомятся съ нерѣшительностью, происходящею часто отъ воображаемыхъ трудностей. За арифметикой слѣдовала географія, которой обыкновенно посвящаютъ два урока въ недѣлю. Страна, которую дѣти знаютъ лучше всего и малѣйшія топографическія подробности которой воспроизводятся ихъ стѣнными картами, естественно—Американскій Союзъ; однако, такъ какъ намъ позволили присутствовать при урокѣ, то ради насъ занялись этотъ разъ исключительно Франціей.

Это любезное предложеніе показалось намъ нѣсколько смѣлымъ. Какой двѣнадцати лѣтній ученикъ въ состояніи у насъ говорить впродолженіе часу о горахъ, рѣкахъ, озерахъ Соединенныхъ Штатовъ, о геологическомъ свойствѣ ихъ почвы, объ ихъ естественныхъ произведеніяхъ? Къ нашему великому удивленію, молодые янки превосходно выдержали испытаніе. Въ то время, какъ одинъ изъ нихъ описывалъ теченіе Луары, другіе, стоя передъ доской, покрывающей почти всѣ стѣны комнаты, чертили мѣломъ извилины рѣки, назначали положеніе городовъ и намѣчали очертаніе департаментовъ, черезъ которые она протекаетъ. Благодаря этой системѣ, вниманіе всего класса возбуж-

дено, всѣ ученики пользуются урокомъ одного, и если послѣдній ошибался, то ошибку исправляли скорѣе они, чѣмъ учитель. Доска употребляется съ такою же пользою при курсахъ алгебры, геометріи и естественныхъ наукъ. Благодаря этому, между учениками установился одинаковый уровень образованія; тамъ нѣтъ, какъ это часто случается въ Европѣ, чего-то въ родѣ школьной аристократіи, сосредоточивающей на себѣ всѣ старанія учителя, тогда какъ плебеи предоставляются невѣжеству и лѣни.

Мы не будемъ говорить о чтеніи вслухъ, въ которомъ, надо сознаться, американцы не особенно отличаются, и поспѣшимъ дойти до самой живой части преподаванія — до исторіи и импровизаціи *). Изученіе древнихъ народовъ, даже изученіе среднихъ вѣковъ занимаетъ весьма ограниченное мѣсто въ общественныхъ школахъ; дѣтямъ позволяется не знать точное время сраженій при Левктрѣ и Мантинеѣ, но требуютъ, чтобы они знали малѣйшіе факты, происходившіе въ ихъ странѣ, чтобы они знали жизнь ихъ великихъ людей и проникались ихъ примѣрами. Конституція Соединенныхъ Штатовъ читается ученикамъ разъ въ недѣлю; горячій патріотизмъ внушаетъ учителямъ слова, полныя краснорѣчія, для выясненія всей ея мудрости и величія. Однимъ словомъ, все воспитаніе имѣетъ цѣлью внушить дѣтямъ любовь къ порядку и свободѣ и преданность къ учрежденіямъ ихъ отечества. Если бы на Югѣ были подобныя школы, то никогда не было бы войны, обагрившей кровью Союзъ.

*) Напротивъ, г. Гиппо отзывается съ большою похвалою о чтеніи въ американскихъ школахъ. «Я никогда не слыхалъ — пишетъ онъ — лучшаго чтенія и лучшаго произношенія прозы и стиховъ, какъ въ школахъ Соединенныхъ Штатовъ». («Общественное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ», стр. 46). *Изд.*

По знаку учительницы одинъ изъ учениковъ всталъ съ своего мѣста. Его выразительная физіономія, замѣчательный умъ, виднѣвшійся въ его глазахъ, немедленно возбудили во мнѣ интересъ. «Это сынъ бѣднаго городскаго ремесленника, сказала намъ учительница; онъ работаетъ уже два года въ качествѣ подмастерья въ одной механической мастерской.» О чемъ будетъ говорить намъ этотъ ребенокъ, воспитанный уже для тяжелыхъ ремесленныхъ работъ?

— Скажите намъ, спросили его, что вы думаете о правѣ всеобщей подачи голосовъ, данномъ неграмъ?

Молодой ученикъ задумался на минуту, затѣмъ, не смущаясь присутствіемъ своихъ товарищей и множествомъ посѣтителей, которые, какъ и мы, находились при урокѣ, онъ началъ спокойнымъ голосомъ излагать настоящее положеніе этого вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ, опровергалъ доводы, приводимые обыкновенно тѣми, которые не признаютъ правъ черныхъ; затѣмъ, онъ изслѣдовалъ интересы страны и показалъ согласіе этихъ интересовъ съ великими принципами справедливости и братства. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, его лицо оживлялось, его голосъ возвышался и дрожалъ; забывая его неправильное произношеніе и ошибки языка, мы обращали лишь вниманіе на его великодушныя убѣжденія, на его здравый смыслъ и ораторскій талантъ. Слѣдуетъ-ли прибавлять, что будущій трибунъ нашелъ возможность ввести въ свою рѣчь пышную похвалу своимъ соотечественникамъ? Вездѣ и всегда Соединенные Штаты составляютъ idée fixe американцевъ, всѣ пути приводятъ ихъ къ предмету ихъ поклоненія.

Такимъ-то образомъ всѣ самыя серьезныя соціальныя задачи подвергаются въ Америкѣ изслѣдованію

дѣтей; школа тамъ не мирное убѣжище размышленія и ученія, въ ней также отражаются волненія трибуны. Одинъ англичанинъ услышалъ тамъ однажды разсужденіе о поведеніи Великобританіи во время войны Сѣвера и Юга. Полная свобода мнѣній предоставлена молодымъ ораторамъ; они могутъ по ихъ выбору поддерживать какое хотятъ мнѣніе и учитель ни въ какомъ случаѣ не старается помѣшать ихъ независимости.

Короче, все образованіе въ заведеніяхъ всѣхъ разрядовъ направлено къ политикѣ. Въ ребенкѣ видятъ болѣе гражданина и дѣятельнаго члена свободнаго общества, чѣмъ частнаго человѣка и будущаго отца семейства, и съ этой точки зрѣнія, система американскихъ общественныхъ школъ производитъ плоды, справедливо возбуждающіе удивленіе иностранцевъ.

«Умъ, вносимый этимъ народомъ въ общественныя дѣла, поистинѣ замѣчателенъ, говоритъ г. Фразеръ; если сравнить, что касается политическаго смысла и умственной дѣятельности, выказываемой въ правительственныхъ вопросахъ, — фермера или американскаго ремесленника съ англичаниномъ той же профессіи, то контрастъ, существующій между ними, будетъ поразителенъ. Мнѣ разсказывали, что въ Соединенныхъ Штатахъ земледѣльцы, идущіе за плугомъ, охотно останавливаютъ своихъ воловъ, чтобы рѣшать задачу изъ области высшей математики. Я полагаю однако, что если они прерываютъ свой сельскій трудъ, чтобы войти въ область мысли, то они предпочтутъ политику дифференціальному счисленію и займутся скорѣе конкретною дѣйствительностью, чѣмъ отвлеченными алгебраическими умозрѣніями. Какъ бы тамъ ни было, въ Соединенныхъ Штатахъ каждый считаетъ необходимымъ ознакомить дѣтей съ принципами конституціи и

съ обязанностями, которыя они должны будутъ исполнять относительно своихъ согражданъ и относительно націи».

Не имѣетъ ли это признаніе политическаго превосходства особенной убѣдительности въ устахъ англичанина, которому было поручено познакомить его правительство съ положеніемъ соперничающей страны?

ГЛАВА IX.

Высшее образованіе.

Видя заботы государства относительно образованія юношества, не безъ удивленія узнаешь, что оно вовсе не вмѣшивается въ руководство высшимъ образованіемъ. Нѣтъ ни официальныхъ университетовъ, ни профессоровъ, содержимыхъ правительствомъ, ничего, рѣшительно ничего, что могло бы быть поставлено на ряду съ Сорбонной или Collége de France. Всѣмъ гражданамъ даютъ полное образованіе, достаточное для огромнаго большинства изъ нихъ; что же касается до высшихъ наукъ, занятіе которыми требуетъ досуга, составляющаго привиллегію богатыхъ класовъ, то американцы полагаютъ, что государству нечего о нихъ заботиться. Зажиточныя семейства могутъ сами платить за особое образованіе, требуемое ими для ихъ сыновей, а съ той минуты, какъ они поддерживаютъ его на свой счетъ, справедливость требуетъ, чтобы они и вели его по своему желанію.

Въ странѣ, гдѣ личная инициатива столь дѣятельна, можно было впрочемъ безъ страха предоставить частнымъ лицамъ заботу поддерживать коллегіи и академіи. Центральная администрація не оставила въ ихъ рукахъ начальныя заведенія, потому что она хотѣла,

помощью образованія, даваемаго дѣтямъ, дать всей странѣ характеръ единства. Достигнувъ этой цѣли, она отстраняется, и уже частныя лица продолжаютъ дѣло, которое она оставила.

Множество академій (ихъ считаютъ въ настоящее время 236) выростаютъ со всѣхъ сторонъ, благодаря общественнымъ пожертвованіямъ; то, что короли и аристократія дѣлали въ Европѣ въ средніе вѣка, дѣлаютъ теперь въ Америкѣ купцы и фабриканты. Ничего не можетъ быть легче, какъ основать тамъ коллегію; государство никогда не отказываетъ въ своемъ разрѣшеніи; частныя лица всегда охотно развязываютъ свои кошельки. Даже нѣкоторые ремесленники и земледѣльцы, слишкомъ бѣдные, чтобы давать деньгами, выражали свое сочувствіе скромными приношеніями— дарами природы. Такъ, Кембриджскій университетъ, близъ Бостона, сохранилъ имена своихъ скромныхъ благотворителей, которые приносили одни нѣсколько метровъ полотна, другіе посуду, ложку, блюдо, фрукты и т. д.

Учрежденныя такимъ образомъ заведенія имѣютъ, какъ французскіе университеты, право выдавать всѣ ученыя степени. Ихъ программа занятій весьма обширна; въ нее входятъ: греческій, латинскій языки, классическія древности, древняя и новая исторія, различныя литературы Европы, философія, полный курсъ высшей математики, астрономія, минералогія, геологія и т. д. Ученые профессора, приглашаемые иногда изъ Европы, преподаютъ въ этихъ коллегіяхъ; однимъ словомъ, учредители ничѣмъ не пренебрегаютъ, чтобы сдѣлать образованіе столь законченнымъ, какъ только возможно.

Ихъ старанія однако не достигаютъ полнаго успѣха; но это слѣдуетъ приписать положенію страны, а не

недостаткамъ высшаго образованія. Высшее умственное развитіе — роскошь общества; оно принадлежитъ только такимъ обществамъ, которыя, обогащенныя трудомъ многочисленныхъ поколѣній, имѣютъ время думать о предметахъ чисто умственныхъ. Америка еще слишкомъ молода, чтобы безраздѣльно отдаваться наукѣ; широкая карьера открывается передъ нею: сколько территорій надо еще покорить цивилизаціи, сколько лѣсовъ расчистить, сколько городовъ построить, сколько работъ предпринять! Каналы, желѣзныя дороги, мосты, торговля, промышленность, мореходство,—все въ одно время призываетъ ее, все возбуждаетъ въ ней потребность лихорадочной дѣятельности. При такихъ обстоятельствахъ, какъ могутъ молодые люди, въ лучшіе годы своей жизни, запираться въ стѣнахъ коллегіи и истощать себя надъ учеными книгами? Желающіе пріобрѣсти такое образованіе, которое можетъ поставить ихъ выше толпы, сокращаютъ по возможности время, съ сожалѣніемъ посвящаемое ими наукѣ. Выйдя приблизительно въ семьнадцать лѣтъ изъ общественныхъ школъ, они воображаютъ, что къ двадцати одному году они пробѣжали уже весь обширный курсъ человѣческихъ знаній; въ четыре года они должны пройти всѣ предметы, находящіеся въ программѣ академіи. Безполезно прибавлять, что по истеченіи этого періода они могутъ пожалуй сдѣлаться весьма искусными негоціантами и даже вліятельными членами Конгресса, но они далеко не могутъ назваться учеными.

Хотя тревожная дѣятельность американскаго народа мѣшаетъ ему посвящать необходимое время наукѣ и хотя въ области мысли онъ дѣйствуетъ часто какъ тѣ колонисты, которые обработаютъ поле и затѣмъ, не дождавшись жатвы, идутъ въ другое мѣсто, начинать

новую борьбу съ природою, нельзя однако оспаривать, что онъ вноситъ въ занятія рѣдкій умъ и замѣчательную силу воли. Впродолженіе четырехъ лѣтъ, проведенныхъ въ коллегіи, молодые люди усваиваютъ по истинѣ замѣчательную дозу образованія. Впрочемъ, въ это время все вокругъ нихъ благопріятствуетъ занятіямъ. Академіи находятся не въ самыхъ городахъ; дѣловой шумъ торговли не достигаетъ ихъ стѣнъ; онѣ образуютъ большею частью небольшія хорошенькія селенія, полныя тѣни и тишины; красный кирпичъ домиковъ, предназначаемыхъ для профессоровъ, скрывается за темною зеленью деревъ. Когда вступаешь въ эти святилища, то кажется, какъ будто находишься весьма далеко отъ промышленной и шумной Америки. Главный корпусъ зданія, гдѣ живутъ ученики, имѣетъ обыкновенно мирный видъ, напоминающій средневѣковые монастыри.

Учителя, которымъ поручено образованіе юношества въ этихъ убѣжищахъ, такъ хорошо предохраняемыхъ отъ внѣшнихъ вліяній, считаютъ между собою первоклассныхъ ученыхъ, г. Агассиса напримѣръ, котораго Соединенные Штаты похитили у Европы. Наконецъ, общественная щедрость снабдила главныя коллегіи обсерваторіями, физическими аппаратами, анатомическими и естественно-историческими кабинетами, которымъ могли бы позавидовать многіе города стараго континента. Гарвардовъ или Кембриджскій университетъ обладаетъ лучшимъ телескопомъ въ мірѣ; онъ стоилъ 20,000 долларовъ (около 25,000 руб.), а гранитъ, поддерживающій его, стоилъ 5,000 (6,250 руб.). Зоологическій музей, учрежденный при той же коллегіи г. Агассисомъ, не менѣе замѣчателенъ; онъ содержитъ, можетъ быть, самыя любопытныя и наилучшимъ образомъ организованныя коллекціи въ свѣтѣ.

Академіи состоятъ подъ руководствомъ обществъ попечителей *(trustees)*, которыя управляютъ имуществомъ, выдаютъ степени, избираютъ профессоровъ.

Въ большинствѣ штатовъ правительство воздерживается отъ всякаго вмѣшательства; только въ Нью-Іоркѣ и Массачузетѣ оно даетъ университетамъ нѣкоторыя субсидіи, подъ условіемъ, чтобы они приняли извѣстный контроль; но этотъ контроль ограничивается только правомъ *veto*, которое, впрочемъ, весьма рѣдко примѣняется.

Свобода преподаванія не единственная черта, отличающая коллегіи Новой Англіи. Тогда какъ во Франціи печальный обычай отдѣляетъ высшую науку отъ религіи и пріучаетъ юношество смотрѣть на науку и на вѣру, какъ на два непримиримые врага, американцы, развивая умъ, укрѣпляютъ и вѣру. Мы видѣли какое слабое мѣсто занимаетъ религія въ начальныхъ заведеніяхъ; семьѣ предоставляютъ заботу о религіозномъ образованіи. Въ академіяхъ же религіозное обученіе играетъ большую роль и большая часть изъ нихъ находится подъ покровительствомъ церкви. Даже въ тѣхъ, гдѣ допускаются ученики различныхъ вѣроисповѣданій, гдѣ евреямъ дозволяется соблюдать свой шабашъ, а католикамъ — всѣ свои праздники, никому не дозволяется быть равнодушнымъ и невѣрующимъ. Протестанты должны ходить въ церковь разъ въ день и два раза въ воскресенье; тотъ изъ нихъ, который безъ законной причины отклонился отъ этого три или четыре раза въ годъ, исключается изъ заведенія. Сила религіознаго чувства въ свободной и терпимой Америкѣ такова, что сочли бы нарушеніемъ интереса націи, общества и семьи, если бы все воспитаніе не было основано на религіи.

Это напоминаетъ намъ одинъ довольно любопытный анекдотъ.

Одинъ европейскій путешественникъ обѣдалъ за table d'hôte, въ сельской гостинницѣ. Разговоръ зашелъ о вѣрованіяхъ и самыя различныя мнѣнія были высказаны: одинъ былъ методистъ, другой унитаріанецъ; одинъ ирландецъ защищалъ противъ квакера католицизмъ своихъ отцовъ. Вдругъ одинъ изъ гостей, обращаясь къ иностранцу, который насмѣшливо улыбался при этомъ разногласіи, спросилъ:

— А вы, который, кажется, смѣетесь надъ нами, какая ваша вѣра?

— Моя? отвѣчалъ тотъ,—я смотрю на религію, какъ на предметъ вѣчныхъ разногласій и споровъ; я нахожу болѣе мудрымъ не имѣть никакой религіи.

— Никакой религіи? вскричалъ хозяинъ гостинницы, вскакивая. — Любезный другъ, сдѣлайте мнѣ удовольствіе выйти вонъ. Мы не угощаемъ людей, которые ни во что не вѣрятъ.

Можетъ быть, усердіе достойнаго американца найдутъ излишнимъ, и мы нисколько не желаемъ представлять его, какъ образецъ христіанскаго милосердія; но его отвѣтъ какъ нельзя лучше рисуетъ чувство, преобладающее въ Соединенныхъ Штатахъ: глубокое убѣжденіе въ необходимости религіозныхъ вѣрованій.

Искренняя вѣра поддерживаетъ чистоту нравовъ, любовь къ занятіямъ изгоняетъ опасныя и пустыя мысли. Это обстоятельство объясняетъ странную и смѣлую мѣру, принятую многими коллегіями Сѣвера и Запада: соединеніе въ одномъ и томъ же классѣ молодыхъ людей съ молодыми дѣвушками восемьнадцати—двадцати лѣтъ.

Такъ какъ эти университеты (коллегіи) состав-

ляютъ наименѣе извѣстную часть американскаго высшаго образованія, то, чтобы дать понятіе о нихъ, мы отправимся съ читателемъ въ самую старинную и самую значительную смѣшанную коллегію, Оберлинскую, въ Огіо. Остановясь въ гостинницѣ, находящейся при входѣ въ селеніе, мы спрашиваемъ дорогу въ академію. Прохожій, къ которому мы обратились, съ удивленіемъ смотритъ на насъ: «академія? да она вездѣ вокругъ васъ». Оберлинъ, дѣйствительно, состоитъ только изъ зданій, посвященныхъ занятіямъ, и изъ домиковъ, занимаемыхъ профессорами, студентами и тѣми, которые тѣмъ или другимъ образомъ заботятся объ удовлетвореніи матеріальныхъ нуждъ заведенія. Все вмѣстѣ образуетъ маленькій городокъ, приблизительно въ четыре тысячи душъ, неправильныя улицы котораго и деревянныя жилища, окруженныя большими садами, сохранили совершенно первобытный видъ.

Оберлинъ былъ основанъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Густые лѣса, гдѣ никогда не раздавался звукъ топора колониста, покрывали тогда эту часть Огіо; однѣ только тропинки, проложенныя индѣйцами, пересѣкали эту пустыню; вой волковъ, шипѣніе пресмыкающихся, или паденіе какого нибудь столѣтняго дерева—вотъ единственный шумъ, который можно было тамъ слышать.

Г. Шифердъ, пасторъ пресвитеріанской церкви, безъ труда получилъ въ этой дикой мѣстности нѣсколько гектаровъ земли для устройства школы. Предпріятіе было трудное, но основатель новой коллегіи ожидалъ отъ него большихъ результатовъ. Онъ хотѣлъ помочь распространенію религіозныхъ доктринъ и вмѣстѣ съ тѣмъ организовать обширную систему образованія для обоихъ половъ. Попытка имѣетъ большое значеніе въ виду развитія, получаемаго въ настоящее время за-

падной Америкой. Огіо одинъ изъ главныхъ центровъ, откуда умственный и нравственный свѣтъ распространится на округи Миссури и Арканзаса.

Заведеніе было открыто въ день Рождества. Годъ спустя, сто учениковъ находились уже въ этомъ университетѣ, затерянномъ среди пустыни, къ которому вели почти непроходимыя дороги.

Этимъ быстрымъ успѣхомъ обязаны были слѣдующему обстоятельству. Г. Шифердъ произвелъ настоящую революцію въ высшемъ преподаваніи. До тѣхъ поръ высокая цѣна курсовъ, трудность посвящать занятіямъ годы, требуемые для болѣе выгоднаго труда, ограничивали посѣщеніе университетовъ небольшимъ числомъ умственной аристократіи. Съ основаніемъ Оберлина наука сдѣлалась доступна всѣмъ. Не только уроки давались тамъ за баснословную цѣну—12 долларовъ въ годъ, но бѣднымъ ученикамъ дозволялось еще заниматься ручнымъ трудомъ, доходъ съ котораго покрывалъ ихъ ежедневные расходы. Однажды молодая дѣвушка извинялась, что не могла присутствовать при урокѣ физики, потому что она кончала платье, за которое должна была получить деньги, чтобы заплатить за квартиру и столъ семьѣ, гдѣ она жила. Другой разъ это былъ башмачникъ, которому нужно было кончить сапоги.

Поэтому нельзя встрѣтить въ Оберлинѣ тѣ манеры, которыя почти вездѣ отличаютъ образованныхъ людей; студенты по американскому обычаю протягиваютъ свои ноги на конторку, такъ что онѣ приходятся на одной высотѣ съ головой. Ихъ голосъ рѣзокъ и манеры грубы. Но эти ученики, обращеніе которыхъ оставляетъ еще столько желать, принадлежатъ къ бѣдному классу; это рабочіе, сыновья скромныхъ

колонистовъ, прекращающіе на нѣкоторое время свои работы, чтобы пріобрѣсти прочное образованіе. Между ними встрѣчаются даже милиціонеры, которыхъ недавній миръ вернулъ къ гражданской жизни и которые вносятъ въ занятія ту же пылкость, какая выказывалась ими прежде при сраженіи съ солдатами генерала Ли. Удивительная вещь! Эти молодые люди слушаютъ лекціи вмѣстѣ съ восемнадцатилѣтними дѣвушками, ихъ профессоръ — дѣвушка приблизительно такого же возраста, и между тѣмъ никогда порядокъ не нарушается ни на минуту, никогда не произносится ни одно неприличное слово!

Не менѣе смѣлымъ нововведеніемъ было приглашеніе, сдѣланное неграмъ, воспользоваться образованіемъ, столь щедро предлагаемымъ бѣлымъ обоего пола. Извѣстенъ предразсудокъ, который даже въ штатахъ Сѣвера налагаетъ на черныхъ нѣчто въ родѣ пятна. Хотя тамъ и смотрятъ на рабство какъ на преступленіе, а между тѣмъ мулату запрещено ѣздить въ общественной каретѣ, на пароходѣ онъ не можетъ садиться за общій столъ; въ началѣ послѣдней войны ему даже не дозволялось умереть за освобожденіе своего племени; его кровь, смѣшанная на полѣ битвы съ кровью бѣлыхъ, была бы для послѣднихъ поношеніемъ. Г. Амперъ разсказываетъ о тяжеломъ впечатлѣніи, сдѣланномъ на него скромностью одного трактирнаго слуги-негра, который, передавая ему деньги, тщательно избѣгалъ дотронуться до его руки. Общественныя школы Новой Англіи провозглашали, правда, что они открыты для цвѣтныхъ дѣтей, также какъ и для другихъ; но эта великодушная попытка дѣлала честь законодательству, не измѣняя нравы. Г. Шифердъ не побоялся открыто возстать противъ предразсудка. Онъ рѣшилъ,

что студенты-негры будутъ допускаться въ Оберлинъ на вполнѣ равныхъ условіяхъ съ бѣлыми. Эта мѣра возбудила сначала сильное противодѣйствіе. Президента новаго университета не поколебали, однако, ни протесты враговъ черной расы, ни боязливые совѣты нѣкоторыхъ филантроповъ, которые упрекали его въ томъ, что онъ давалъ несчастнымъ, поставленнымъ внѣ общихъ правъ, образованіе, способное только заставить ихъ еще съ большею горечью почувствовать свое грустное положеніе. Цвѣтные юноши и дѣвушки, воспитываемые въ оберлинскомъ университетѣ, дѣйствительно отличаются грустнымъ выраженіемъ лица; они знаютъ, сколько препятствій имъ предстоитъ побороть. Но развѣ можно уничтожить когда-либо общественныя преграды, стѣсняющія черныхъ даже послѣ ихъ освобожденія, иначе, какъ указавъ, что они способны къ высшему умственному и нравственному развитію и что съ этихъ поръ несправедливый предразсудокъ, исключающій ихъ изъ общества, не имѣетъ уже даже и тѣни основанія?

Въ то время, какъ анти-рабовладѣльческія доктрины находили въ Оберлинѣ сильную поддержку, въ немъ устраивалась цвѣтущая богословская школа, члены которой, одушевленные духомъ прежнихъ пуританъ, посѣщали во время вакацій сосѣдніе города, проповѣдуя пресвитеріанскую вѣру, уча воздержанію и простотѣ. Множество адептовъ слѣдовали призыву и увеличивали населеніе коллегіи или, лучше, общины, ибо академіи Запада имѣютъ болѣе религіозный характеръ, чѣмъ литературный. Въ Оберлинѣ лекціи непремѣнно начинаются гимномъ или молитвою; религіозныя собранія, *prayer-meetings*, бываютъ почти каждый день, и присутствующее юношество выказываетъ

вполнѣ аскетическое рвеніе. Одни встаютъ съ слезами на глазахъ, чтобы обвинять себя въ недостаточно твердой вѣрѣ и просить у собранія помочь ему молитвами; другіе, съ лицомъ, сіяющимъ энтузіазмомъ, славятъ Спасителя за то, что онъ исторгъ ихъ изъ пропасти; всѣ попеременно, съ глубокой благодарностью, выражаютъ благо, которое религія сдѣлала ихъ душѣ.

Пусть, однако, не думаютъ, что эти пылкіе неофиты совершенно погружены въ созерцаніе. Тотчасъ же послѣ описанныхъ нами религіозныхъ упражненій и даже не выходя изъ капеллы, они начинаютъ различныя разсужденія о свѣтскихъ предметахъ; церковная каѳедра превращена въ трибуну, съ которой пылкіе ораторы поддерживаютъ политическіе тезисы. Однажды одинъ ученикъ заключилъ собраніе весьма остроумною рѣчью, названною имъ «*Наши очки*», въ которой онъ сдѣлалъ обзоръ различныхъ предразсудковъ, представляющихъ намъ многія вещи въ ложномъ видѣ.

Нельзя ожидать, чтобы въ академіи, состоящей большею частью изъ пролетаріевъ, занятія были такъ же основательны, какъ въ Гарвардовой, Уэльской и Нью-Гемпширской коллегіяхъ. Греческій и латинскій языки стоятъ въ программѣ, но ихъ только слегка касаются, и учителя сосредоточиваютъ всѣ свои старанія на наукахъ, приносящихъ болѣе непосредственную пользу.

Ни одинъ ученикъ Оберлинской академіи не можетъ, конечно, выдержать сравненія съ учениками французской нормальной школы; надо признать, однако, что для людей, призванныхъ жить съ грубыми колонистами Небраски, они имѣютъ еще очень высокій умственный уровень.

Какое мѣсто занимаютъ католическіе университеты

въ этой обширной сѣти образованія? Римская церковь, благодаря предоставленной ей свободѣ, съ каждымъ днемъ увеличивается въ Соединенныхъ Штатахъ. Она почти безраздѣльно господствуетъ во многихъ округахъ Иллинойса; она преобладаетъ въ Коннектикутѣ, гдѣ она достигла того, что религіозное обученіе дается дѣтямъ ея общины священниками. Въ 1861 году она уже основала 96 мужскихъ академій и 212 женскихъ заведеній для высшаго образованія; коллегіи, руководимыя іезуитыми, пользуются большою извѣстностью въ Нью-Іоркѣ, въ Массачузетѣ, въ Балтиморѣ, въ Вашингтонѣ, въ Цинциннати, въ Сан-Луи, въ Новомъ Орлеанѣ, въ Мобилѣ; научное образованіе этого ордена и талантъ его къ воспитанію юношества побудили большую часть плантаторовъ поручить имъ своихъ дѣтей. Пропаганда еще болѣе дѣятельна въ новыхъ штатахъ, на дѣвственной почвѣ, гдѣ всякое сѣмя должно производить обильную жатву.

Итакъ, прочное образованіе, религіозное вѣрованіе и политическія убѣжденія—вотъ та тройная сила, съ которою университетское юношество побѣждаетъ Западъ; Америка, полная жизни и крѣпости, формируется и въ этихъ пустыняхъ; вездѣ въ раждающихся деревняхъ школа создается рядомъ съ церковью.

Конечно, свобода, предоставленная уму въ религіозной области, привела Америку ко многимъ заблужденіямъ и ко многимъ ошибкамъ; если пробѣжать исторію сектъ, возникшихъ тамъ въ послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ, то съ испугомъ остановишься при видѣ всѣхъ безумствъ, въ которыя человѣкъ можетъ впасть, сбросивъ съ себя всякую узду. Однако изъ среды всей этой неурядицы выдѣляется одинъ фактъ, бросающійся прежде всего въ глаза каждаго; это то, что величіе

Соединенныхъ Штатовъ основано на двухъ прочныхъ фундаментахъ: на глубокомъ религіозномъ чувствѣ и на широко распространенномъ образованіи. Съ такими опорами нація можетъ противостоять многимъ бурямъ.

ГЛАВА X.

Женское образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ.

Никому не безъизвѣстно, какое всестороннее и непреодолимое, хотя большею частью неявное вліяніе имѣютъ женщины на нравы и судьбу страны. Въ странахъ, гдѣ онѣ унижены, цивилизація дряхлѣетъ и умираетъ; тѣ же государства, напротивъ, въ которыхъ мы видимъ ихъ свободными, чистыми и уважаемыми, могутъ надѣяться на блестящую будущность.

Не о духовныхъ только обѣщаніяхъ говорится въ писаніи: «Сынъ рабыни не унаслѣдуетъ съ сыномъ свободной женщины». Это слово одинаково примѣняется къ мірскому царству, къ богатому наслѣдію Адамова племени. Почти всегда могущество и продолжительность цивилизаціи соразмѣряется съ уваженіемъ, которымъ окружаютъ жену и мать; то время, когда Римъ достигъ наибольшей славы, было также временемъ, когда его матроны внушали своимъ сыновьямъ любовь къ сильнымъ добродѣтелямъ; и если въ наше время Востоку, повидимому, грозитъ неизбѣжная гибель, то это особенно надо приписать упадку женщины, распущенность которой отражается и на домашнемъ очагѣ.

Америка представляетъ тому блестящія доказательства. «Если-бы меня спросили, говоритъ Токвиль, чему

по моему мнѣнію слѣдуеть преимущественно приписать удивительное благосостояніе и возрастающее величіе этого народа, я бы отвѣтилъ — превосходству его женщинъ». Но въ чемъ-же состоитъ ихъ превосходство, чѣмъ оно поддерживается? Здѣсь намъ слѣдуетъ снова вернуться къ образованію и опредѣлить точнѣе, чѣмъ мы это сдѣлали, участіе, предоставляемое дѣвушкамъ системой образованія въ Соединенныхъ Штатахъ.

Американцы, пылкій характеръ которыхъ никогда не останавливается на полумѣрахъ, не побоялись въ этомъ случаѣ открыто нарушить преданія старой Европы. Полагая не безъ причины, что для того, чтобы воспитать къ хорошимъ нравамъ своихъ дѣтей, чтобы имѣть на своихъ сыновей здоровое вліяніе, чтобы сохранить свой авторитетъ, мать семейства не должна ограничиться только умѣньемъ владѣть «наперсткомъ, ниткой и иглой»; они широко открыли для женщинъ источники образованія, приготовленные для мужчинъ.

Братъ и сестра сидятъ другъ возлѣ друга въ общественной школѣ, многочисленные университеты были учреждены для женщинъ, ни одно занятіе не считается слишкомъ возвышеннымъ для нихъ; въ математикѣ, алгебрѣ, въ естественныхъ и отвлеченныхъ наукахъ онѣ соперничаютъ съ студентами другаго пола и часто берутъ верхъ надъ ними. Такъ, въ высшей школѣ Чикаго изъ девятнадцати главныхъ наградъ въ 1865 году только четыре были получены мальчиками; единственные ученики греческаго и латинскаго языковъ, встрѣчаемые въ городѣ Детроа—молодыя дѣвушки; единственные адепты астрономіи—опять молодыя дѣвушки; профессора физики—все молодыя дѣвушки.

Эта особенность, впрочемъ, нисколько не удивляетъ, когда подумаешь о многочисленныхъ занятіяхъ, зем-

ледѣльческихъ, промышленныхъ, и торговыхъ, отвлекающихъ съ раннихъ поръ молодыхъ людей отъ науки. Женщины, менѣе отвлекаемыя требованіями дѣятельной карьеры, употребляютъ для образованія своего ума все время, которое мужчина проводитъ въ пріобрѣтеніи себѣ богатства. Онѣ пріобрѣтаютъ такимъ образомъ то вѣрное сужденіе, ту возвышенность характера, которымъ онѣ вездѣ снискиваютъ такое большое уваженіе; американцы не видятъ въ нихъ нѣчто въ родѣ низшаго существа, передъ которымъ свѣтское приличіе заставляетъ преклоняться по причинѣ его слабости и прелести, но которое въ душѣ весьма мало уважаютъ; они научились цѣнить ихъ разумъ, уважать ихъ добродѣтели, и самый развратный человѣкъ такъ глубоко проникнутъ уваженіемъ къ женщинамъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ молодая дѣвушка можетъ безъ всякой опасности предпринять одна длинное путешествіе. Вездѣ на желѣзныхъ дорогахъ, на пароходахъ, въ общихъ залахъ, лучшее мѣсто принадлежитъ ей.

Эта вѣжливость доходитъ даже слишкомъ далеко; она простирается даже на мужчинъ, имѣющихъ съ собой даму. Женщинамъ оказывается вездѣ преимущество, а вмѣстѣ съ ними и ихъ кавалерамъ. Иногда хитрый путешественникъ беретъ подъ руку старую крестьянку и проходитъ такимъ образомъ впереди всѣхъ, потому что у него *lady in charge*.

Довѣріе, внушаемое серьезнымъ образованіемъ американокъ, незамѣтно привело къ тому, что въ ихъ руки перешла значительная часть общественнаго образованія. Имъ досталась святая задача воспитывать юношество; у нихъ не отнимаютъ порученное ихъ заботамъ дитя, лишь только его душа пробуждается,

изъ страха, что его сердце и способности разслабнутъ. Мы видѣли, что онѣ выказываютъ себя достойными той благородной обязанности, которая имъ поручена; нигдѣ общественный духъ не бываетъ болѣе свободнымъ, болѣе гордымъ, болѣе смѣлымъ, и въ тоже время болѣе религіознымъ, болѣе подчиняющимся законамъ, чѣмъ въ этой республикѣ, гдѣ преподаванiе большею частью поручено женщинамъ.

Что же касается тѣхъ, которыхъ такая революція въ старыхъ обычаяхъ можетъ испугать, и которые осудятъ Америку за то, что она такъ широко открыла своимъ дочерямъ сферу образованія, мы имъ напомнимъ, что новыя потребности требуютъ и новыхъ учрежденій. Въ прежнее время, когда женщина должна была сама прясть шерсть, ткать одежду семьи, наблюдать за приготовленіемъ масла и вина, присутствовать въ кладовой и на гумнѣ, руководить, однимъ словомъ, всѣми домашними работами, которыя въ настоящее время распредѣлены между пятнадцатью или двадцатью различными ремеслами, въ то время было бы неосторожно отвлекать ея вниманіе отъ этой существенной обязанности, отъ которой зависѣло благосостояніе и благоустройство дома. Успѣхи промышленности измѣнили это положеніе вещей, и оставшіеся отъ него слѣды мало по малу исчезаютъ. Благодаря раздѣленію труда, системѣ обмѣна, усовершенствованію механическихъ способовъ, женщина освобождена отъ ручнаго труда, на который она была обречена. Нѣсколько бѣглыхъ приказаній, данныхъ прислугѣ, разумное наблюденіе, вотъ весьма часто чѣмъ ограничивается матеріальный трудъ женщинъ. Конечно, чтобы достойно исполнять его, чтобы ввести въ свой домъ изящество и комфортъ, чтобы уравновѣсить расходъ съ приходомъ

безъ мелочной бережливости и безъ расточительности, надо имѣть серьезныя нравственныя качества; мать семейства образуетъ по своему образцу домашній очагъ. Тѣмъ не менѣе этихъ заботъ недостаточно, чтобы наполнить свободные часы, надо найти другую пищу для дѣятельности ума; отсюда тѣ шумныя удовольствія, тѣ развлеченія, которыя имѣютъ цѣлью разогнать скуку праздной жизни. Въ настоящее время сильно жалуются на пустоту женщинъ; но эту пустоту не слѣдуетъ ли скорѣе вмѣнить въ вину обществу, которое, освободивъ ихъ отъ ихъ прежнихъ занятій, не дало имъ никакой равнозначительной работы? Американцы первые осуществили столь христіанскую мысль объ общедоступномъ образованіи; они первые также изгнали предразсудокъ, утверждающій, что женскій умъ неспособенъ къ наукѣ. Желая создать свободную и сильную націю, они поняли, что слѣдуетъ дать энергическій закалъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ жены и матери.

Молодыя дѣвушки съ раннихъ лѣтъ научаются размышлять и самостоятельно судить о вещахъ. Ихъ не оставляютъ тамъ въ томъ счастливомъ невѣдѣніи, которое въ Европѣ прибавляетъ къ ихъ красотѣ столько наивной граціи; но ихъ научаютъ ненавидѣть зло, искать добро и истину и слѣдовать имъ. Вооруживъ ихъ такимъ образомъ, не боятся втолкнуть ихъ въ свѣтъ, и умѣніе, съ которымъ онѣ ведутъ себя, оправдываетъ эту смѣлость. Ничего не можетъ быть любопытнѣе, какъ видъ собраній молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ. Родители оставляютъ ихъ безъ надзора въ залѣ; разговоръ идетъ живой, веселый; полная свобода царствуетъ въ этомъ веселомъ роѣ, но никогда вы не услышите въ немъ вѣтреннаго слова; даже

ухаживаніе тамъ неизвѣстно; можно подумать, что находишься въ обществѣ братьевъ и сестеръ.

Строгость нравовъ отражается и въ литературѣ. Чтобы пріобрѣсти извѣстность, въ Европѣ часто достаточно написать скандальную книгу и скандалъ замѣнитъ талантъ; такія произведенія не найдутъ читателей въ Соединенныхъ Штатахъ. Общественный духъ, привыкшій къ чистой, высокой атмосферѣ, быстро осудитъ эти постыдныя заблужденія воображенія.

Самый способъ заключенія браковъ и супружеская вѣрность, слѣдующая за ними, достаточно доказываетъ, какъ разумно развивать сужденіе женщины и предоставлять ей самой заботу охранять свою добродѣтель. Молодая американка свободно выбираетъ себѣ мужа. Вмѣсто того, чтобы бросать ее еще ребенкомъ въ объятія мужа, обыкновенно неспособнаго закончить ея нравственное воспитаніе, родители выжидаютъ пока ея умъ созрѣетъ, ея воля окрѣпнетъ, затѣмъ они оставляютъ ее госпожей своей судьбы, предоставляя ее самой себѣ. Она знаетъ всю важность обязанностей, налагаемыхъ бракомъ; она уже женщина образованная и серьезная въ то время, когда она беретъ ихъ на себя. Кромѣ того, человѣкъ, съ которымъ она соединяетъ свою жизнь, не чужой для нея: простота нравовъ позволила ей познакомиться съ нимъ уже давно; можетъ быть, они вмѣстѣ учились въ одной школѣ; она могла наблюдать за его вкусами и за его характеромъ; нечего ей бояться тѣхъ печальныхъ разочарованій, которыя слѣдуютъ за несчастнымъ бракомъ.

Эта глубокая симпатія между супругами тѣмъ болѣе здѣсь необходима, что, вступая въ бракъ, американка встрѣчается лицомъ къ лицу съ серьезными,

важными обязанностями. Она оставляетъ независимое положенiе не для праздничной, веселой жизни; брачная церемонiя не служитъ для нея чѣмъ то въ родѣ освобожденiя; она прощается, напротивъ, съ свободой своей юности, чтобы замкнуться въ сферѣ домашняго очага, сферѣ, которую пуританская строгость дѣлаетъ весьма узкою. Если она вышла замужъ за колониста, она слѣдуетъ за нимъ въ пустыню, раздѣляетъ его усталости, его лишенiя; если она сдѣлалась женою судохозяина, негоцiанта, фабриканта, ей потребуется, можетъ быть, еще болѣе энергiи и преданности; извѣстно, какъ быстро въ Соединенныхъ Штатахъ прiобрѣтается состоянiе, и извѣстно также, до какой степени оно непрочно.

Американцы слѣдовательно удачно рѣшили одну изъ самыхъ серьезныхъ социальныхъ задачъ; они образовали добродѣтельныхъ и сильныхъ женщинъ, знающихъ свои обязанности и непоколебимыхъ въ ихъ исполненiи; они полагали, что для того, чтобы остаться подругой и достойной помощницей мужчины, онѣ должны слѣдовать за нимъ по пути умственнаго развитiя, и опытъ оправдалъ ихъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что они шли по неизвѣстнымъ тропинкамъ; самая смѣлость, требуемая подобной попыткой, вовлекла ихъ во многiя заблужденiя. Въ цѣломъ, взгляды, высказанные ими объ образованiи женщинъ,—вѣрны и плодотворны, но примѣненiе, которое они изъ нихъ сдѣлали, вызываетъ часто порицанiе.

Обычай давать мальчикамъ и дѣвушкамъ одно и то же образованiе, представляетъ даже въ Соединенныхъ Штатахъ нѣкоторыя неудобства. Конечно, женскiй умъ, что бы объ этомъ прежде ни думали, способенъ возвыситься до самыхъ высшихъ областей зна-

нія, и Жанъ Жакъ Руссо, выставлявшій себя противникомъ всѣхъ предразсудковъ, раздѣлялъ однако предразсудокъ своего времени, когда онъ говорилъ такимъ рѣшительнымъ тономъ: «Изслѣдованіе отвлеченныхъ и спекулятивныхъ истинъ, принциповъ, научныхъ аксіомъ, всего, что обобщаетъ идеи,—не дѣло женщинъ». Американки протестовали противъ этого приговора. Подобно философу, передъ которымъ отвергали движеніе,—онѣ начали ходить. Нѣкоторые изъ самыхъ извѣстныхъ профессоровъ математики въ Новой Англіи—женщины; въ университетахъ, гдѣ оба пола слушаютъ однѣ и тѣ же лекціи, дѣвушки почти всегда отличаются быстротою ума и точностью отвѣтовъ.

Изъ этого неоспоримаго факта американцы, по нашему мнѣнію, весьма ошибочно (?) заключили, что одно и то же образованіе годится и для мужчинъ и для женщинъ. Такъ какъ обязанности и тѣхъ и другихъ весьма различны, то образованіе, не имѣющее другой цѣли, какъ научить исполнять эти обязанности, должно быть тоже различно. Въ Соединенныхъ Штатахъ не оспариваютъ первой части этого положенія, но упускаютъ изъ виду вторую, основываясь на довольно правдоподобномъ софизмѣ. «Какъ растенія различныхъ видовъ всасываютъ изъ одной и той же почвы соки, необходимые для ихъ питанія, не теряя при этомъ ни одного изъ своихъ отличительныхъ качествъ, такъ, говорятъ, умъ мужчины и умъ женщины извлекаютъ изъ одного и того же преподаванія пищу, способную развить свойственнныя имъ способности». Далеко не отвергая этого сравненія, мы просимъ только вести его дальше. Развѣ не знаютъ, что нѣкоторыя растенія требуютъ тѣни и свѣжести, тогда какъ другія разцвѣтаютъ только при жаркомъ и сильномъ свѣтѣ? Тѣ

желаютъ сырости, эти — сухой песчаной почвы; и не въ томъ ли талантъ садовника, чтобы давать каждому изъ нихъ то, что для него годится?

Ложное направленіе, данное уму американокъ, не произвело тотчасъ же прискорбныхъ результатовъ, потому что религія смягчала его дѣйствія. Мужское воспитаніе сдѣлало женщинъ мужественными и просвѣщенными, не мѣшая имъ исполнять въ семьѣ ихъ скромныя обязанности. Но при всемъ уваженіи къ нимъ, слѣдуетъ однако признать, что онѣ обладаютъ, можетъ быть, меньшею прелестью; способъ ихъ воспитанія, по мнѣнію самого Токвилля, который однако такъ хорошо оцѣнилъ ихъ достоинство, «дѣлаетъ изъ нихъ скорѣе честныхъ и холодныхъ женщинъ, чѣмъ нѣжныхъ супругъ и милыхъ подругъ мужчины».

Этотъ недостатокъ граціи и нѣжности, подтвержденный и знаменитымъ авторомъ «*Демократіи въ Америкѣ*» тридцать лѣтъ тому назадъ, происходитъ, какъ намъ кажется, отъ одинаковаго воспитанія, даваемаго мальчикамъ и дѣвочкамъ. Женщинъ учатъ алгебрѣ и философіи; ихъ заставляютъ разсуждать о соціальныхъ вопросахъ (какъ будто онѣ сдѣлаются однажды членами Конгресса); затѣмъ, когда въ нихъ возбудили опасныя стремленія, ихъ заключаютъ въ рамки хозяйничанія, ихъ горизонтъ ограничиваютъ домашними обязанностями и увѣряютъ, что ихъ единственной заботой должно быть устройство комфорта для ихъ мужей и дѣтей.

Чувство долга поддерживаетъ ихъ; но вмѣсто того, чтобы слѣдовать ему съ тѣмъ внутреннимъ удовлетвореніемъ, которое происходитъ отъ полнаго согласія между способностями и достигаемою цѣлью, онѣ должны выдерживать внутреннюю борьбу, слѣды ко-

торой отражаются на ихъ строгой и сдержанной осанкѣ. Онѣ не были воспитаны для семьи; онѣ подчиняются, какъ необходимости, своей судьбѣ; но въ нихъ нѣтъ того лучезарнаго расцвѣтанія растенія, достигшаго, благодаря разумному уходу, своего естественнаго цвѣтенія. Конечно, слѣдовало расширить для женщинъ область занятій. Мы не можемъ достаточно повторять, что образованіе, даваемое дѣвушкамъ, имѣетъ чрезвычайное значеніе, какъ съ соціальной, такъ и съ религіозной точки зрѣнія. Католическая церковь, которую обвиняютъ въ обскурантизмѣ, первая провозгласила это; во всѣ времена она считала между своими святыми, лицъ столь же замѣчательныхъ по познаніямъ, какъ и по добродѣтелямъ: двѣсти лѣтъ тому назадъ, въ эпоху, когда женское знаніе весьма мало уважалось, одинъ изъ ея самыхъ почитаемыхъ прелатовъ, Фенелонъ, не боялся говорить «о разширеніи познаній, даваемыхъ дѣвушкамъ», чтобы сдѣлать ихъ способными къ домашнему управленію, требующему столько разсудительности и возвышенности ума. Благочестивый епископъ не только хотѣлъ учить ихъ исторіи, поэзіи, музыкѣ и живописи, но еще онъ требовалъ, чтобы онѣ имѣли нѣкоторыя понятія о правѣ; чтобы тѣ, которыя были богаты, были въ состояніи управлять своими землями; онъ даже не отступалъ передъ изученіемъ латинскаго языка.

Образованіе далеко не опасно и не вредно для женщинъ, но это образованіе надо направлять такъ, чтобы оно согласовалось съ ихъ будущими обязанностями. Вы хотите, чтобы жена, мать оставалась у домашняго очага, чтобы она была его душой и охраной; вы соглашаетесь, что въ этомъ ея задача; что общественная арена сдѣлана не для нея; что ея обя-

занности, не менѣе великія, не менѣе святыя, чѣмъ обязанности мужчины, другаго свойства; — направьте ея воспитаніе къ желаемой вами цѣли; оставляйте ее по возможности больше въ семьѣ, чтобы она приготовилась тамъ къ мирнымъ занятіямъ своего пола, чтобы она вошла во вкусъ жизни, полной нѣжности и преданности. Наука не должна открывать ей путь къ почестямъ, но только давать ей возможность быть кроткимъ апостоломъ любви. Къ чему послужатъ эти страстныя пренія о политическихъ правахъ, которыми ей не придется пользоваться, о законахъ, которые ей не поручатъ издавать? на что столько алгебры и математики? Не лучше ли изъ всѣхъ этихъ предметовъ научить только тому, что необходимо для образованія ея сужденія, и употребить выигранное время на болѣе полезныя для нея занятія? *Ars longa, vita brevis.* Отъ необходимаго отнимаютъ то, что придаютъ къ безполезному. Литература и искусства, столь способствующія украшенію жизни, занимаютъ слишкомъ небольшое мѣсто въ воспитаніи американокъ, и этотъ пробѣлъ кажется намъ прискорбнымъ; но онъ необходимо долженъ былъ произойти, лишь только образованіе дѣлалось одинаковымъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ: такъ какъ мужчины желаютъ прежде всего (въ особенности въ Соединенныхъ Штатахъ) пріобрѣсти знаніе въ политическихъ наукахъ и въ тѣхъ, которыя относятся къ промышленности и торговлѣ, то эти науки и преподавались по преимуществу въ общественныхъ школахъ.

Американцы имѣютъ слишкомъ вѣрное чутье, чтобы скоро не замѣтить заблужденія, въ которое они впали. Уже даже въ Нью-Іоркѣ начинаютъ себя спрашивать: осуществила ли существующая система воз-

лагавшіяся на нее надежды? Вотъ какъ выражается по этому поводу отчетъ 1864 года: «Весьма сомнительно, отвѣчаютъ ли грамматическія школы для дѣвушекъ, столько же какъ школы для мальчиковъ, дальнѣйшимъ требованіямъ жизни; этотъ недостатокъ съ каждымъ днемъ все болѣе поражаетъ серьезные умы, и со всѣхъ сторонъ требуютъ, чтобы образованіе было болѣе практическимъ». Для народа, который такъ быстро переходитъ отъ теоріи къ дѣйствію, такое признаніе весьма близко къ реформѣ.

Разладъ, существующій между назначеніемъ женщинъ и получаемымъ ими образованіемъ, грозитъ, если не примутъ мѣръ, глубоко смутить семью. Множество признаковъ возвѣщаютъ приближеніе грозы. Въ большихъ городахъ не рѣдкость встрѣтить трибуновъ въ юбкахъ, требующихъ правъ для своего пола и разражающихся сильной бранью противъ «притѣснителей», несправедливость которыхъ заставляетъ женщинъ томиться въ занятіяхъ, недостойныхъ ихъ. Мы хорошо знаемъ, что не слѣдуетъ придавать слишкомъ большое значеніе подобнымъ фактамъ, но нельзя отрицать, что они доказываютъ дѣйствительный недугъ, слишкомъ общее отвращеніе къ домашнимъ обязанностямъ. Американки мужественно борятся противъ безумнаго духа возмущенія, возбуждаемаго въ ихъ средѣ; большинство выказывается столь же внимательными къ малѣйшимъ подробностямъ хозяйства, какъ способными къ умственнымъ занятіямъ; крѣпость, даваемая ихъ душѣ обширнымъ знаніемъ, соединяется съ религіей, чтобы дать имъ побѣду надъ опасными наущеніями; но было бы благоразумнѣе не подвергать ихъ подобнымъ испытаніямъ.

ГЛАВА XI.

Общіе результаты американскаго образованія.

Чтобы съ полною справедливостью оцѣнить систему общественныхъ школъ, необходимо вспомнить среду, въ которой она дѣйствуетъ, характеръ и потребности народа, организовавшаго ее. Два принципа преобладаютъ въ американской жизни: абсолютное равенство условій и совершенная свобода совѣсти; эти принципы, которые каждый соглашается уважать, дѣлаются точкой исхода безпрерывной дѣятельности. Такъ какъ всѣ карьеры открыты для всѣхъ, то граждане принимаютъ значительное участіе въ политическомъ движеніи; честолюбіе подстрекаетъ стараніе; духъ спекуляціи растетъ; коммерческія предпріятія достигаютъ исполинскихъ размѣровъ. Религіозная арена не менѣе обширна; всѣ формы вѣрованій могутъ проявляться на ней, но съ условіемъ не посягать на чужія права и свободу. Наконецъ, когда подумаешь объ особенномъ положеніи Соединенныхъ Штатовъ, объ ихъ обильныхъ естественныхъ средствахъ, представляющихъ таланту и труду всегда обезпеченное вознагражденіе, тогда можно себѣ составить довольно точное понятіе объ американской націи и понять—какимъ образомъ получила у нея начало нынѣшняя система образованія.

Школа—точное воспроизведеніе общества. Въ ней снова находишь любовь къ независимости и равенству, тревожную пылкость, желающую все за разъ охватить, жажду къ прогрессу, бросающуюся навстрѣчу самымъ смѣлымъ нововведеніямъ; въ этомъ маленькомъ міркѣ встрѣчаешь само довѣріе, не отступающее ни передъ какимъ препятствіемъ, чрезвычайную чуткость къ похвалѣ и къ критикѣ, абсолютное преобладаніе полезнаго надъ тѣмъ, что относится къ области искусствъ и воображенія. Образованіе—демократическое, равное для всѣхъ, доступное всѣмъ; оно замѣчательно подготовляетъ къ дѣятельной жизни, оно образуетъ гражданъ для общественныхъ обязанностей. Можетъ быть, оно возбуждаетъ слишкомъ лихорадочное соревнованіе; можетъ быть, давая приступать ко множеству наукъ, въ которыя учащіеся не имѣютъ времени вникнуть, оно благопріятствуетъ склонности къ непостоянству; но эти недостатки такъ присущи національному характеру, что американцы не замѣчаютъ ихъ, или даже видятъ въ этомъ поводъ къ славѣ.

Сдѣлать большинство націи разумнымъ, внимательнымъ къ дѣламъ государства, способнымъ самому обезпечить благо страны; образовать людей, способныхъ исполнить огромную задачу промышленности и колонизаціи на новой почвѣ,—вотъ что должны были имѣть въ виду законодатели Союза, и ихъ способъ образованія вполнѣ имъ удался. Во французскихъ colléges, кажется, не имѣютъ другой цѣли, какъ воспитать ученыхъ и литераторовъ; юношество выходитъ изъ нихъ лишеннымъ всякихъ практическихъ понятій, не вѣдая потребностей націи, настоящихъ элементовъ ея могущества, готовымъ, однимъ словомъ, быть игрушкой всѣхъ заблужденій. Въ Соединенныхъ Штатахъ

считали бы плохой услугой для отечества, если бы не ставили первымъ условіемъ занятій интересы его благосостоянія.

Что наиболѣе бросается въ глаза наблюдателю въ этомъ индивидуальномъ обществѣ, гдѣ всякая частная свобода такъ сильно развита, это — строгая дисциплина въ общественныхъ школахъ. Ученики маневрируютъ съ военною точностью; одно слово, одинъ жестъ заставляетъ въ одну минуту двигаться сотни дѣтей; тамъ стараются укротить и смягчить волю, сдѣлать ее гибкой, внушить самую абсолютную покорность. Нѣсколько минутъ размышленія покажутъ, однако, цѣлесообразность такой методы. Отцовская власть весьма слаба; родители научаютъ своихъ дѣтей съ раннихъ поръ самостоятельно думать и дѣйствовать; они стараются развить въ нихъ энергическую волю, считаемую ими главнымъ элементомъ свободы. Чѣмъ скорѣе молодой человѣкъ будетъ въ состояніи проложить себѣ путь въ свѣтѣ, обойтись безъ совѣтовъ и опоры, тѣмъ болѣе его семья будетъ чувствовать себя довольною.

Раннее развитіе духа независимости, производимое потокомъ соціальной жизни, таково, что двѣнадцати-четырнадцати-лѣтніе мальчики считаютъ себя способными рѣшать сами множество вопросовъ, относительно которыхъ двадцатилѣтній европеецъ считаетъ себя обязаннымъ просить родительскаго согласія. Это положеніе ненормально, и тотъ, кто дѣйствительно интересуется судьбой великой американской республики, долженъ желать, чтобы противъ такого недуга было бы немедленно употреблено какое нибудь средство.

Еслибы мы желали искать причину зла, глубоко тревожившаго разумныхъ людей, можетъ быть, мы

нашли бы ее въ ослабленіи религіознаго авторитета, въ чрезвычайной раздробленности вѣрованій; но оставляя въ сторонѣ разсужденія, не входящія въ нашу область, мы скажемъ только, что американскіе законодатели по возможности ослабляли прискорбныя дѣйствія такого отреченія родителей. Общественное образованіе — противовѣсъ семейному образованію. Если ребенокъ не признаетъ родительской власти, то онъ по крайней мѣрѣ принужденъ подчиняться власти общества, изображаемаго въ уменьшенномъ видѣ школою. Этимъ объясняется двойное стремленіе американскаго духа, столь пылкаго, столь жаждущаго свободы, и однако столь подчиняющагося закону. Нѣтъ народа, болѣе охотно подчиняющагося правиламъ, которыя онъ разъ призналъ. Такимъ образомъ, строгая школьная дисциплина служитъ охраной общественной безопасности.

До сихъ поръ мы разсматривали только соціальную сторону образованія и нашли его превосходно принаровленнымъ къ потребностямъ страны. Но во всякомъ здоровомъ воспитаніи религія занимаетъ широкое мѣсто, ибо она одна даетъ прочное основаніе чувству долга. Американцы это знаютъ, и отсюда происходитъ то чрезвычайное значеніе, которое они приписываютъ вѣрованію, даже съ точки зрѣнія земныхъ интересовъ. Убѣжденные въ томъ, что для того, чтобы безопасно пользоваться политической свободой, люди должны прежде подчиниться строгимъ правиламъ совѣсти и вѣры, они считаютъ христіанство условіемъ своей независимости, и не только сохраняютъ его у себя, но ревностно стараются распространять его въ территоріяхъ, каждый день отнимаемыхъ піонерами отъ дикой природы. «Мы стараемся, говорятъ они, сдѣлать

религіозными новые штаты для того, чтобы они не мѣшали намъ оставаться свободными».

Изъ этихъ фактовъ можно было бы заключить, что въ Американскомъ Союзѣ религія—душа общественнаго образованія; и съ прискорбіемъ видишь, что она почти исключена изъ него. Опасеніе сектаторскаго духа побудило законодателей воспретить «всякое преподаваніе, стремящееся поощрять какое-либо спеціальное вѣроисповѣданіе». Это запрещеніе было равносильно полному исключенію, ибо невозможно толковать священное писаніе, не склоняясь къ тому или другому изъ тысячи вѣрованій, раздѣляющихъ между собой американскій міръ; образованіе сдѣлалось, такимъ образомъ, исключительно свѣтскимъ.

Къ счастію, нечего было опасаться, чтобы отдѣленіе науки отъ вѣры показалось дѣтямъ общественныхъ школъ осужденіемъ той или другой, результатомъ враждебности, существующей между ними; можно было положиться какъ на общество, такъ и на семью, что они ослабятъ дѣйствія этого прискорбнаго раздѣленія. Нравственная атмосфера въ Соединенныхъ Штатахъ чрезвычайно религіозная, и *воскресныя школы*, усердно посѣщаемыя, по возможности пополняютъ пробѣлы общественнаго образованія; эти собранія, устроиваемыя священниками различныхъ церквей, соперничаютъ въ рвеніи, внушить юношеству христіанскія вѣрованія.

Дѣйствуя въ столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, система, принятая общественными школами, возбуждаетъ однако въ Америкѣ много возраженій и много опасеній. «Важность, если не абсолютная необходимость, религіознаго воспитанія, говоритъ въ 1864 г. *Пенсильванскій отчетъ*, дѣлается съ каждымъ днемъ очевиднѣе.

Если мы хотимъ поддержать наши учрежденія, необходимо возвысить уровень характеровъ, оживить среди насъ христіанскій духъ. Поколѣніе, которое скоро займетъ наше мѣсто, должно имѣть не только искусную руку, сильное сердце, просвѣщенный умъ, но оно должно также научиться любить Бога и людей и исполнять долгъ».

Нельзя отрицать, что горячая вѣра прежнихъ пуританъ подвергается у ихъ потомковъ прискорбнымъ измѣненіямъ. Она дѣлается смутнымъ, неопредѣленнымъ чувствомъ, колеблющимся между противоположными ученіями, и несмотря на свои усилія ухватиться за общую связь любви къ Христу и къ истинѣ, она съ каждымъ днемъ утрачиваетъ нѣчто изъ своего благотворнаго вліянія. Этотъ результатъ можетъ быть въ большой степени приписанъ отсутствію религіознаго обученія въ общественныхъ школахъ. Американцы, проникнутые страхомъ къ сектаторскому духу, боятся всякаго положительнаго догмата; привыкшіе, однако, любить и уважать христіанскую религію, они думаютъ сохранить у себя ея духъ, и отсюда-то происходитъ возрастающій успѣхъ унитаризма, составляющаго послѣдній оплотъ, защищающій противъ философскаго отрицанія ослабѣвшую, но все еще живую вѣру. Рядомъ съ этимъ широкимъ потокомъ образуется другой, противоположный ему; угрожаемыя вѣрованія ищутъ убѣжища въ ортодоксіи; чувствуется потребность въ опредѣленномъ символѣ, въ которомъ умъ, утомленный противорѣчіями, нашелъ бы наконецъ успокоеніе, въ которомъ сердце почерпнуло бы силу и любовь.

Эти признаки, замѣчаемые въ Америкѣ всѣми наблюдателями, не показываютъ ли они неизбѣжное при-

ближеніе революціи, предвидѣнной Токвилемъ, когда онъ говорилъ: «Наши дѣти все болѣе и болѣе будутъ раздѣляться на двѣ части: одни окончательно покинутъ христіанство, другіе вступятъ въ римскую церковь»?

ГЛАВА XII.

Общее состояніе религіи.

Политическая организація Соединенныхъ Штатовъ и удивительное распространеніе въ нихъ образованія даютъ имъ особое мѣсто въ цивилизованномъ мірѣ. Рѣшивъ самымъ совершеннымъ образомъ задачу, волнующую Европу, задачу передать въ руки страны заботу о ея собственныхъ дѣлахъ и самоуправленіе, признавъ ее совершеннолѣтней и госпожей своихъ дѣйствій, они въ то же время признали, что одно только образованіе можетъ охранять общественную свободу; невѣжественный народъ всегда будетъ игрушкой какого нибудь деспотизма. Они просвѣтили поэтому массу, чтобы дать ей возможность понимать свои дѣйствительные интересы.

Но какъ могла такая молодая нація, явившаяся позже другихъ во всемірной исторіи, достигнуть такъ легко прогресса, къ которому наши старыя общества стремятся съ столькими усиліями и трудомъ? Конечно, отчасти этотъ результатъ надо приписать самому положенію Америки; лишенная предразсудковъ и древнихъ обычаевъ, она не представляла никакого препятствія новаторскому духу колонистовъ. Этого, однако, недостаточно для объясненія Соединенныхъ Штатовъ.

Люди образуютъ націи по своему образцу, а дѣлаютъ людей идеи; откуда же основатели Новой Англіи почерпнули благотворные принципы, которые они такъ удачно примѣнили? Намъ придется здѣсь обратиться къ происхожденію американскаго народа и найти тѣ характеристическія черты, которыя съ самаго его прибытія въ Новый Свѣтъ отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ народовъ.

Какія побудительныя причины служатъ обыкновенно для образованія общества? Общая потребность защиты, любовь къ свободѣ, честолюбіе, интересъ. Вотъ силы, основавшія Грецію, Карѳагенъ и Римъ; тѣ же силы въ различныхъ степеняхъ породили европейскія національности. Что же касается до колоній, онѣ почти всѣ имѣютъ первыми жителями спекуляторовъ, промышленниковъ, часто даже авантюристовъ, которые, изгнанные нищетою изъ своего отечества, отправляются по міру искать богатствъ.

Соединенные Штаты, по крайней мѣрѣ штаты Сѣвера, т. е. тѣ, которые наложили свою печать на всю націю, обязаны своимъ началомъ совершенно другой причинѣ: они рождены религіознымъ чувствомъ.

Люди, преслѣдуемые въ Европѣ за ихъ вѣру и искавшіе въ пустынныхъ странахъ Новаго Свѣта свободы поклоняться Богу по своей совѣсти—вотъ основатели Новой Англіи, Нью-Іорка, Пенсильваніи. Эмиграція продолжается впродолженіе всего семнадцатаго столѣтія, и эти безпрестанно прибывающіе колонисты вышли не изъ бѣдныхъ классовъ, которымъ каждая перемѣна кажется удачею: большинство изъ нихъ оставили позади себя соціальное положеніе, состояніе, выгодами которыхъ они жертвовали, чтобы подвергнуться утомленіямъ и трудностямъ тяжелаго предпріятія. При-

бывъ изъ различныхъ странъ, одни изъ Англіи, другіе изъ Франціи или Голландіи, они требуютъ отъ Америки пріюта ихъ вѣрованіямъ; они носятъ одно общее названіе *пилигримовъ*.

Послушаемъ разсказъ одного историка Соединенныхъ Штатовъ, Натаніэля Мортона, объ отъѣздѣ первыхъ эмигрантовъ. «Оставляя городъ, служившій для нихъ мѣстомъ отдохновенія *), они были спокойны, ибо они знали, что они чужіе здѣсь на землѣ. Они не привязывались къ земнымъ дѣламъ, но подымали взоры къ небу, дорогой ихъ родинѣ, гдѣ Богъ приготовилъ для нихъ святую обитель. Они достигли, наконецъ, гавани, гдѣ ихъ ожидалъ корабль. Большое число друзей, которые не могли уѣхать съ ними, захотѣли по крайней мѣрѣ проводить ихъ до тѣхъ поръ. Ночь прошла безъ сна; она прошла въ дружескихъ изліяніяхъ, въ благочестивыхъ разговорахъ, въ рѣчахъ, полныхъ истинной христіанской любви. На другое утро они отправились на корабль; друзья ихъ пожелали проводить ихъ еще и туда; тогда-то раздались глубокіе вздохи, долгіе поцѣлуи и горячія молитвы, растрогавшіе даже иностранцевъ. Знакъ къ отъѣзду былъ данъ, они упали на колѣни, и ихъ пасторъ, поднявъ къ небу взоры, полные слезъ, призвалъ на нихъ божественное милосердіе».

То же глубокое религіозное чувство руководило и организаціей колоніи. Въ день высадки ихъ на берегъ, пилигримы подписали слѣдующій актъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, которые для славы Господа, развитія христіанской вѣры и чести нашей родины предприняли основать учрежденіе въ этихъ от-

*) Дельфтъ, въ Голландіи, гдѣ они нашли убѣжище, когда преслѣдованіе принудило ихъ бѣжать изъ Англіи.

даленныхъ странахъ, мы обязуемся передъ Богомъ образовать изъ насъ гражданское и политическое общество, съ цѣлью управлять самимъ собою и работать для осуществленія нашихъ намѣреній».

Слѣдовательно, религіозная мысль создала Америку; она внушаетъ ей ея учрежденія и законы, она освящаетъ всю ея исторію. «Мы должны постоянно помнить, говоритъ другой авторъ, что наша колонія была учреждена съ христіанской цѣлью, а не съ коммерческой. Если кто изъ насъ предпочитаетъ мірское религіозному, тотъ не истинный сынъ Новой Англіи». Полные восторженной вѣры и подстрекаемые преслѣдованіемъ, первые пилигримы искали только въ Святомъ Писаніи основаній общественнаго порядка; поэтому-то они и совершили дѣло, которому еще не было подобнаго въ свѣтѣ. Американцы справедливо полагаютъ, что мы невѣрно судимъ о нихъ, когда, желая оцѣнить ихъ политическое положеніе, мы стараемся сравнить его съ нашимъ. Въ то время, какъ въ Европѣ остатки римскаго права, обычаи германскихъ племенъ, воспоминанія о феодализмѣ проникаютъ въ законы и нравы, въ Соединенныхъ Штатахъ общество происходитъ единственно отъ религіи.

Евангеліе провозглашаетъ братство людей, оно объявляетъ всѣхъ равными передъ Богомъ; колонисты перенесли въ мірской порядокъ эти христіанскіе принципы; они представляли съ самаго начала странный феноменъ государства, гдѣ не существовало ни господъ, ни черни. Демократія, о какой не смѣли мечтать самые свободные народы древнихъ вѣковъ, образовалась на этой новой почвѣ, великая и сильная съ самаго своего рожденія.

Священное Писаніе ставитъ точкой исхода всѣхъ

религіозныхъ догматовъ человѣческую свободу; оно подтверждаетъ это на первыхъ страницахъ книги Бытія, и вездѣ во всѣ времена святые писатели показываютъ намъ Бога, такъ сказать, отказывающимся отъ своего могущества предъ искрой умственной воли, которую онъ вложилъ въ человѣка. Онъ ничего не хочетъ получать съ принужденіемъ, но онъ требуетъ отъ него свободнаго присоединенія къ божественному дѣйствію. Этотъ великій фактъ объясняетъ всѣ другіе; безъ него первобытное грѣхопаденіе не существуетъ. искупленіе дѣлается безполезнымъ, христіанство падаетъ.

Законодатели Новой Англіи научились изъ священныхъ книгъ уважать права и изъ нихъ же получили первое понятіе объ истинной свободѣ; они имѣли самыя чистыя понятія объ обязанностяхъ общества относительно его членовъ. Едва выйдя изъ Европы, гдѣ абсолютизмъ попиралъ ногами послѣдніе остатки средневѣковыхъ вольностей, они постановили первыми правилами учреждаемой ими колоніи: вмѣшательство народа въ общественныя дѣла, свободное вотированіе налога, отвѣтственность агентовъ власти и судъ присяжныхъ.

Религіозныя убѣжденія новыхъ колонистовъ, чувства христіанскаго братства, которыми они были проникнуты и которыя побуждали ихъ ревниво оберегать права и свободу каждаго, обратили также ихъ вниманіе на неменѣе священный вопросъ, на вопросъ образованія юношества. Они считали своимъ первымъ долгомъ просвѣтить души, чтобы предохранить ихъ отъ заблужденія и укрѣпить ихъ въ добродѣтели, ибо они знали, что именно во тьмѣ врагъ рода человѣческаго разставляетъ свои сѣти. Мы показали, какіе обильные

плоды произвело для общаго образованія религіозное рвеніе колонистовъ; ихъ потомки, возбуждаемые еще тѣмъ же духомъ, такъ полны довѣрія въ дѣйствительность христіанства и образованія, что могутъ поддержать общественный духъ и бороться съ опасностями, угрожающими націи.

Соціальный и политическій строй Соединенныхъ Штатовъ происходитъ отъ христіанства. *Отцы Новой Англіи* были апостолами, домогавшимися, цѣною самыхъ тяжелыхъ жертвъ, торжества своихъ вѣрованій; люди сильнаго закала, ставившіе славу своей вѣры выше всего и въ глазахъ которыхъ состояніе, родина, даже сама жизнь казались ничтожными, если совѣсть не была свободна. И какую же силу они почерпнули поэтому изъ религіознаго элемента, на которомъ они основали свое общество!

«Принципы Новой Англіи, говоритъ Токвиль, распространились прежде въ сосѣднихъ штатахъ; затѣмъ мало по малу они достигли самыхъ отдаленныхъ штатовъ и наконецъ охватили весь Союзъ. Они имѣютъ теперь вліяніе на весь американскій міръ. Цивилизація Новой Англіи была подобна тѣмъ огнямъ, зажженнымъ на высотахъ, которые, распространяя теплоту вокругъ себя, освѣщаютъ въ тоже время своимъ свѣтомъ крайніе предѣлы горизонта».

Но если колонисты заимствовали отъ общихъ идей христіанской религіи главныя основанія ихъ соціальнаго зданія, они не могли помѣшать появленію сектаторскаго духа, которымъ большинство было проникнуто. Казалось, что преслѣдуемые въ Европѣ за ихъ вѣру пилигримы должны бы понимать всю цѣну религіозной свободы. Но этого однако не было. Этому вѣрованію, которому они все пожертвовали, они хо-

тѣли дать безраздѣльное господство; отсюда тѣ произвольныя распоряженія, наполняющія ихъ исторію, хотя эти распоряженія находятся въ полномъ несогласіи съ ихъ учрежденіями.

Въ Коннектикутѣ законъ принуждалъ, подъ опасеніемъ штрафа, всѣхъ жителей присутствовать при божественной службѣ; онъ строго наказывалъ христіанъ, желавшихъ поклоняться Богу въ другой формѣ, чѣмъ та, какую онъ предписывалъ; квакеры и другіе еретики, пытавшіеся проникнуть въ колонію, были приговариваемы къ тюрьмѣ; въ случаѣ вторичнаго преступка, имъ отрѣзывали уши, а языкъ протыкали раскаленымъ желѣзомъ. Карательныя мѣры противъ католиковъ были еще строже: священникъ, вступившій на территорію Нью-Гэвена и Массачузета, будучи уже одинъ разъ изгнанъ, наказывался смертною казнью.

Нравственность служила предметовъ не меньшей бдительности. Богохульство, колдовство, прелюбодѣйство влекли за собой смертную казнь; лѣность и пьянство строго наказывались; тотъ, кто провинялся во лжи, подвергался штрафу или плети. Въ штатахъ, учрежденныхъ пуританами, регламентація доходила до смѣшнаго. Тамъ запрещали употребленіе табака, запрещали въ воскресенье не только работать, но варить мясо, дѣлать постель, мести комнаты, бриться; запрещали бѣгать въ этотъ день, гулять въ саду или въ другомъ мѣстѣ; позволяли только ходить въ церковь; матерямъ запрещалось цѣловать своихъ дѣтей и т. д.

Католикамъ принадлежитъ честь быть первыми основателями религіозной свободы, изъ которой Америка дѣлаетъ въ настоящее время такое широкое при-

мѣненіе. Лордъ Балтиморъ, получивъ отъ короля Якова I нѣсколько земель въ Америкѣ, поселился въ Мэрилендѣ съ двумя стами англійскими католическими семействами. Сперва англиканецъ, онъ отрекся отъ протестантизма при видѣ насилій, совершаемыхъ приверженцами реформатскаго вѣроисповѣданія. Вслѣдствіе своей ненависти къ преслѣдованію, онъ перемѣнилъ вѣру, и его первой заботой было установить на всемъ протяженіи области свободу совѣсти. «Такъ какъ, говоритъ *Религіозный актъ*, изданный въ 1649 году, стѣсненіе въ дѣлахъ религіозной вѣры произвело опасные результаты во всѣхъ обществахъ, примѣняющихъ его; также для того, чтобы поощрять миръ и спокойствіе въ управленіи этою провинціею, и особенно чтобы поддержать взаимное милосердіе въ ея жителяхъ,—каждая личность, вѣрующая въ божественность Спасителя, не можетъ быть стѣсняема ни въ ея религіи, ни въ свободномъ исповѣданіи вѣры».

Законодатель, правда, ставилъ подъ покровительство закона только однихъ христіанъ, но въ то время, когда актъ былъ составленъ, это было неважно; раціонализмъ не овладѣлъ еще тогда умами, и протестанты, стоящіе еще близко къ своей точкѣ исхода, не думали расходиться относительно основныхъ догматовъ. Прокламація слѣдовательно относилась съ одинаковой терпимостью ко всѣмъ сектамъ, ко всѣмъ колонистамъ.

Къ несчастію, эта попытка была преждевременна. Диссиденты, изгнанные изъ другихъ штатовъ, искали убѣжища въ Мэрилендѣ; они не замедлили превзойти числомъ католическое населеніе, и вмѣсто того, чтобы слѣдовать благородному примѣру лорда Балтимора, они дали господство гнусной нетерпимости.

Пятьдесятъ лѣтъ спустя, Вилліамъ Пеннъ, идя по

слѣдамъ лорда Балтимора, старался также снова потребовать права совѣсти. Но остановленный въ своемъ великодушномъ намѣреніи общимъ духомъ своего времени и подозрительнымъ надзоромъ своей родины, онъ долженъ былъ запретить католикамъ свободное исповѣданіе ихъ вѣры.

Таково было религіозное положеніе Америки, когда возгорѣлась война за независимость. Соперничество сектъ глубоко раздѣляло штаты, не любовь къ свободѣ ихъ соединила; они забыли различіе вѣрованій, чтобы сражаться подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ, и впослѣдствіи, когда побѣда вознаградила ихъ за ихъ мужество, они отнеслись съ общимъ уваженіемъ ко всѣмъ защитникамъ ихъ дѣла. Сѣмена, брошенныя лордомъ Балтиморомъ и Вилліамомъ Пенномъ, стали уже впрочемъ мало по малу развиваться; радость побѣды и политическая необходимость ускорили господство терпимости.

Когда колоніи слились въ Союзъ, то центральное правительство, будучи ихъ представителемъ, не могло брать сторону вѣрованія одного штата болѣе чѣмъ сторону вѣрованія другого; оттого высокій умъ Вашингтона безъ труда заставилъ Конгрессъ принять принципъ свободы совѣсти. Тогда былъ изданъ достопамятный законъ, утвердившій нравственное освобожденіе американскихъ гражданъ и установившій отношенія церкви и государства.

Законодатель провозглашаетъ сначала гражданское и политическое равенство всѣхъ вѣроисповѣданій: «Никакая религіозная клятва не будетъ никогда требоваться для исполненія какой-либо общественной должности въ Соединенныхъ Штатахъ».

Но Конституція здѣсь не останавливается; она не только не желаетъ ограничивать, подъ религіознымъ

предлогомъ, права гражданъ, но она запрещаетъ еще вмѣшиваться какимъ бы то ни было образомъ въ область совѣсти: «Конгрессъ не издастъ ни одного закона для установленія какой бы то ни было религіи или для запрещенія свободнаго ея исповѣданія.»

Эти простыя слова заключаютъ цѣлую революцію. До сихъ поръ можно было видѣть, и дѣйствительно видѣли, государей, *допускавшихъ* въ своихъ государствахъ различныя вѣроисповѣданія; но терпимость подразумѣваетъ также право запрещать; позволяютъ только то, что могли-бы запретить.

Всегда и вездѣ, въ языческой древности, какъ и въ христіанскіе вѣка, въ католическихъ, какъ и въ протестантскихъ государствахъ религія была связана съ гражданскою властью; государи объявляли себя охранителями общественной совѣсти и смотря потому, служила ли церковь ихъ интересамъ или мѣшала имъ въ ихъ намѣреніяхъ, они то покровительствовали ей, то преслѣдовали ее. Декларація Конгресса открыла новую эру въ исторіи. Раздѣленіе двухъ властей ясно формулировано; правительство Союза не покровительствуетъ и не признаетъ господствующею ту или другую религію; оно признаетъ себя некомпетентнымъ въ дѣлахъ религіи. Каждая форма доктрины, лишь бы она не вредила ни общественному порядку, ни нравственности, свободна дѣйствовать открыто; даже католицизмъ, противъ котораго соединялись всегда всѣ протестантскія секты, какъ бы онѣ ни враждовали между собою, даже католицизмъ включался въ этотъ актъ эмансипаціи религіозныхъ вѣрованій. Когда въ концѣ прошлаго столѣтія римскій дворъ составилъ проектъ основать въ Америкѣ епископство и пожелалъ узнать мнѣніе о томъ Конгресса, ему было заявлено, что пра-

вительству Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ никакого дѣла до этого, такъ какъ религіозныя дѣла не входятъ въ его вѣдѣніе. Съ тѣхъ поръ католицизмъ, пользуясь предоставленной ему безусловной свободой, быстро распространялся въ Союзѣ, и никогда гражданская власть не выходила изъ предѣловъ строгаго нейтралитета, предписаннаго Конституціей 1787 года.

Хотя свобода совѣсти и стояла во главѣ американскихъ законовъ и уважалась Конгрессомъ, но этимъ не все еще было достигнуто: надо было ввести примѣненіе ея въ каждый изъ отдѣльныхъ штатовъ Союза. Дѣло шло здѣсь медленнѣе и представляло болѣе трудности; сектаторскій духъ долго не поддавался. Но толчокъ былъ данъ, частныя законодательныя собранія должны были рано или поздно послѣдовать примѣру центральнаго правительства.

Въ настоящее время ничто не подвергается такому общему осужденію, какъ сектаторство. Американцы смотрятъ на религіозную свободу, какъ на самую драгоцѣнную побѣду христіанства, какъ на лучшее средство обезпечить за нимъ господство. Истина дѣлается живою и сильною только въ томъ случаѣ, если она убѣжденіемъ привлекла сердца; если она не принята умомъ, она господствуетъ лишь извнѣ, внутри же— мертва. Свобода позволяетъ ей имѣть то могущественное вліяніе, которое она заключаетъ въ себѣ; посредствомъ свободы она не только дѣлается плодотворною для принявшихъ ее, но еще пріобрѣтаетъ замѣчательную способность распространяться. Мы настолько приспособлены къ ней, что не можемъ видѣть ее передъ нами въ ея божественной красотѣ, не почувствовавъ себя смущенными до самой глубины души. Пусть заблужденіе прибѣгаетъ къ принужденію и насилію;

эти средства хороши для лжи, истина же, которая нисходитъ съ неба, не должна имѣть другихъ орудій какъ миръ, кротость, свобода. Если неосторожные защитники пытаются дать ей другія орудія, то они этимъ такъ измѣняютъ ее, что людямъ трудно ее узнать.

Эти принципы такъ глубоко вошли въ американскій умъ, что одинъ изъ штатовъ, наиболѣе противившійся религіозной свободѣ, Виргинія, сохранявшій до 1830 года притѣснительныя мѣры прежняго законодательства, выражался слѣдующимъ образомъ, когда наконецъ рѣшился принять американскія идеи:

«Принимая во вниманіе, что Всевышній создалъ души свободными, что все, что дѣлаютъ, чтобы управлять ими при помощи мірскихъ наказаній, производитъ только лицемѣрныя и низкія привычки; принимая во вниманіе, что лишать гражданъ общественнаго довѣрія, давать имъ должности только подъ условіемъ исповѣданія той или другой доктрины, значитъ несправедливо отнимать у нихъ тѣ преимущества, на которыя они имѣютъ право; принимая во вниманіе, что этъ система влечетъ за собою порчу той самой религіи' которую она желаетъ поощрять, такъ какъ къ ней привлекаютъ приверженцевъ, предлагая имъ монополію почестей и матеріальнаго обезпеченія; принимая наконецъ во вниманіе, что истина сильна, что она должна восторжествовать въ своей борьбѣ съ заблужденіемъ, если людское вмѣшательство не лишитъ ее ея естественныхъ силъ, именно свободнаго обсужденія, передъ которымъ ложныя ученія не могутъ долго противостоять; принимая во вниманіе все вышесказанное, общее собраніе провозглашаетъ, что всѣ граждане могутъ дѣйствовать въ дѣлахъ вѣры по своему убѣжденію- не опасаясь, чтобы это когда либо унизило, уничто.

жило или повредило въ чемъ нибудь ихъ гражданскую правоспособность.»

Надо ли изъ этого заключить, что, предоставивъ политическое равенство всѣмъ вѣроисповѣданіямъ, Америка перестала въ настоящее время быть искренно христіанскою націею? Слѣдуетъ ли изъ этого, что, признавая тѣ же права за всѣми вѣрованіями, она не раздѣляетъ ни одного изъ нихъ?

На это можно было бы отвѣтить, что нетерпимость вовсе не есть признакъ религіозной вѣры. Люди, хвастающіеся тѣмъ, что ни во что не вѣрятъ, не отличаются (опытъ это доказываетъ) духомъ примиренія; напротивъ, каждое противорѣчіе ихъ раздражаетъ; не думать какъ они—считается преступленіемъ; во имя воображаемой свободы, они отрицаютъ право совѣсти, и достаточно признавать Бога, чтобы сдѣлаться для нихъ врагомъ, противъ котораго позволительны всѣ насилія.

Исторія, нравы, учрежденія Соединенныхъ Штатовъ доказываютъ, что нація осталась глубоко религіозной; нѣтъ страны, гдѣ бы христіанство болѣе входило въ соціальную и политическую жизнь. Конгрессъ не открываетъ ни одного засѣданія не призвавъ на свои разсужденія помощи свыше; члены обѣихъ палатъ соединяются каждое воскресенье въ одной изъ залъ Капитолія, чтобы присутствовать при богослуженіи. Однимъ словомъ, по счастливому выраженію одного современнаго автора, «правительство Соединенныхъ Штатовъ нашло секретъ быть самымъ религіознымъ изъ всѣхъ правительствъ, не имѣя государственной религіи».

Если съ Конгресса мы перенесемъ наши взоры на массу народа, мы увидимъ ее проникнутою тѣми

же чувствами. Извѣстно, съ какою строгостью наблюдается воскресный день: путешествія, удовольствія, лавки, кондитерскія и театры закрываются; каждый сосредоточивается въ молитвѣ, собираетъ новыя силы въ глубокихъ и серьезныхъ размышленіяхъ. Въ этотъ день—день души—размышляютъ о своихъ обязанностяхъ, запечатлѣваютъ въ себѣ вѣчные законы добра и истины.

Граждане пріобрѣтаютъ въ этой школѣ прочныя добродѣтели, дѣлающія человѣка способнымъ къ свободѣ. Тогда не для чего замыкать ихъ въ узкую рамку предписаній и регламентацій; можно безъ опасенія уменьшить внѣшнія препятствія, такъ какъ граждане имѣютъ въ своей совѣсти болѣе сильное и болѣе здоровое побужденіе.

Такимъ-то образомъ религія, основавъ политическія учрежденія Соединенныхъ Штатовъ, поддерживаетъ и сохраняетъ ихъ. Оттого она и составляетъ въ глазахъ американца необходимое условіе свободы. «Народъ безъ вѣрованія, говорятъ они, можетъ въ крайнемъ случаѣ найти порядокъ и миръ подъ деспотическимъ владычествомъ; но такая нація, какъ наша, скоро погибла бы, если бы она не была христіанской».

Религіозное вліяніе такъ глубоко проникаетъ въ нравы, что его можно найти вездѣ. Оно преобладаетъ въ прессѣ, которая, оставаясь чуждой сектаторскимъ спорамъ, защищаетъ великіе принципы христіанства и нравственность Евангелія. Между двумя тысячами журналовъ, издающихся въ Соединенныхъ Штатахъ, насчитываютъ едва три или четыре, которые осмѣливаются нападать на религію; и даже тѣ находятъ читателей только между иностранцами: такъ сильно общественное мнѣніе высказывается противъ нихъ. Пра-

восудіе проникнуто тѣмъ же духомъ. Судъ не принимаетъ показанія атеистовъ, ибо онъ думаетъ, что нельзя имѣть довѣріе къ словамъ того, кто не признаетъ ни божественнаго закона, ни нравственной санкціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ уважаетъ различіе вѣрованій и не навязываетъ всѣмъ одну и ту же формулу присяги. Квакеръ ограничивается торжественнымъ подтвержденіемъ; израильтянинъ произноситъ клятву надъ книгой Ветхаго Завѣта; нѣкоторыя секты подымаютъ руку, другія кладутъ ее на Библію. Всѣ штаты наказываютъ за оскорбленіе какого нибудь вѣроисповѣданія, запрещаютъ проклятія, богохульство, безчинныя книги.

Повсемѣстное уваженіе, выказываемое американцами религіи, не мѣшаетъ христіанской идеѣ раздробляться у нихъ на громадное количество сектъ; воображеніе съ испугомъ отступаетъ передъ этимъ множествомъ доктринъ и вѣрованій. Протестантизмъ, который въ Европѣ сохраняетъ еще нѣкоторое однообразіе, не могъ выдержать испытаніе, представляемое ему американской свободой; тысячи соперничающихъ конгрегацій оспариваютъ другъ у друга вѣрующихъ, и можно было бы назвать семейства, считающія въ своей средѣ столько же различныхъ вѣрованій, сколько имѣютъ членовъ.

Среди всего этого смятенія однако семь или восемь главныхъ вѣроисповѣданій отличаются числомъ своихъ приверженцевъ и мѣстомъ, которое они занимали въ первоначальной исторіи Соединенныхъ Штатовъ.

Первое, это *пресвитеріанство,* сохранившее еще и въ настоящее время строгія пуританскія преданія и гордящееся вліяніемъ, которое оно имѣло на религіозное развитіе страны, называя себя «хребтовымъ мозгомъ

Америки». Оно холодно, сурово до крайности, но сильно развиваетъ волю. Эта религія людей иниціативы и предпріимчивости, негоціантовъ и промышленниковъ. Его догматическая сухость не помѣшала ему, однако, подвергнуться неизбѣжному закону раздробленія, который поражаетъ всѣ протестантскія секты: есть *пресвитеріанцы Сѣвера*, проклинающіе рабство и рабовладѣльцевъ; *пресвитеріанцы Юга*, которые напротивъ защищаютъ ихъ; *пресвитеріанцы старой школы; пресвитеріанцы реформаты*; *Союзные пресвитеріанцы* и т. д. Всѣ они ведутъ непримиримую войну и ихъ раздоры составляютъ одну изъ причинъ, поддерживающихъ недовѣріе Новой Англіи къ Южнымъ Штатамъ и препятствующихъ излеченію ранъ, нанесенныхъ гражданской войной.

Рядомъ съ пресвитеріанцами стоятъ *конгрегаціоналисты*, имѣющіе съ ними большое сходство. Они одинаково происходятъ отъ первыхъ пилигримовъ и ихъ нравы сохранили слѣды пуританской строгости; они образованы, ревностны къ труду, враги роскоши; ихъ вѣроисповѣданіе, полное формальной строгости, обращается часто къ разуму, никогда къ сердцу. Церкви, вполнѣ независимыя одна отъ другой, управляются сами собою и оставляютъ за своими пасторами только чисто нравственный авторитетъ, ибо сама конгрегація рѣшаетъ все.

Эти двѣ секты составляютъ самую живую часть протестантизма, хотя онѣ и считаютъ всѣ вмѣстѣ только восемьсотъ тысячъ адептовъ, что относительно всего населенія Союза составляетъ весьма слабое меньшинство; онѣ занимаютъ почетное мѣсто, ибо заключаютъ въ своей средѣ самыхъ энергическихъ и вліятельныхъ людей страны.

Епископализмъ также занимаетъ почетное мѣсто въ этой іерархіи американскихъ церквей; это вѣроисповѣданіе богатыхъ классовъ, которые оно привлекаетъ и удерживаетъ пышностью своихъ церемоній. Благодаря покровительству Великобританіи, епископализмъ былъ въ прежнее время привиллегированною религіею, официальною во многихъ американскихъ территоріяхъ. Онъ сохраняетъ еще англиканскую литургію; его ассоціаціи и его храмы богаче, чѣмъ храмы всякой другой секты. Чуждый раздорамъ, волнующимъ Америку, онъ въ эти послѣдніе годы дѣлалъ похвальныя усилія для примиренія партій, и, слѣдуя примѣру католиковъ и квакеровъ, протянулъ братскую руку всѣмъ, безъ различія политическаго знамени. Не смотря на столько причинъ, которыя должны были бы благопріятствовать его распространенію, онъ съ каждымъ днемъ однако утрачиваетъ свое вліяніе. Число его приверженцевъ едва достигаетъ теперь 160,000.

Методизмъ и *баптизмъ* составляютъ, напротивъ, вѣроисповѣданія, предпочитаемыя ремесленниками и простымъ народомъ; къ одному изъ этихъ вѣроисповѣданій принадлежатъ обыкновенно негры. Ничего не можетъ быть трогательнѣе вида этихъ особыхъ церквей, куда ихъ удалилъ общественный предразсудокъ, или религіозныхъ собраній этихъ несчастныхъ людей. Бѣдственное положеніе сдѣлало ихъ душу болѣе доступною кротости христіанскихъ догматовъ, болѣе расположенною признать ихъ величественную глубину; оттого молитва прерывается слезами, восклицаніями любви и энтузіазма. Иногда, когда проповѣдникъ говоритъ о безконечномъ милосердіи Бога, о его любви къ малымъ и слабымъ, раздаются настоящіе взрывы религіознаго восторга.

Южные, центральные и западные штаты заключаютъ значительное число методистскихъ конгрегацій; насчитываютъ приблизительно двѣнадцать тысячъ ихъ храмовъ и до шестнадцати тысячъ ихъ членовъ. Не слѣдуетъ однако думать, что всѣ эти церкви, соединенныя подъ однимъ общимъ названіемъ, исповѣдуютъ одну и ту же вѣру и тотъ же культъ: иной методизмъ *Африканцевъ*, иной *веслеенцевъ* или *диссидентовъ*.

Однако раздробленіе этой секты далеко не можетъ сравниться съ раздробленіемъ баптистской, 150,000 членовъ которой раздѣляются на множество различныхъ исповѣданій. Главное изъ нихъ исповѣданіе *иноковъ*; баптисты *свободной мысли*, баптисты *седьмаго дня* и *шести заповѣдей* имѣютъ также много приверженцевъ въ Новой Англіи, *винебренаріанцы* распространяются въ Пенсильваніи, *ученики или кампбеллисты* въ Виргиніи, Кентуки, Огіо, Иллинойсѣ. Къ этому перечисленію надо еще прибавить *антимиссіонеровъ*, *менонитовъ* и многихъ другихъ, но перечень ихъ былъ бы слишкомъ длиненъ.

Нѣмецкая эмиграція значительно увеличила въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ значеніе лютеранства въ Соединенныхъ Штатахъ. Колонисты прибываютъ большею частью проникнутые матеріализмомъ, столь общимъ въ низшихъ классахъ германскаго общества. Разъ они поселяются въ Америкѣ, въ глубокой христіанской странѣ, въ ихъ сердцѣ снова пробуждается остатокъ вѣры и многіе изъ нихъ возвращаются на этой чужой землѣ въ лоно религіи, которую они отвергли въ своей странѣ. Лютеранская церковь считаетъ нынѣ не менѣе 250,000 членовъ.

Квакеры или друзья. Это кроткая и милосердная секта, имѣвшая въ своей средѣ столько истинно еван-

гельскихъ душъ; несмотря на свои странности, она всегда оставалась достойной всеобщаго уваженія. Квакеры нынѣ весьма спустились съ той высоты, на которой стояли прежде въ Американскомъ Союзѣ; они утратили свое преобладаніе даже въ томъ штатѣ, который они основали. Филадельфія, ихъ метрополія, сохраняетъ еще отпечатокъ мира, спокойствія и простоты, который они ей дали; но изъ 400 церквей этого города только не болѣе десяти принадлежатъ къ исповѣданію друзей. Однако, среди безчисленнаго развѣтвленія сектъ Новаго Свѣта, они заслуживаютъ еще вниманія, ибо цифра ихъ приверженцевъ достигаетъ приблизительно ста тысячъ.

Въ предшествующемъ бѣгломъ очеркѣ одинъ фактъ долженъ былъ поразить читателя, это—численная слабость церквей, представленныхъ нами главными центрами религіозной мысли. Соединяя ихъ всѣ, едва можно насчитать пять или шесть милліоновъ вѣрующихъ; если прибавить къ этимъ различнымъ культамъ католицизмъ, пріобрѣтающій въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ мы это покажемъ дальше, чрезвычайное распространеніе, мы найдемъ, что приблизительно только десять милліоновъ американцевъ относятся къ тому или другому изъ поименованныхъ вѣроисповѣданій. Но нація заключаетъ тридцать пять милліоновъ душъ; куда же относятся эти остальные двадцать пять милліоновъ? Если христіанское вліяніе проникаетъ весь соціальный строй, какимъ образомъ статистика представляетъ намъ такое ограниченное меньшинство?

Многія причины объясняютъ это положеніе дѣлъ. Прежде всего, множество церквей, которыя по своей относительной незначительности не попадаютъ въ перепись, составили бы однако, если бы было время и

терпѣніе ихъ сгруппировать, весьма значительную цифру вѣрующихъ. Такая-то секта, напримѣръ, не распространяется далѣе города, гдѣ она получила начало, и соединяетъ только двѣ или три тысячи вѣрующихъ; другая имѣетъ только пять или шесть храмовъ, даже только одинъ; но всѣ онѣ проповѣдуютъ великія обязанности, главные догматы христіанства; всѣ онѣ работаютъ надъ распространеніемъ вѣрованій.

Особая организація протестантскихъ конгрегацій также способствуетъ странному пониженію цифры религіозной статистики. Чтобы быть принятымъ членомъ церкви, чтобы считаться въ числѣ вѣрующихъ, надо пройти черезъ множество формальностей. Надо подвергнуться мелочному допросу, изложить предъ собраніемъ почетныхъ прихожанъ состояніе своей души и поводы, которые побудили избрать болѣе христіанскую жизнь. Конгрегація произноситъ затѣмъ тайной баллотировкой мнѣніе о достоинствѣ кандидата; если онъ принятъ, онъ дѣлается *братомъ* и допускается къ причастію; если онъ отвергнутъ, онъ остается внѣ корпораціи до тѣхъ поръ, пока серьезныя усилія къ исправленію не дозволятъ ему снова явиться. Большія преимущества были прежде соединены съ званіемъ *причастника*; оно одно давало гражданскія и политическія права; нельзя было ни подавать голосъ при выборахъ, ни быть судьей или должностнымъ лицомъ, не будучи членомъ этого избраннаго общества вѣрующихъ. Нынѣ, когда восторжествовала свобода совѣсти, когда никакая приманка не заставляетъ болѣе гражданъ склоняться предъ этими суровыми условіями, большое число американцевъ, оставаясь христіанами въ душѣ, не принадлежатъ спеціально ни къ какой сектѣ.

Впрочемъ, принимать участіе въ конгрегаціи бы-

ваетъ иногда тягостно. Церкви въ Соединенныхъ Штатахъ не представляютъ, какъ у насъ, гостепріимныя обители, гдѣ и бѣдные, и богатые могутъ садиться одинъ возлѣ другаго; онѣ во всемъ имѣютъ характеръ исключительности; это частная собственность, принадлежащая тѣмъ, кто ее купилъ или построилъ. Притомъ, большинство протестантскихъ пасторовъ получаютъ значительное жалованье, поэтому мѣста въ церквахъ отдаются въ наемъ за весьма дорогую цѣну, чтобы покрыть расходы на жалованье. Изъ этого слѣдуетъ (и просвѣщенные протестанты огорчаются этимъ положеніемъ дѣлъ), что бѣдные въ сущности изгнаны изъ большинства церквей.

Наконецъ, нельзя не сознаться, что видъ многочисленности американскихъ сектъ мало способствуетъ къ внушенію горячихъ религіозныхъ убѣжденій. Передъ этимъ множествомъ доктринъ, которыя всѣ съ одинаковой увѣренностью даютъ различныя объясненія христіанской вѣры, смущенная общественная мысль ищетъ убѣжища противъ неизвѣстности. Жаждая религіозной жизни, она не думаетъ попирать ногами вѣрованія, на которыхъ основано общественное зданіе, но она вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣла бы ухватиться за такіе догматы, которые не были бы потрясены никакимъ нападеніемъ. Это было не легко; много ли христіанскихъ истинъ, подъ которыя не подкопалась бы та или другая религіозная секта? Надо было много уничтожать, много исключать, и наконецъ, видя, что склонялись къ пропасти раціонализма, останавливались. Такимъ-то образомъ получили начало въ Соединенныхъ Штатахъ доктрины *Унитаріанцевъ* и *Универсалистовъ*.

Извѣстно, что опираясь на принципъ свободнаго изслѣдованія, составляющій знамя и великое оружіе

протестантизма, эти новыя религiозныя системы почти уничтожили догматы, освященные вѣковымъ почитанiемъ христiанъ. Всякое вѣрованiе, не происходящее отъ естественнаго свѣта разума, провозглашалось сомнительнымъ и необязательнымъ; всякiй символъ былъ уничтожаемъ вслѣдствiе того, что не могли сойтись въ формулированiи его; и въ одномъ евангельскомъ милосердiи, въ общей любви къ добру и къ истинѣ думали найти достаточную связь для соединенiя различныхъ церквей.

Столь смѣлыя, столь отчетливо формулированныя доктрины должны были, казалось, вести прямо къ абсолютному отрицанiю, или по крайней мѣрѣ къ той слабой и умозрительной религiи, которую называютъ *естественной религiей*. Такъ было бы въ Европѣ; но сила христiанскаго чувства сохранила Америку отъ этой опасности. Человѣкъ, одаренный благороднымъ умомъ и великимъ сердцемъ, Чаннингъ, сдѣлался толкователемъ униторiанскихъ идей. Читая трогательныя страницы, гдѣ онъ изливаетъ свою душу, нельзя не чувствовать уваженiя и удивленiя. Этотъ проповѣдникъ, который гордится тѣмъ, что не принадлежитъ ни къ какой сектѣ и провозглашаетъ высшее господство разума,—въ то же время самый ревностный ученикъ Евангелiя; онъ ставитъ эту великую книгу правиломъ своей жизни; христiанство поглощаетъ его всего, нѣтъ ни одной мысли, нѣтъ ни одного дѣйствiя его, на которомъ не отражался бы его свѣтъ. «Великiя задачи дня, говоритъ Г. Лабулэ, воспитанiе, нравственное усовершенствованiе, возвышенiе рабочаго класса, воздержанiе, уничтоженiе рабства, общiй миръ, политическiя права, форма правительства, — все сво-

дится у Чаннинга къ двумъ принципамъ: религіозная любовь къ людямъ, религіозное уваженіе ихъ свободы».

Какимъ образомъ знаменитый проповѣдникъ унитаризма нашелъ возможность привить къ столь слабой вѣрѣ столь высокую добродѣтель, которая никогда ни на одну минуту не ослабѣвала? Какимъ образомъ, отбрасывая во имя разума всѣ догматы, начиная съ божественности Христа, нашелъ онъ тайну остаться столь глубоко христіаниномъ? Это одна изъ тѣхъ счастливыхъ непослѣдовательностей, которыя часто встрѣчаются въ великодушныхъ натурахъ и которыя заставляютъ ихъ избѣгать ихъ собственныхъ заблужденій.

Чаннингъ уже въ молодости чувствовалъ въ себѣ святую страсть къ истинѣ; онъ горячо преслѣдовалъ ее, но ни одна изъ протестантскихъ сектъ не могла удовлетворить потребностямъ его души; ни одна изъ нихъ не обладала тѣмъ отличительнымъ свойствомъ, которое изгоняетъ всякое сомнѣніе и колебаніе. Это еще было въ эпоху, когда католицизмъ, предметъ общаго предубѣжденія, считался въ Соединенныхъ Штатахъ общественнымъ врагомъ. Говорили, что для присоединенія себя къ этому отсталому культу надо отречься отъ своей свободы, отречься отъ своего разума. Не пришло еще время, когда Америка должна была понять, что древняя церковь никогда не требовала отъ человѣка отреченія отъ неотъемлемыхъ преимуществъ, составляющихъ суть всего его существованія и дающихъ ему господство надъ другими твореніями. Чаннингъ не зналъ, что католицизмъ могъ сказать съ однимъ изъ своихъ самыхъ знаменитыхъ ораторовъ: «Разумъ, происходя отъ Бога, долженъ быть въ согласіи съ божественнымъ свидѣтельствомъ, заключающимся въ преданіи и въ Священномъ Писаніи; иначе

свѣтъ будетъ въ противорѣчіи съ свѣтомъ и Богомъ— съ самимъ собою» *).

Чаннингъ, несмотря на тайную симпатію, привлекавшую его лично къ церкви, отвернулся отъ нея и обратился къ свободному изслѣдованію. «Я готовъ, пишетъ онъ, пожертвовать для религіи моимъ состояніемъ, моею честью и жизнью, но я не долженъ отказываться отъ высшей способности, данной мнѣ Богомъ; это значило бы совершить святотатство».

Однако самъ этотъ разумъ, возстановленія правъ котораго Чаннингъ такъ благородно требовалъ, говорилъ ему, въ согласіи съ опытомъ, что доктрина свободнаго изслѣдованія должна логически, неизбѣжно привести къ безграничному раздробленію. Отвергать всякій внѣшній авторитетъ, предоставлять индивидуальному чувству толкованіе Священнаго Писанія, значитъ рѣшиться видѣть вѣру подвергнутой самымъ многочисленнымъ и самымъ неожиданнымъ измѣненіямъ. Должна придти минута, когда, какъ это предвидѣлъ два вѣка тому назадъ геній Боссюэ, протестантизмъ будетъ имѣть столько же церквей, сколько и головъ. На этотъ результатъ Чаннингъ смотритъ прямо, и храбро принимаетъ его. Можно сказать, что унитоpіанская доктрина—послѣднее усиліе Реформы съ цѣлью избѣжать угрожающаго ей разрушенія. Принужденная признать, что всѣ догматическія истины ускользаютъ отъ нея одна за другой, что она не имѣетъ прочнаго основанія для утвержденія какой либо изъ нихъ, ей приходится теперь, если она хочетъ остаться послѣдовательною въ своихъ принципахъ, провозгласить, что вѣра не составляетъ существеннаго характера христіанина.

*) Lacordaire, *XI-e Conférence de Notre Dame*. 1836.

«У насъ нѣтъ установленныхъ ни символовъ, ни credo, говорилъ въ 1831 году Чаннингъ г. Жерандо. Каждый думаетъ самъ по себѣ и различно отъ другаго, такъ что мои сочиненія познакомятъ васъ скорѣе съ моими личными мнѣніями, чѣмъ съ догматами секты». Итакъ, провозгласивъ ранѣе странную доктрину, что достаточно одной вѣры, чтобы спасти человѣка, даже если она не приноситъ никакихъ плодовъ, не проявляется никакими добрыми дѣлами, протестантизмъ, утомленный, впадаетъ теперь въ противоположную крайность; вѣрованія ничего не значатъ въ глазахъ унитаризма. Свободное изслѣдованіе сдѣлало ихъ индивидуальными, измѣнчивыми, разнообразными и они не имѣютъ болѣе ни силы, ни обаянія; они не могутъ быть отличительнымъ признакомъ всемірной Церкви, основанной Христомъ.

Но что же будетъ связывать столь различные умы, ибо, что бы мы ни дѣлали, идея единства напечатлѣна въ глубинѣ нашей души слишкомъ сильной рукой, чтобы мы могли ее стереть? Надо искать эту связь въ человѣческомъ сердцѣ, отвѣчаетъ унитаризмъ; это должна быть любовь къ Богу и къ ближнему, небесное милосердіе, проповѣдуемое Христомъ.

Очень хорошо, эти слова прекрасны и мы признаемъ, что извѣстное число учениковъ новой секты, во главѣ ихъ Чаннингъ, благородно примѣнили ихъ къ практикѣ. Но кто же не видитъ, что это чувство, а не доктрина; великодушное стремленіе, а не религія? Унитаризмъ ошибается, если онъ полагаетъ, что неопредѣленныя вѣрованія могутъ имѣть на нравы благотворное дѣйствіе; сердце любитъ или ненавидитъ только подъ вліяніемъ разума; оно отдается только тогда, когда умъ покажетъ ему красоту предмета, для

котораго онъ требуетъ его любви: убѣжденія рождаютъ волю. Самъ Чаннингъ не могъ бы внести столько рвенія и самозабвенія въ исполненіе добра, еслибы глубокая вѣра не проникла въ его душу.

Хотя унитаризмъ былъ законнымъ слѣдствіемъ свободнаго изслѣдованія, онъ возбудилъ вездѣ въ Америкѣ сильную оппозицію. Протестантскія секты испугались, видя паденіе остатковъ догмата, считаемаго ими, не безъ причины, ихъ единственной защитой противъ вторженія раціонализма. Онѣ не замѣчали, что онѣ сами, своими собственными раздѣленіями, подкапались подъ него до самыхъ его основаній, и что не требовалось даже руки Чаннинга, чтобы заставить его рушиться со всѣхъ сторонъ. Далеко не желая разрушать, унитаризмъ старался найти въ этой пыли матеріалы для прочнаго религіознаго зданія. Поэтому, несмотря на проклятія протестантовъ, онъ началъ распространяться въ самыхъ просвѣщенныхъ центрахъ Новой Англіи, а вопросъ о рабствѣ, давъ ему общее знамя, сообщилъ ему новую силу. Во имя Бога и справедливости Чаннингъ защищалъ негровъ съ тѣмъ краснорѣчіемъ, которое собрало вокругъ него всѣ великодушные умы. Это были прекрасные дни унитаризма. Лишенный теперь предводителей, придававшихъ ему величіе ихъ души, онъ находитъ еще въ окружающей его средѣ силу оставаться религіознымъ обществомъ; но та тѣнь вѣры, которая отличаетъ его отъ философскихъ системъ, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ. Онъ набираетъ мало приверженцевъ, учреждаетъ мало церквей, образуетъ мало филантропическихъ ассоціацій; мы не думаемъ произнести строгое и невѣрное сужденіе, сказавъ, что христіанская жизнь отдаляется отъ него.

Однако протестантизмъ съ его безконечнымъ разнообразіемъ, унитаризмъ съ его раціоналистскими стремленіями не выражаютъ еще всей американской религіозной мысли. Видъ разъединенія реформатскихъ церквей имѣлъ на души иное дѣйствіе, чѣмъ возбужденіе въ нихъ отвращенія ко всякой установленной формѣ вѣрованія: онъ возвратилъ большое число ихъ къ католицизму. Пожелали познакомиться съ этой вѣрой, которая, твердая и спокойная среди бурь, прошла чрезъ восемнадцать столѣтій, не оставивъ на кустарникахъ и терніяхъ пути ни одного клочка своей доктрины, и которая обнимаетъ весь міръ въ своемъ свѣтломъ единствѣ. Видя ее на дѣлѣ, принуждены были признаться, что она также обладаетъ тѣмъ божественнымъ милосердіемъ, которое унитаріанцы сдѣлали краеугольнымъ камнемъ своей системы. Чаннингъ первый призналъ это; хотя и столь отдаленный по догмату, онъ не находитъ достаточно похвалъ для этой церкви, плодотворное милосердіе которой его душа не могла не цѣнить и не понимать.

Явное движеніе начинается теперь въ пользу католицизма; среди ужасовъ гражданской войны онъ одинъ соединилъ въ одной братской любви всѣхъ своихъ дѣтей, безъ различія партій или политическихъ мнѣній; онъ продолжаетъ въ настоящее время исполнять свою задачу примиренія, и его милосердіе на столько же покоряетъ ему сердца, на сколько постоянное единство его доктрины поражаетъ умы.

Когда наблюдаешь въ Соединенныхъ Штатахъ положеніе католицизма и сравниваешь симпатію, которою онъ тамъ пользуется, съ нападками, которымъ онъ такъ часто подвергается по сю сторону океана, естественно рождается вопросъ: какая причина такого

различія? Имѣетъ ли эта церковь въ Европѣ менѣе любви и кротости? Относительно вѣры, имѣетъ ли она менѣе единства? Если она обладаетъ тѣми же свойствами величія, то почему же не достигаетъ она того же уваженія? А потому, что въ Соединенныхъ Штатахъ церковь совсѣмъ отдѣлена отъ государства; ее не считаютъ причисленной къ той или другой политической системѣ, къ той или другой формѣ правительства. Примѣръ Европы и Америки показываетъ, насколько религія выигрываетъ, если ее предоставляютъ ея собственнымъ силамъ.

«Соединяясь съ различными властями міра сего, превосходно говоритъ Токвиль, церковь заключаетъ тяжелый союзъ. Когда она опирается на преходящіе интересы, она дѣлается почти такою же непрочною, какъ всѣ власти земныя. Оставаясь одна, она можетъ надѣяться на безсмертіе; связанная же съ эфемерными властями, она слѣдуетъ за ихъ судьбою и часто падаетъ вмѣстѣ съ однодневными страстями, поддерживающими ихъ».

Надо сознаться, однако, что полная свобода, данная въ Америкѣ каждому вѣрованію, дозволяла иногда проявляться страннымъ заблужденіямъ. Рядомъ съ старинной формой установленнаго культа рождались самыя противоположныя стремленія, самыя странныя секты. Но не слѣдуетъ ли приписать этотъ безпорядокъ мысли скорѣе дезорганизаціи протестантизма, оставляющаго совѣсть въ столь тревожномъ состояніи, чѣмъ религіозной свободѣ? Холодъ скептицизма не охватилъ американцевъ; они жаждутъ божественныхъ идей и чувствуютъ, что почва вѣры колеблется подъ ихъ ногами; самыя ихъ заблужденія доказываютъ, что чувство безконечнаго не погасло въ нихъ. Вездѣ, од-

нако, гдѣ царствуетъ свобода, есть всегда средства противъ зла; лишь только дозволяется истинѣ вступить въ борьбу съ ложными системами, она уничтожаетъ ихъ и умъ находитъ въ ея законахъ снова довѣріе и спокойствіе.

ГЛАВА XIII.

Мормоны.

Между безчисленными сектами, появившимися въ послѣднее время на крайнемъ западѣ Америки, *мормоны* образуютъ самую значительную и самую оригинальную. Много разсказовъ познакомили уже насъ съ этимъ страннымъ народомъ. Но почти всѣ они представляютъ намъ его кучкою безумцевъ, буйныхъ и порочныхъ фанатиковъ; между тѣмъ, эти безумцы основали цвѣтущую общину, имѣющую около 200,000 душъ, побѣдили пустыню посредствомъ труда, учредили города и обработали земли въ такихъ мѣстахъ, которыя, по словамъ всѣхъ изслѣдователей, были обречены на неисправимую безплодность. Слѣдовательно, къ ихъ утопіямъ, которыя въ началѣ только смѣшили публику, примѣшанъ, вѣроятно, какой нибудь живительный зародышъ. Секретъ этой силы откроетъ намъ самъ источникъ мормонства; на основаніи его собственнаго свидѣтельства мы и будемъ судить объ этомъ странномъ народѣ.

Въ восточной части Скалистыхъ горъ простирается къ сѣверу отъ горной цѣпи Вазача равнина, которая въ прекрасный лѣтній день кажется вся покрытой золотомъ и пурпуромъ, благодаря блеску милліоновъ под-

солнечниковъ, которыми она усѣяна, благодаря особенно лучезарному туману, подымаемому теплыми солнечными лучами надъ поверхностью множества озеръ, болотъ и рѣкъ. Къ югу горная цѣпь, называемая индѣйцами Окирръ (Oquirrh), сливаетъ съ облаками свои туманныя вершины. На западѣ тянутся хорошенькія рощицы *святаго* города, столицы мормоновъ, Новаго Іерусалима. По ту сторону, Іорданъ несетъ свои воды въ Соленое озеро, огромная голубая поверхность котораго наполняетъ средину равнины. Городъ похожъ на большой паркъ, въ которомъ, между безчисленными группами темнозеленыхъ деревъ, виднѣются кіоскъ, капелла, судилище. Далѣе, на возвышенности, американскій лагерь разстилаетъ свои бѣлыя и желтыя палатки, ибо вашингтонское правительство слѣдитъ тревожнымъ взоромъ за успѣхами секты и выслало въ Утаху многочисленныя войска.

Построенный среди прекраснаго мѣстоположенія, окруженный обработанными и замѣчательно плодородными полями, Новый Іерусалимъ долженъ казаться настоящей обѣтованной землей, земнымъ раемъ для бѣднаго и фанатическаго эмигранта, не знавшаго доселѣ другаго жилища, какъ грязные и вонючіе подвалы Лондона и Ливерпуля.

Если вѣрить мормонамъ, то небесное видѣніе опредѣлило основаніе города. Въ то время, какъ ихъ предводитель *Бригхамъ-Юнгъ* (Brigham-Young) проходилъ горы, ища, гдѣ бы ему поселить свой народъ, ему во снѣ явился ангелъ, показалъ ему возвышенность конической формы и приказалъ ему построить здѣсь храмъ закона. Пророкъ спустился къ Соленому озеру, нашелъ мѣсто, описанное посланникомъ Бога, и поселился тамъ съ своими учениками. Новый Іерусалимъ расположенъ

между двумя внутренними морями, озеромъ Утаха и Соленымъ озеромъ, соединяющимися между собою рѣкой Іорданомъ; но эта рѣка лишь окаймляетъ долину, уже орошаемую множествомъ потоковъ, и мало служитъ для ея орошенія. Бригхамъ-Юнгъ составилъ проектъ прорытія канала, который привелъ бы воды Утахи къ нижнему склону цѣпи Вазача; это предпріятіе, которое, по всей вѣроятности, будетъ исполнено, если ничто не помѣшаетъ развитію мормонства, оплодотворитъ громадное пространство безплодной земли.

Городъ занимаетъ поверхность въ 1200 гектаровъ (около 600 десятинъ), раздѣленную на триста равныхъ участковъ, изъ которыхъ каждый въ свою очередь дѣлится на восемь частей. Храмъ, или скорѣе мѣсто, на которомъ онъ долженъ возвышаться (ибо въ этомъ городѣ святыхъ всѣ другія общественныя зданія были построены прежде храма), занимаетъ центръ города; но это еще не болѣе, какъ нѣсколько простыхъ домовъ, которымъ предшествуетъ *bowery*, сарай, покрытый досками и древесными вѣтвями, гдѣ вѣрующіе, не нашедшіе мѣста въ временныхъ скиніяхъ, укрываются отъ дождя и солнца. Съ каждой стороны храма идетъ улица, шириною въ сорокъ метровъ, направляющаяся прямою линіею къ равнинѣ. Параллельныя ей дороги идутъ на востокъ, западъ, сѣверъ и югъ. Такое расположеніе было бы однообразно, если бы эти симметрическія аллеи не оживлялись группами кустарниковъ и деревъ и не освѣжались свѣжими ручейками. Главная улица, которая примыкаетъ къ проектированному фасаду храма, должна была быть сохранена для мормонскихъ пророковъ; стоящіе на ней дома, болѣе большіе и просторные, имѣютъ почти религіозный характеръ; но торговля не замедлила вторгнуться въ это

святое мѣсто: банки, магазины, отели возвышаются возлѣ домовъ Бригхама Юнга, Кимбалля и Вельса, трехъ главныхъ начальниковъ Новаго Іерусалима. Сады были замѣнены лавками, и деревья, окаймляющія дорогу, были срублены, для облегченія нагрузки и выгрузки товаровъ. Это широкая, пыльная улица, еще лишенная мостовой, представляетъ всѣ три фазиса, чрезъ которые переходитъ каждый американскій городъ: рядомъ съ домами, построенными изъ *adobes*, т. е. изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, возвышается домикъ изъ простыхъ бревенъ и каменное жилище, назначаемое для богатыхъ.

Своею наружностію столица мормонства мало отличается отъ городовъ Канзаса и Миссури, исключая развѣ того, что въ ней не видишь трактировъ и игорныхъ домовъ и не встрѣчаешь пьяныхъ и буйныхъ людей, ибо строгая полиція останавливаетъ всякій безпорядокъ. Но войдемъ въ эти домики, столь привлекательные по наружности, такъ хорошо осѣненные тѣнью фруктовыхъ деревъ, такъ кокетливо украшенные вьющимися растеніями: здѣсь-то скрывается язва этого страннаго общества. Нѣсколько коттэджей, подобныхъ швейцарскимъ домикамъ, разсѣяны по саду.

— Кому принадлежатъ эти хорошенькія виллы?

— Супругамъ брата Кимбалля, отвѣчаетъ намъ прохожій. Каждая изъ нихъ живетъ въ отдѣльномъ павильонѣ.

— Это, можетъ быть, не лишнее, чтобы помѣшать ссорамъ. Выказываютъ ли всѣ мормоны такую предусмотрительность?

— Мы устраиваемъ какъ намъ угодно наши домашнія дѣла. Видите тамъ этотъ большой домъ изъ краснаго камня? Это домъ Гирема Клаусона; его три

первыя жены живутъ тамъ вмѣстѣ съ двадцатью дѣтьми.

— Однако я вижу тамъ въ глубинѣ уединенный коттэджъ, скрытый среди кустовъ розъ?

— Правда, Гиремъ женился недавно на младшей дочери нашего пророка и сдѣлалъ исключеніе въ ея пользу.

— А! конечно, дочь султана должна имѣть привилегію.

Итакъ, разрушая домашній очагъ, секта, христіанская только по названію, старается ввести въ среду европейскаго общества магометанскіе нравы. Трудно было бы объяснить успѣхъ подобнаго ученія, если не принять во вниманіе, что его апостолы обращаются къ людямъ невѣжественнымъ, грубымъ, отвыкшимъ отъ всякаго вѣрованія. Бригхамъ-Юнгъ, который первый ввелъ многоженство къ мормонамъ, представилъ его сначала не какъ право, но какъ даръ, даваемый Богомъ его избраннымъ; получить свыше, черезъ уста посланника Божія, позволеніе взять новую супругу, было наградой за рвеніе и святость. Можетъ быть, пророкъ думалъ сначала сохранить эту привиллегію только за почетными лицами его церкви; но скоро понявъ, сколько такое учрежденіе будетъ способствовать увеличенію его секты, онъ обобщилъ обычай. Нельзя отрицать, что многоженство, это преступленіе противъ цивилизаціи, дѣйствительно составляетъ элементъ силы при началѣ общества. Если какимъ нибудь способомъ народъ привлекаетъ на свою территорію дочерей другихъ націй, обладаніе такимъ сокровищемъ даетъ ему возможность чрезвычайно распространяться. Пророкъ началъ поэтому съ ученія, что всякій вѣрующій свободенъ заключать бракъ съ женами еретиковъ

и, чтобы подтвердить это примѣромъ, онъ привезъ изъ западныхъ штатовъ молодую американку, которую онъ похитилъ отъ мужа.

Женщины, однако, чувствуютъ, что мормонство ихъ унижаетъ; поэтому нѣкоторыя изъ нихъ, несмотря на недоброжелательство, съ которымъ смотрятъ тамъ на холостое состояніе, предпочитаютъ уединенную и трудовую жизнь богатству, которое они могутъ найти въ гаремѣ пророковъ. Тѣ, которыя вышли замужъ, утратили грацію и веселость своихъ европейскихъ сестеръ. *Святыя* говорятъ, что взамѣнъ этого онѣ сдѣлались лучшими женами, болѣе нѣжными матерями, что онѣ пріобрѣли въ прочныхъ добродѣтеляхъ то, что потеряли во внѣшней прелести.

Для безпристрастнаго наблюдателя очевидно, что онѣ перестали быть тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлало христіанство, подругами мужчины: онѣ сдѣлались рабынями господина. Онѣ не участвуютъ болѣе при семейномъ обѣдѣ, онѣ не оживляютъ болѣе общества своей улыбкой и удаляются изъ залы, чтобы запереться въ кухнѣ или въ прачешной. Если онѣ и входятъ иногда въ залу, съ ребенкомъ на рукахъ, чтобы принести фрукты или пирожное, то онѣ имѣютъ при этомъ всегда холодный и принужденный видъ, будто онѣ боятся, что самый разговоръ съ гостемъ сочтется ихъ мужемъ за преступное вмѣшательство.

На Соленомъ озерѣ женщина должна держаться въ сторонѣ; молодая дѣвушка не смѣетъ говорить съ своимъ отцомъ иначе, какъ называя его «господинъ»; она не позволитъ себѣ сѣсть въ его присутствіи, исключая развѣ если онъ ей это прикажетъ.

Правда, что, взамѣнъ такого рабства, мормонскій законъ даетъ прекраснымъ энтузіасткамъ, при-

нявшимъ его, полную свободу въ выборѣ супруга, съ которымъ онѣ раздѣлятъ престолъ будущей жизни; ибо пророки Соленаго озера, чтобы завершить свое чувственное ученіе, придумали рай, весьма похожій на рай Магомета, за исключеніемъ развѣ того, что дочери земли должны играть въ немъ роль гурій. Каждая женщина, недовольная своимъ мужемъ или желающая небесныхъ почестей, можетъ, несмотря на узы, связывающія ея судьбу въ этомъ мірѣ, обручиться для другаго міра съ начальниками мормонства. Ни время, ни мѣсто не составляютъ препятствія для этихъ мистическихъ союзовъ, которые только пророкъ имѣетъ право освящать.

Если воображеніе вѣрующей воспламеняется при разсказахъ о геройскихъ подвигахъ святаго новой вѣры, если она стремится сдѣлаться супругой его для вѣчности, Бригхамъ-Юнгъ можетъ согласиться на ея желаніе, даже въ томъ случаѣ, если предметъ этой страсти находится на другомъ континентѣ, или если онъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Основатель секты, Іосифъ Смитъ—любимый женихъ ревностныхъ мормонокъ; но настоящій начальникъ Новаго Іерусалима сохраняетъ за собою право, если супруга свободна отъ всякой земной связи, дать покойному пророку мірскаго замѣстителя».

«Нѣтъ ничего страннѣе, говоритъ одинъ англійскій путешественникъ. г. Диксонъ, какъ эта страсть святыхъ женщинъ къ людямъ, давно уже находящимся въ могилѣ. Одна нью-іоркская дама пылала сильнымъ желаніемъ соединиться съ Іосифомъ Смитомъ. Она отправилась на Соленое озеро, бросилась къ ногамъ Бригхама Юнга и со слезами умоляла его обручить ее съ человѣкомъ, исторія котораго возбудила въ ней столь

сильный восторгъ. Глава мормонства сначала отказалъ. Чтобы заключить этотъ бракъ, надо было, чтобы кто-нибудь заступилъ мѣсто Смита; а кто другой могъ замѣнить умершаго пророка, какъ не его преемникъ? Между тѣмъ гаремъ Бригхама былъ переполненъ; новая супруга мѣшала бы его домашнимъ распоряженіямъ. Онъ уклончиво отвѣчалъ дамѣ и отпустилъ ее. Но она не пришла въ отчаяніе; ея просьбы сдѣлались такъ настойчивы, ея рвеніе было такъ трогательно, что Юнгъ наконецъ уступилъ: онъ соединилъ ее съ Іосифомъ для неба и согласился исполнять при ней земнаго замѣстителя, принявъ ее въ свой сераль.

Женщины однако не осуждены, какъ на Востокѣ, на полное заточеніе. Бригхамъ, зная, какое онѣ сохраняютъ еще вліяніе и какъ необходимо привязать ихъ къ его доктринѣ, старается празднествами заставить ихъ позабыть то, что онъ отнимаетъ отъ ихъ нравственнаго достоинства. Весьма часто устраиваются блестящія собранія и танцы пользуются большою благосклонностью у *святыхъ послѣдняго дня*, какъ именуютъ себя мормоны. Пророкъ, система котораго основана повидимому на принципѣ: «примирить религію съ удовольствіемъ», одинаково поощряетъ сценическія представленія, которыя, по его мнѣнію, имѣютъ сильное нравственное вліяніе на народъ. Поэтому въ то время, какъ фундаментъ его храма еще не оконченъ, Новый Іерусалимъ обладаетъ уже театромъ, представляющимъ образецъ изящества и комфорта.

Это зданіе въ дорическомъ стилѣ, весьма простое извнѣ, поддерживается внутри легкой колоннадой, которой отсутствіе хоръ и балконовъ придаетъ воздушный видъ; стѣны бѣлыя съ золотыми украшеніями. Партеръ подымается амфитеатромъ, начиная отъ орке-

16

стра, такъ что каждый зритель можетъ отлично видѣть сцену. Здѣсь-то каждый вечеръ собираются епископы и старшины народа, окруженные своими женами и дѣтьми. Кресло-качалка поставлено для пророка среди его святыхъ; около него помѣщаются нѣкоторыя изъ его женъ: Елиза вдохновенная, блѣдная Генріетта, Амалія великолѣпная; затѣмъ слѣдуютъ, смотря по степени ихъ значенія, главныя почетныя лица мормонства: Геберъ Кимбаль, первый совѣтникъ Юнга; Даніель Вельсъ, генералъ-аншефъ; Георгъ Смитъ, апостолъ и историкъ церкви; Эдуардъ Гунтеръ, архіепископъ примасъ; Стенгаузъ, издатель *Daily-Telegraph*, и т. д. Но Бригхамъ не ограничивается освященіемъ театра своимъ присутствіемъ; чтобы действительо преобразовать его, надо, говоритъ онъ, возвысить актера и съ этой цѣлью онъ заставляетъ появляться на подмосткахъ своихъ собственныхъ дѣтей. Три изъ молодыхъ султаншъ, Алиса, Эмилія и Зина, играютъ для назиданія вѣрующихъ пьесы изъ европейскаго репертуара, ибо очищеніе, о которомъ мечтаетъ Юнгъ, не доходитъ до того, чтобы брать, подобно мистеріямъ среднихъ вѣковъ, библейскія легенды сюжетомъ своихъ драмъ.

Одно изъ особенныхъ свойствъ, отличающихъ мормоновъ и наиболѣе поражающихъ иностранца, это небольшое мѣсто, занимаемое религіей въ ихъ жизни. Въ то время какъ протестанты, уничтожая, какъ безполезныя, множество благочестивыхъ упражненій, наблюдаютъ за соблюденіемъ воскресенья съ еврейской строгостью; въ то время какъ магометане даже призываются на молитву пять разъ въ день,—«святые» увѣряютъ, что они достаточно сосредоточенны въ душѣ, достаточно близки къ Богу, чтобы нуждаться въ пу-

стыхъ формахъ. Проповѣди пророка проникнуты самымъ земнымъ, самымъ позитивнымъ духомъ, въ чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующая рѣчь, обращенная имъ однажды къ толпѣ колонистовъ, прибывшихъ наканунѣ въ Новый Іерусалимъ.

«Мои возлюбленные братья во Іисусѣ Христѣ, нашемъ Спасителѣ! Вы были избраны Всемогущимъ Богомъ и посланы въ эти мѣста, чтобы работать надъ устроеніемъ Его царства. Но длинный путь истощилъ ваши силы. Отдохните же еще одинъ или два дня, или больше, если это нужно; затѣмъ вы встанете полные мужества и постарайтесь заработать вашъ хлѣбъ, принося пользу. Не заботьтесь болѣе чѣмъ это необходимо о вашихъ религіозныхъ обязанностяхъ; вы совершаете святое дѣло, Богъ возьметъ на себя остальное. Пусть радость наполнитъ ваши сердца! Взгляните на эту долину, столь прекрасную и столь веселую: она оплодотворена трудомъ вашихъ братьевъ по вѣрѣ. Слѣдуйте ихъ примѣру: они выучились сначала сажать капусту, затѣмъ лукъ и картофель; научились строить домъ, разбивать садъ, разводить животныхъ, однимъ словомъ—жить. Вашъ первый долгъ—подражать имъ, второй, для тѣхъ изъ васъ, которые датчане, нѣмцы или швейцарцы—выучиться англійскому языку, языку Господа, языку книги мормоновъ, языку святыхъ. Исполняйте сначала этотъ долгъ; съ остальными вашими обязанностями вы познакомитесь въ свое время».

Итакъ, въ доктринѣ Бригхама Юнга главное состоитъ не въ возвышеніи сердца и ума, не въ очищеніи души, дабы сдѣлаться достойными войти въ общеніе съ Богомъ; чего надо прежде всего достигнуть, это—матеріальнаго благосостоянія.

Правда, заимствуя изъ христіанской цивилизаціи ея

творческую дѣятельность, мормоны требуютъ обладанія богатствами не отъ меча или насилія, но отъ труда. Они избрали пчелу своей эмблемой; ихъ апостолы идутъ за плугомъ, ихъ патріархи строятъ мельницы и пасутъ скотъ. Въ городѣ, гдѣ ручной трудъ почти боготворимъ, самыя высшія почетныя лица возвышаются въ общественномъ уваженіи соразмѣрно услугамъ, которыя они дѣлаютъ торговлѣ и промышленности. Этотъ сильный толчокъ, данный человѣческой дѣятельности, и составляетъ силу мормонства; ибо трудъ обладаетъ возстановляющимъ и плодотворнымъ свойствомъ. Однако, чтобы трудъ принесъ дѣйствительно здоровые плоды, надо, чтобы онъ внушался чувствомъ долга и милосердія, а не жаждой къ наслажденію. Предлагая богатство какъ цѣль всѣмъ своимъ сектантамъ, мормоны, разумѣется, этимъ сильно увеличивали число послѣднихъ, ибо страсть къ благосостоянію — недугъ современныхъ обществъ; но въ будущемъ они себѣ создали гибель, ибо ни одно прочное зданіе не можетъ быть поставлено на такомъ основаніи.

Сдѣлавъ такую оговорку, остается только удивляться разумной дѣятельности, съ которою мормоны втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ преобразовали безплодную пустыню въ веселую и плодородную страну. Они занимаютъ въ настоящее время территорію больше территоріи Испаніи; они имѣютъ населенную столицу, и, благодаря громадному пространству, которымъ они располагаютъ, благодаря ихъ рѣдкимъ колонизаторскимъ качествамъ, они съумѣли до сихъ поръ давать всѣмъ своимъ, въ вознагражденіе за трудъ, — полное изобиліе.

Поэтому эта секта, которую сумазбродство и без-

нравственность ея доктрины, казалось, осуждали на скорую смерть, распространяется въ Америкѣ, въ Германіи и Англіи съ легкостью, приводящею въ ужасъ протестантизмъ.

Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ мормонство имѣло 6 адептовъ, въ настоящее время онъ имѣетъ 160,000 въ Соединенныхъ Штатахъ, 15,000 въ Великобританіи, 10,000, въ остальной Европѣ и 20,000 въ Азіи и южныхъ моряхъ. Эта секта могла бы въ случаѣ нужды собрать армію въ двадцать тысячъ человѣкъ, и съ каждымъ днемъ она увеличивается новыми толпами эмигрантовъ.

Основатель мормонства, *Іосифъ Смитъ*, не былъ однако однимъ изъ тѣхъ высокихъ умовъ, которые, угадывая проницательнымъ взоромъ стремленія народа и вѣка, умѣютъ сдѣлать изъ нихъ покорное орудіе своей воли.

Невѣжественный, порочный и бѣдный, онъ вѣроятно увидѣлъ бы свою доктрину преданной забвенію, котораго она заслуживала, если бы ненависть его враговъ не дала ему вѣнецъ мученика. Тщетно выставляя себя посланникомъ неба, онъ обнародовалъ евангеліе новаго закона, напечатанное по волѣ самаго Бога на золотыхъ доскахъ.

Эта драгоцѣнная книга, составленная изъ тонкихъ металлическихъ пластинокъ, была, какъ говоритъ Смитъ, написана подъ вдохновеніемъ Св. Духа пророкомъ, именуемымъ Мормономъ, который жилъ въ 5-мъ вѣкѣ нашей эры. Но люди того времени не были достойны пользоваться благодатью Божественнаго откровенія; священный кодексъ былъ зарытъ на одномъ холмѣ Онтаріо, до тѣхъ поръ, пока не родился избранный, которому суждено было его обнародовать. Не

много нашлось людей на столько легковѣрныхъ, чтобы повѣрить этимъ баснямъ.

Бѣжа въ вслѣдствіе банкротства изъ Огіо въ Миссури, затѣмъ въ Иллинойсъ, гдѣ онъ основалъ колонію *Наyво* (Nauvoo), Іосифъ долженъ былъ бороться съ преслѣдованіями кредиторовъ, интригами его собственныхъ приверженцевъ и общественнымъ озлобленіемъ, и, арестованный наконецъ въ 1843 году, онъ былъ убитъ въ Карѳагенской тюрьмѣ толпою замаскированныхъ людей. Съ той минуты были забыты его плутовство, его алчность, его развратъ, его честолюбіе, его невѣжество; въ немъ стали видѣть только святаго, подвергнувшагося гнусному преслѣдованію. При жизни, его собственные пороки давали очевидное свидѣтельство противъ его доктрины; по смерти онъ сдѣлался преемникомъ Моисея и Іисуса Христа.

Человѣкъ, одаренный большою ловкостью и исключительно практическимъ умомъ, *Бригхамъ Юнгъ* захватилъ въ руки наслѣдство Іосифа Смита. Его первымъ дѣломъ было перенести резиденцію секты, ибо мормонство слишкомъ унизилось въ Иллинойсѣ, чтобы пріобрѣсти тамъ много прозелитовъ. Святые должны были покинуть страну, гдѣ они встрѣчали только притѣсненія; подобно Іудейскому народу, они должны были выйти изъ Новаго Египта, чтобы идти покорить новую Ханаанскую землю.

По ту сторону западныхъ луговъ, по ту сторону Скалистыхъ горъ, находилась пустыня, на обладаніе которой еще ни одинъ бѣлый человѣкъ не заявилъ притязанія. Море, не менѣе мертвое, чѣмъ море Палестины—большое Соленое море или Соленое озеро—лежало среди пустынныхъ равнинъ; источники, стекающіеся въ эту огромную массу воды, какъ разсказывали,

были или горькіе или зловонные, а тощая растительность, съ трудомъ произрастающая на его берегахъ, не могла служить пищей для человѣка. Юнгъ собралъ, вѣроятно, болѣе точныя и болѣе утѣшительныя свѣдѣнія, ибо онъ не колеблясь объявилъ своимъ ученикамъ, что Божественное откровеніе приказало ему вести ихъ въ эту сторону, гдѣ изобиліе вознаградитъ ихъ за ихъ усилія.

Исполненные религіознаго энтузіазма, всѣ семейства Науво поспѣшно приготовились къ отъѣзду; 500 миль отдѣляли ихъ отъ безплодной обѣтованной земли; зима начиналась, дни были коротки, земля покрыта глубокимъ снѣгомъ; холодъ, жажда, болѣзни ожидали мормоновъ въ этомъ опасномъ путешествіи, послѣ котораго имъ предстояло выдержать новую борьбу съ природой, за обладаніе жилищемъ.

Но эластичность американскаго характера имѣетъ средства для всѣхъ положеній; люди крайняго Запада могутъ быть поочередно плотниками, булочниками, фермерами; башмачникъ построитъ мостъ, проповѣдникъ очиститъ лѣсъ, законодатель испечетъ хлѣбъ. Бригхаму были извѣстны всевозможныя страданія, предназначаемыя его приверженцамъ; но ему извѣстно было также, на что способны фанатики, одаренные настойчивой волей. Когда эмигранты достигли горъ, они уже вырыли на своемъ пути не одну могилу; однако они не чувствовали ни отчаянія, ни безпокойства при видѣ крутыхъ горныхъ цѣпей, едва пересѣкаемыхъ узкими проходами, занесенными снѣгомъ. Молодые и сильные мужчины шли впереди, отгоняя дикихъ звѣрей, убивая змѣй, пролагая дорогу женщинамъ и старикамъ.

День за днемъ, недѣля за недѣлей подвигались они

съ трудомъ въ этихъ печальныхъ сіеррахъ; ихъ провизія истощалась, дичь становилась все рѣже и рѣже, и къ концу этого труднаго путешествія ихъ ожидала только безплодная пустыня. Бригхамъ Юнгъ поддерживалъ ихъ мужество разсказами объ откровеніи, которое онъ будто бы имѣлъ отъ Бога. Несмотря на холодъ и голодъ, несмотря на печальный видъ, представляемый пустынею зимою, глаза мормоновъ заблистали энтузіазмомъ и трубы ихъ радостно зазвучали, когда они стали спускаться съ обнаженныхъ склоновъ, ведущихъ къ ихъ обѣтованной землѣ.

Пророкъ тотчасъ же приступилъ къ дѣлу; онъ изслѣдовалъ проходы, начертилъ планъ своего города, указалъ на источники живой воды и на плодородныя пастбища среди этихъ равнинъ, осужденныхъ, казалось, на неисправимую безплодность. Народъ видѣлъ въ этихъ открытіяхъ чудо и началъ питать къ Бригхаму Юнгу ту слѣпую вѣру, которая дѣлаетъ и теперь начальника мормоновъ самымъ всемогущимъ властелиномъ на землѣ. Вскорѣ поля были засѣяны, устроили соляныя варницы и пильные заводы; на холмахъ начали пастись стада и Новый Іерусалимъ, *Salt Lake City* (городъ Соленаго Озера) быстро выросъ изъ земли. Краснокожіе, сначала враждебные, были привлечены щедротами и хорошимъ обращеніемъ.

«Мы находимъ болѣе экономнымъ, говоритъ Юнгъ, кормить индѣйцевъ, чѣмъ сражаться съ ними». Въ настоящее время, только чрезъ двадцать лѣтъ существованія, колонія сдѣлалась богатой и могущественной; ея купцы устроили конторы въ Нью-Іоркѣ и Лондонѣ и они имѣли въ 1867 году представителя на всемірной Парижской выставкѣ.

Какъ достигли мормоны такого быстраго разро-

станія, которое грозитъ причинить однажды серьезное затрудненіе Американскому Союзу? Мы видѣли, что любовь къ труду, доходящая до страсти, составляетъ одинъ изъ первыхъ элементовъ ихъ силы; они находятъ второй—въ дѣятельной пропагандѣ.

«Святые» имѣютъ школы и капеллы, книги и журналы въ Лондонѣ, въ Ливерпулѣ, въ Глазгау, въ Копенгагенѣ и во многихъ городахъ Германіи. Ежегодно большое число апостоловъ покидаетъ Соленое озеро для пропаганды. То, какъ они выбираются и посылаются на проповѣдь, доказываетъ громадный авторитетъ, которымъ пользуется у нихъ пророкъ. Гуляя въ окрестностяхъ города, онъ замѣчаетъ, напримѣръ, молодаго фермера, идущаго за плугомъ или гонящаго стадо воловъ. Онъ призываетъ его, говоритъ ему, что Господь избралъ его для распространенія Его слова, и приказываетъ ему тотчасъ же отправляться. Время его проповѣдничества можетъ продолжаться отъ одного года до 10 лѣтъ; мѣстомъ будетъ Ливерпуль, Дамаскъ, Дели или Пекинъ.

Молодой человѣкъ не дѣлаетъ ни малѣйшаго возраженія; онъ прощается съ своими друзьями, цѣлуетъ своихъ женъ и дѣтей, и отправляется безъ денегъ, безъ всякой провизіи, чтобы исполнить данное ему приказаніе.

На Востокѣ нѣтъ раба, повинующагося своему господину съ болѣе слѣпой и безпрекословной покорностію. Новый миссіонеръ поддерживаетъ свое существованіе, нанимаясь въ услуженіе къ купцамъ, направляющимся къ мѣсту его назначенія. Если онъ долженъ отправиться въ Европу, онъ остается въ Нью-Іоркѣ до тѣхъ поръ, пока своимъ трудомъ не заработаетъ плату на переѣздъ. Еще чаще онъ нанимается

матросомъ на корабль, чтобы проповѣдывать экипажу мормонское ученіе.

Прибывъ въ Англію, онъ поселяется у какого-нибудь мѣстнаго святаго, или, если онъ не можетъ этого сдѣлать, онъ поступаетъ рабочимъ на большую фабрику. Здѣсь онъ возбуждаетъ въ своихъ товарищахъ отвращеніе къ ихъ настоящему положенію и желаніе лучшихъ условій, онъ обѣщаетъ имъ не только спасеніе въ будущемъ мірѣ (многіе, можетъ быть, вовсе объ этомъ и не думаютъ), но особенно—земныя блага въ здѣшнемъ мірѣ. Ремесленникъ будетъ имѣть фабрики, земледѣлецъ—фермы. Мормонство должно легко находить доступъ у недовольныхъ и угнетенныхъ, ибо рай, который оно обѣщаетъ, находится не только за предѣлами могилы. Богатство, говорятъ его миссіонеры,—законное наслѣдіе святыхъ; нищета вовсе не есть благословенное положеніе, дозволяющее человѣку пріобрѣсть сокровища спасенія и милосердія; этотъ софизмъ изобрѣли сильные міра сего, чтобы держать народъ въ униженіи, но Богъ призываетъ всѣхъ своихъ къ богатству и къ наслажденіямъ.

Наконецъ, мормоны съ рѣдкимъ искусствомъ пользуются стремленіемъ къ эмиграціи, которая волнуетъ низшіе классы Англіи и Германіи. Многія бѣдныя семейства желали бы покинуть страну, гдѣ они живутъ въ нищетѣ, чтобы отправиться въ ту Америку, гдѣ собственность такъ легко пріобрѣтается; но они пугаются неизвѣстности. Какъ рѣшиться крестьянамъ, никогда не выходившимъ еще изъ ихъ деревни, однимъ, безъ друзей, безъ покровителей, искать счастія въ далекой странѣ? Мормонство обращаетъ въ свою пользу и эти затрудненія. Всѣ препятствія уничтожаются для неофитовъ: они сопровождаются впродолженіе до-

роги людьми, которые для нихъ уже болѣе не чужіе; они знаютъ, что при ихъ прибытіи въ Утаху, они найдутъ друзей, готовыхъ ихъ принять, жилища и работу. Секта, прибѣгающая къ столь дѣйствительнымъ средствамъ, никогда не будетъ имѣть недостатка въ прозелитахъ.

Пропаганда выказываетъ особенную дѣятельность въ обращеніи женщинъ. Бѣдной работницѣ, которая чахнетъ на прядильной фабрикѣ и нравственное чувство которой ослабѣваетъ въ нездоровой средѣ, мормонскій миссіонеръ представляетъ прелести страны, гдѣ всѣ дѣвушки призваны сдѣлаться женами пророковъ, гдѣ, освобожденныя отъ тяжелыхъ работъ, достающихся на долю однимъ мужчинамъ, матери семейства не имѣютъ другой заботы, какъ спокойно воспитывать своихъ дѣтей и поддерживать порядокъ въ богатомъ и комфортабельномъ домѣ.

Окончивъ свое порученіе, апостолъ возвращается на Соленое озеро въ сопровожденіи большой толпы учениковъ. Такъ-то, подъ вліяніемъ Юнга, мормонство съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры. Пророкъ не имѣетъ той широты взглядовъ, которая создаетъ прочныя учрежденія; но онъ умѣетъ пользоваться для своихъ намѣреній великими страстями современныхъ обществъ: любовью къ золоту и удовольствіямъ. Помощью этихъ сильныхъ рычаговъ онъ осуществилъ дѣло, казавшееся невозможнымъ. Онъ установилъ среди свободнаго народа самую деспотическую власть, которая когда либо существовала; въ странѣ, отвергающей государственную религію, онъ поставилъ свою церковь выше человѣческихъ законовъ; онъ воскресилъ въ девятнадцатомъ столѣтіи общественную форму, существовавшую въ

Сиріи за двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова. Попирая ногами науку и уроки исторіи, мормоны отвергаютъ то, что бѣлая раса привыкла считать самыми дорогими побѣдами времени и мысли: личную свободу, семейную жизнь, представительную форму правленія, права печати и трибуны, равенство предъ правосудіемъ. Они отбрасываютъ эти блага, купленныя столь дорогою цѣною, чтобы слѣпо подчиниться человѣку, неизвѣстнаго происхожденія и воспитанія.

«Пророкъ, основавшій нашу церковь, говорятъ они, властенъ располагать ею какъ ему угодно. Противорѣчить или противиться ему — самый лучшій способъ идти въ адъ».

Хотя «святые послѣдняго дня» крестятъ своихъ адептовъ во имя Іисуса и хотя, по ихъ увѣренію, они заимствуютъ всѣ свои догматы изъ Библіи, тѣмъ не менѣе имъ нельзя давать названіе христіанъ; магометанская мечеть представляетъ больше сходства съ нашими церквами, ибо мусульмане разбили идолы, тогда какъ мормонство возстановило ихъ.

Богъ перестаетъ быть самодержавнымъ Творцомъ міра; онъ не больше, какъ президентъ небеснаго царства, нѣчто въ родѣ древняго Юпитера, сдѣланный изъ плоти и костей, какъ смертные, на которыхъ онъ не имѣетъ никакого права, которыхъ онъ не властелинъ и не отецъ, потому что онъ не далъ имъ жизни. Освободивъ такимъ образомъ людей, сказавъ имъ, что они не сотворенныя существа, стоящія въ зависимости отъ того, кто ихъ создалъ, мормонство завершаетъ свое дѣло, возвышая смертныхъ до уровня Бога; заключая въ себѣ божественную природу безъ начала и конца, они призваны сѣсть однажды на небесные престолы.

Хотя мормоны и заимствовали отъ магометанства

его испорченные нравы и его деспотическое правленіе, они глубоко отличаются отъ него съ точки зрѣнія религіозныхъ доктринъ; а такъ какъ вѣрованіе составляетъ душу, образующую общество по своему образцу, то не менѣе сильное различіе отдѣляетъ святыхъ Утахи отъ мусульманскихъ народовъ.

Коранъ презираетъ и унижаетъ человѣка; Аллахъ съ высоты своего эгоистичнаго и уединеннаго величія не бросаетъ на свое твореніе ни одного луча свободы, достоинства или любви; человѣчество не болѣе, какъ низкое орудіе, какъ стадо рабовъ. Эта доктрина породила фатализмъ и сдѣлала Востокъ трупомъ. Мормонская книга, напротивъ, воспламеняетъ человѣка до безумія и возбуждаетъ до крайности его дѣятельность. Магометанскія общества, ставящія неподвижность своимъ правиломъ, могли долго сохранить наружный видъ жизни; сектѣ Бригхама Юнга вѣроятно суждено погибнуть въ конвульсіяхъ и буряхъ.

Мѣсто, назначаемое различнымъ существамъ, не менѣе искажаетъ христіанскія понятія. «Святые» удаляютъ ангеловъ на послѣднюю ступень іерархіи. Они помѣщаютъ на вершинѣ небесной лѣстницы безсмертныхъ боговъ, существа, состоящія изъ тѣла и души, дошедшія до высшаго совершенства; этого положенія должны достигнуть мормоны, точно исполнявшіе законъ на землѣ. Затѣмъ слѣдуютъ люди; затѣмъ духи, вѣчно существовавшіе и ожидающіе еще своего воплощенія; наконецъ, ангелы, существа несовершенныя, неспособныя возвыситься до степени боговъ. Ангелы, по ученію мормоновъ, были послѣдовательно духами въ пространствѣ и людьми на землѣ; но такъ какъ они не исполняли закона жизни, то и были остановлены въ своемъ восхожденіи къ болѣе совершенному состоя-

нію. Ихъ ошибка въ томъ, что они не жили жизнью патріарховъ, что они не имѣли нѣсколькихъ женъ, подобно Аврааму, Іакову, Давиду и Соломону. Слѣдовательно, ангелы — души холостыхъ и одноженныхъ, души тѣхъ, которые лишились своего будущаго, отказываясь отъ радостей гарема, и которые поэтому сдѣлались неспособными царствовать въ небесныхъ чертогахъ.

Основатели мормонства призываютъ къ себѣ всѣ народы земли; но желая лучше образовать самостоятельную имперію, чѣмъ бросить на всѣ четыре стороны горизонта сѣмена своей доктрины, шаткость которой, можетъ быть, они сами чувствуютъ, они привлекаютъ вновь обращенныхъ къ Соленому озеру, — предосторожность, имѣющая то преимущество, что такимъ образомъ вѣра охраняется отъ всякаго соблазна и число подданныхъ Бригхама Юнга быстро увеличивается. Затѣмъ, такъ какъ заблужденіе сговорчиво, новая церковь открываетъ свои объятія не только всѣмъ націямъ, но и всѣмъ вѣрованіямъ. Чтобы сдѣлаться мормономъ, нѣтъ необходимости язычнику разбивать свои идолы, индусу отрекаться отъ Брамы, мусульманину отъ Магомета; религія, введенная Смитомъ и Юнгомъ, говорятъ мормоны, это—религія примиренія, обратиться къ ея догматамъ не значитъ отречься отъ своей вѣры, но прибавить къ ней новыя истины. Эта терпимость, въ которой они думаютъ найти силу, кажется намъ, напротивъ, причиной разрушенія. Симпатія ко всѣмъ доктринамъ ни къ одной изъ нихъ не привязываетъ; она ведетъ къ полному равнодушію въ дѣлахъ вѣры; равнодушіе же никогда ничего не создастъ, ибо оно—отрицаніе, ничто, тогда какъ живая вѣра можетъ, если она даже те-

ряется въ заблужденіяхъ, произвести великія дѣла. Впрочемъ, истинная терпимость заключается не въ томъ, чтобы смотрѣть одинаковымъ взоромъ на всѣ доктрины, но въ томъ, чтобы въ безконечномъ милосердіи къ людямъ умѣрять борьбу идей.

Правда, что если «святые» Соленаго озера обладаютъ неопредѣленнымъ и шаткимъ символомъ, то они замѣняютъ религіозный энтузіазмъ безграничнымъ довѣріемъ къ своему предводителю. Они смотрятъ на Бригхама Юнга какъ на органъ небесной воли. Богъ управляетъ своимъ народомъ посредствомъ непрерывныхъ откровеній, дѣлаемыхъ его пророкомъ; онъ руководитъ народъ не только въ торжественныхъ обстоятельствахъ, но и въ мельчайшихъ подробностяхъ сельской и домашней жизни; ибо эти люди, считающіе себя равными божеству, принуждаются голосомъ совѣсти признать свою собственную слабость и не смѣютъ предпринять никакого дѣла, посадить дерево, построить домъ, не посовѣтовавшись съ избранникомъ Бога.

Какъ долго останется громадная власть, происходящая изъ такой ѳеократической организаціи, въ рукахъ начальника мормоновъ? Бригхамъ Юнгъ, конечно, выказываетъ большую ловкость; онъ такъ хорошо раздѣляетъ между трудомъ и удовольствіемъ жизнь своихъ учениковъ, что имъ больше не остается свободнаго времени для размышленія. До тѣхъ поръ, пока у него будутъ земли для раздачи, пока онъ будетъ въ состояніи обѣщать богатства, у него не будетъ недостатка въ сектантахъ; но когда, вслѣдствіе естественнаго развитія общества, болѣе выяснятся имущественныя и соціальныя различія, какъ удовлетворитъ онъ тогда у всѣхъ жажду къ наслажденіямъ, которую онъ провозглашаетъ законной и святой? Въ настоящее время

мормоны находятся въ упоеніи отъ своихъ успѣховъ и побѣдъ надъ пустыней; когда эта лихорадка пройдетъ, они увидятъ пустоту своей вѣры и униженіе своихъ нравовъ.

Самый догматъ многоженства возбудилъ уже между ними ожесточенные споры и сильный расколъ. Жена и сыновья основателя секты открыто объявляютъ, что Іосифъ Смитъ никогда не проповѣдовалъ подобной доктрины; они отдѣлились отъ святыхъ Юты и вернулись въ свое наувоское жилище, куда ежедневно стекаются къ нимъ многочисленные диссиденты. Тщетно Бригхамъ утверждаетъ, что онъ самъ соединялъ Іосифа съ двадцатью женами; тщетно онъ собралъ въ своемъ гаремѣ нѣсколько мнимыхъ женъ своего пророка: его слова встрѣчаютъ даже между мормонами много невѣрующихъ. Его противники ссылаются на то, что онъ не могъ привести ни одного свидѣтеля, не могъ показать ни одного ребенка, происшедшаго отъ этихъ тайныхъ браковъ.

Весьма вѣроятно, что Смитъ не думалъ устанавливать многоженство, или, по крайней мѣрѣ, не считалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы такъ рѣзко шокировать нравы нашей цивилизаціи; но когда Бригхамъ Юнгъ перенесъ остатки мормонства въ пустыню, гдѣ ему нечего было бояться человѣческаго закона, онъ далъ тѣмъ болѣе свободный ходъ своимъ страстямъ, что видѣлъ въ многоженствѣ быстрое средство увеличить свою рождающуюся секту.

Набирая своихъ прозелитовъ между невѣжественными, бѣдными и алчными людьми, онъ думалъ, что не будетъ имѣть дѣла съ принципами и преданіями Стараго Свѣта. Онъ ошибался. Народъ не можетъ въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ утолять свою жажду цѣ-

лебной влагой истины, не удержавъ въ своихъ жилахъ нѣкоторые зародыши жизни, которые противодѣйствуютъ яду заблужденія.

Въ сущности, мормонство не составляетъ одной изъ тѣхъ утопій, надъ которой достаточно посмѣяться. Оно извлекаетъ свою силу изъ всѣхъ дурныхъ инстинктовъ нашего вѣка, котораго оно, такъ сказать, служитъ воплощеніемъ. Оно встрѣтило притомъ весьма благопріятныя обстоятельства для своего развитія: страна, лишенная коренныхъ жителей, представляетъ превосходное поле для его опытовъ, и племя, которому оно обязано большинствомъ своихъ прозелитовъ, заключаетъ всѣ качества энергіи и настойчивости, поощряющія успѣхъ предпріятія. Здравый смыслъ американцевъ, полуизглаженное воспоминаніе о семейной жизни и смутное религіозное чувство, одни лишь борятся противъ этихъ элементовъ успѣха, но мы вѣримъ, что добро одержитъ побѣду: христіанскій народъ не можетъ оставаться на днѣ такой глубокой бездны нравственнаго и умственнаго упадка.

ГЛАВА XIV.

Шэкеры и спириты.

Мормонство самое распространенное изъ религіозныхъ заблужденій, происходящихъ въ Америкѣ отъ абсолютной свободы мыслей; но и другія секты, хотя и менѣе многочисленныя, тоже достойны вниманія. На одномъ холмѣ, находящемся недалеко отъ живописныхъ источниковъ Гудсона, возвышается группа сельскихъ домиковъ, весьма привѣтливаго вида, несмотря на ихъ нѣсколько пуританскую простоту. Этотъ холмикъ — *Ливанская гора*; маленькая деревня—главная резиденція общины *шэкеровъ* (трясуновъ), какъ ихъ называетъ народъ, или «*вѣрующихъ во второе пришествіе Христа*», какъ они сами себя называютъ.

Мужчины и женщины одинаково допускаются въ этотъ американскій монастырь. Они ѣдятъ за однимъ общимъ столомъ и живутъ подъ одной кровлей; но никакого другаго союза, кромѣ духовнаго, не можетъ существовать между ними. Вдохновляемые той же самой библіей, какъ и мормоны, они извлекли изъ нея діаметрально противоположное заключеніе. Оставивъ далеко позади себя католическое монашество, они учатъ, что холостая жизнь—единственное состояніе, пріятное Богу, и странное зрѣлище представляетъ подобный

плодъ на деревѣ протестантизма. На сколько вѣрно, что для нѣкоторыхъ созерцательныхъ душъ отдаленіе отъ міра составляетъ необходимую потребность, на столько же вѣрно и то, что человѣческій духъ, не будучи мудро сдерживаемъ законами, которые, удовлетворяя его законнымъ требованіямъ, останавливаютъ его заблужденія, переходитъ всѣ границы.

На основаніи доктрины шэкеровъ, большинство людей слѣпо и глухо, они ничего не понимаютъ въ великихъ перемѣнахъ, совершенныхъ на землѣ. Только немногіе избранные соотвѣтствуютъ божественному назначенію: они забываютъ соперничество и мірскія страсти, чтобы начать новую жизнь, жизнь духовную, въ которой бракъ уничтоженъ, дѣторожденіе дѣлается безполезнымъ и безцѣльнымъ, такъ какъ безсмертныя существа не нуждаются въ продолженіи своего рода. По мнѣнію новыхъ вѣрующихъ, два великіе закона раздѣляютъ человѣчество: законъ *происхожденія*, который принадлежитъ дѣтямъ смерти, и законъ *возрожденія*, которому слѣдуютъ дѣти свѣта и жизни.

Подобно пиѳагорійцамъ, шэкеры относятся съ большимъ уваженіемъ къ молчанію. Никакой разговоръ не оживляетъ ихъ трапезы; они собираются по колокольному звону и идутъ длинными рядами въ столовую; мужчины становятся на одномъ концѣ комнаты, женщины на другомъ; затѣмъ всѣ становятся на колѣни и мысленно обращаются къ Богу съ краткой молитвой. Ихъ пища состоитъ почти исключительно изъ молока, плодовъ, овощей и яицъ. Если во время трапезы одному изъ братьевъ необходима помощь его сосѣда, онъ шопотомъ передаетъ свою просьбу и, получивъ желаемое, не произноситъ никакой благодарности. Двадцати минутъ достаточно для этого простаго угощенія; за-

тѣмъ каждый возвращается къ работѣ. Женщины стряпаютъ, изготовляютъ одежду, варятъ плоды, дѣлаютъ вѣера и другіе мелкіе предметы; онѣ шьютъ, поютъ, учатъ дѣтей и ихъ школы считаются лучшими въ Нью-Іоркѣ. Мужчины занимаются культурою растеній и цвѣтовъ.

Шэкеръ относится къ природѣ съ чрезвычайною нѣжностію, онъ смотритъ на нее взоромъ любовника и считаетъ себя соединеннымъ съ почвою небесными узами; страсти, господствующія въ человѣческомъ сердцѣ, сосредоточиваются для него въ любви къ его садамъ и полямъ. Земля, проклятая вслѣдствіе грѣха, говоритъ онъ, усиліями добродѣтели снова получитъ свое первоначальное великолѣпіе. Природа отпечатываетъ на себѣ характеръ человѣка; растеніе, которое онъ культивируетъ, формируется по его образу, и если поэтому онъ хочетъ видѣть свою землю полною прелести и красоты, онъ долженъ сначала очистить свою душу. Дерево имѣетъ свои потребности и свои желанія, надо изучать ихъ съ заботливостью воспитателя къ ребенку, ввѣренному его попеченію; если любишь растеніе и если заботишься объ его удобствахъ, оно щедро вознаградитъ своего благодѣтеля. «Я не знаю, прибавилъ начальникъ этой колоніи аскетовъ, братъ Фридрихъ, узнаетъ ли дерево того, кто о немъ заботится; но въ чемъ я увѣренъ, это въ томъ, что оно чувствуетъ благосостояніе и страданіе также, какъ человѣческое существо. Когда мы разводили этотъ садъ, мы сначала выбрали лучшіе черенки, затѣмъ приготовили для каждаго изъ нихъ жилище, т. е. вырыли для него глубокую яму, въ которую вложили трубки для стока воды, наполнили ее навозомъ и черноземомъ; затѣмъ мы вложили дитя-деревцо въ его мягкую пос-

тельку и защитили его ростъ металлической клѣткой. Вѣроятно, многіе найдутъ эти заботы и труды излишними, но мы любимъ нашъ садъ».

Эта кроткая и безвредная секта, эти люди, не принимающіе никакого участія въ политикѣ и въ спорахъ Америки, не подающіе голосъ ни за какого президента, не собирающіе никакихъ митинговъ, люди, для которыхъ права печати и трибуны не болѣе, какъ суетная мечта, имѣютъ, однако, въ Соединенныхъ Штатахъ большое вліяніе. Они воспитываютъ юношество, проповѣдуютъ своимъ примѣромъ самопожертвованіе, и ихъ существованіе было бы дѣйствительно благотворно, если бы ихъ мистицизмъ не терялся въ безумныхъ грезахъ.

Они увѣряютъ, что живутъ въ обществѣ ангеловъ и имѣютъ болѣе сношеній съ мертвыми, чѣмъ съ живыми. Сидя въ своихъ кельяхъ, занятые своими работами, они видятъ вокругъ себя толпу духовъ и слышатъ ихъ голоса, и ихъ мечтательный взглядъ, теряющійся въ пространствѣ, странное выраженіе ихъ лица, могли бы служить доказательствомъ совершеннаго отсутствія разсудка, если бы вмѣстѣ съ тѣмъ они не высказывали рѣдкій здравый смыслъ въ обыденныхъ житейскихъ дѣлахъ.

Хотя секта шэкеровъ еще мало извѣстна, она основана уже 100 лѣтъ тому назадъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія жила въ Больтонъ-Мурсѣ (Bolton-Moors), печальномъ городкѣ въ Ланкаширѣ, работница, по имени Дженъ, жена портнаго, который сдѣлался ея первымъ адептомъ. Пораженная пороками и нищетой, которыми она была окружена, она сочла себя призванной къ возрожденію міра; она пробѣгала улицы и площади, проповѣдуя каждому, кто хотѣлъ ее слушать, что Хри-

стово царство должно скоро начаться и что при своемъ второмъ пришествіи онъ приметъ образъ женщины. Дженъ никогда не утверждала, что она сама Мессія, но она дѣйствовала такъ, какъ будто всѣ силы неба и земли были даны ей въ руки; ея приверженцы говорили, что въ ней живетъ духъ Божій и принимали ея слова какъ приказаніе свыше.

Ея царство было однако непродолжительно. Одна молодая дѣвушка, Анна Ли, отецъ которой былъ бѣдный кузнецъ въ Манчестерѣ, первая послѣдовала за пророчицей. Она не умѣла ни читать, ни писать; ея молодость увяла при столкновеніи съ самыми порочными людьми; съ самаго рожденія она была подвержена истерическимъ припадкамъ; она была вспыльчива, жаждала быть замѣченной и мучилась потребностію властвовать. Но она обладала пылкою рѣчью, способною дѣлать впечатлѣніе на народъ. Подобно многимъ дѣвушкамъ своей страны и своего положенія, она весьма рано вступила въ бракъ; едва 16-ти лѣтъ она вышла замужъ за кузнеца по имени Стенлей, отъ котораго она имѣла 4-хъ дѣтей. Нищета и нужда убили еще въ колыбели бѣдныя существа, и испытанія, которыя молодая мать пережила, внушили ей сильное отвращеніе къ обязанностямъ, соединеннымъ съ супружескою жизнью. Она присоединилась къ сектѣ Дженъ, показывалась на улицахъ и собрала уже вокругъ себя толпу учениковъ, когда полиція, испугавшись ея успѣховъ, посадила ее въ тюрьму.

Заточеніе и страданіе только воспламенили ея больной мозгъ. Выпущенная на свободу, она вездѣ провозглашала, что небесный свѣтъ низшелъ на нее и что Божественное Слово, воплотившись вторично, избрало ее своей Скиніей. Она проповѣдывала свое ученіе въ

Манчестерѣ и Больтонѣ, но ея слова были встрѣчены насмѣшками толпы. Раздраженная оппозиціей, которую она встрѣчала, она рѣшилась искать въ Америкѣ болѣе покорныя сердца; духи, голосъ которыхъ она слушала, сказали ей, что эта страна, надежда свободныхъ людей, будетъ мѣстомъ будущей церкви. Она стряхнула на старый міръ прахъ ногъ своихъ и уѣхала въ сопровожденіи семьи и восьми вѣрующихъ, согласившихся раздѣлить ея судьбу.

Успѣхи маленькой колоніи были медленны и тяжелы. Подвергаясь недоброжелательству населенія, *Мать Анна* была заключена во время войны за независимость въ Нью-Іоркскую тюрьму. Но что дѣлать съ женщиной, выдающей себя за Христа? Судъ объявилъ ее съумасшедшей и приказалъ вернуть ее въ Англію. Непріятельскія дѣйствія помѣшали исполнить этотъ приговоръ. Анна осталась въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ произнесенный надъ нею приговоръ сдѣлалъ извѣстнымъ ея имя. Она пробѣгала страну, проповѣдуя, что царство небесное будетъ отнынѣ установлено на землѣ, что Богъ будетъ управлять своимъ народомъ не посредствомъ писаныхъ законовъ, но прямо посредствомъ воплощеннаго Слова; что древняя религія уничтожена, грѣхъ Адама смытъ.

Самыя странныя заключенія истекали изъ этихъ первоначальныхъ догматовъ: заповѣдь «рости и множиться», благословеніе Бога, нисшедшее на первую человѣческую чету, дѣлалось безполезнымъ и безцѣльнымъ; бракъ изгонялся изъ новой церкви; земля, очищенная, преобразовалась въ рай, гдѣ ангелы и духи невидимаго міра дружески разговаривали съ избранными.

Эти фантазіи овладѣли слабыми и мечтательными

душами; новыя колоніи были основаны и мать Анна соединила уже вокругъ себя нѣсколько сотенъ вѣрующихъ, когда, чувствуя приближеніе своей кончины, она избрала руководителями послѣ нея царствомъ Бога *Іосифа Мичема* и *Люси Райта* (Wright), своихъ самыхъ пылкихъ сектантовъ.

Ея смерть, послѣдовавшая въ 1784 году, подвергла тяжкому испытанію вѣру ея учениковъ, ибо въ свое второе пришествіе, Мессія не долженъ былъ проходить чрезъ мракъ могилы. Начальники, которыхъ имъ оставила пророчица, показали себя находчивыми при этомъ затрудненіи. Они смѣло утверждали, что Анна не умерла: Невѣста Агнца только сбросила свою плотскую одежду, чтобы облечься въ брачное одѣяніе. Она сдѣлалась невидимою для глазъ непосвященныхъ, вслѣдствіе сильнаго свѣта, окружающаго ее; но они, ея дѣти, не перестаютъ ее видѣть и слышать и разговаривать съ нею; тою же милостію могутъ пользоваться тѣ, вѣра которыхъ изощрила чувства. Что же касается тѣла Анны Стенлей, то вмѣсто того, чтобы положить его въ особую могилу, его зарыли, для скорѣйшаго исчезновенія, въ полѣ, которое должно было быть запахано.

По убѣжденію шэкеровъ, когда они обращаются въ вѣру, они начинаютъ, безъ всякой метафоры, новое существованіе, которое не должно имѣть конца; смерть болѣе не существуетъ для нихъ; то, что по обыденнымъ понятіямъ разрываетъ всѣ связи съ этимъ міромъ, дѣлаетъ для нихъ сношеніе, которое они имѣютъ съ своими братіями, еще болѣе близкими и пріятными. Они продолжаютъ населять землю, но ихъ очищенныя чувства, освобожденныя отъ бренной оболочки, тяжесть которой ихъ угнетала, замѣчаютъ болѣе совер-

шеннымъ образомъ чудеса и красоту земнаго шара, дѣлающагося ихъ раемъ. Именно вслѣдствіе того, что шэкеры вступили уже во второй фазисъ, въ то возрожденіе избранныхъ, они и способны сообщаться съ міромъ духовъ. Они хвалятся тѣмъ, что первые въ Америкѣ проникли тайну невидимаго и сверхъестественнаго и побудили душу къ спиритизму. Въ ихъ собраніяхъ ораторъ, прежде чѣмъ обратиться къ своей плотской аудиторіи, говоритъ съ мертвыми, которые будто бы наполняютъ залу, и которые для этихъ духовидцевъ также видимы, какъ и во время ихъ земной жизни.

«Я имѣю съ духами, говоритъ братъ Фридрихъ, болѣе дружескіе и болѣе нѣжные разговоры, чѣмъ съ людьми. Эта комната, которая кажется пустой, населена для меня Ангелами и Серафимами; мать Анна живетъ въ ней, всѣ наши исчезнувшіе братья находятся вмѣстѣ съ ней».

Дѣйствительно, лишь только начальникъ шэкеровъ остается нѣсколько минутъ въ молчаніи, легко видѣть по его оживленному лицу и по восторгу, которымъ блестятъ его взоры, что онъ считаетъ себя въ присутствіи великихъ и почитаемыхъ существъ. Тѣ, которыхъ мы называемъ мертвыми, съ нимъ. И вслѣдствіе этихъ-то галлюцинацій больнаго ума сектанты Ливанской горы воображаютъ, что они побѣдили смерть и положили конецъ могилѣ.

Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, шэкеры оставались въ мірѣ; но, считая себя какъ бы вступившими въ высшее существованіе, они оставались чуждыми земнымъ дѣламъ и спорамъ. Іосифъ и Люси соединили ихъ въ общину и дали имъ однообразныя правила. По мѣрѣ того, какъ число неофитовъ увеличивалось, осно-

вывались и новыя заведенія; въ настоящее время ихъ считаютъ восемьнадцать въ сѣверныхъ штатахъ. Шэкеры однако не ведутъ пропаганды, какъ мормоны; они обѣщаютъ своимъ адептамъ только жизнь самоотверженія и бѣдности. Какая сила толкаетъ въ такомъ случаѣ богатаго нью-іоркскаго негоціанта покидать свое пышное жилище для тѣсной келіи, честолюбиваго кентукскаго жителя бѣжать отъ почестей, чтобы подвергнуться утомленію и лишенію? «Въ обыкновенное время, говоритъ братъ Фридрихъ, обращенія бываютъ не часты; намъ не остается ничего другаго, какъ ждать той минуты, когда Богъ вдохновитъ души. Преимущественно въ эпоху духовныхъ *цикловъ* призываются избраннные».

Мы затрагиваемъ здѣсь одну изъ самыхъ странныхъ особенностей американскаго общества, столь обильнаго противорѣчіями. Вы проходите улицы большаго города. Вездѣ царствуетъ лихорадочная дѣятельность; корабли тѣснятся въ гавани, озабоченная толпа загромождаетъ набережныя; желѣзныя дороги не имѣютъ достаточной скорости, чтобы перевозить этихъ людей, которые, кажется, желали бы поглотить время и пространство; промышленность не имѣетъ достаточно сильныхъ машинъ для исполненія ихъ обширныхъ проектовъ. Вы смотрите на нихъ и говорите: «ихъ единственная забота—поработить внѣшній міръ, создавать штаты, скоплять сокровища».

На другой день эта толпа, упоенная доселѣ своимъ могуществомъ, представляетъ совершенно другое зрѣлище. Сильные склоняются, гордые преклоняютъ головы, появилось религіозное пробужденіе или *revival*.

Какъ бы человѣкъ, дѣйствительно, ни заглушалъ себя въ водоворотѣ постоянной, безконечной дѣятельно-

сти; какъ бы онъ ни вѣнчалъ свое чело тѣмъ вѣнцомъ, который дѣлаетъ его царемъ земли, — онъ замѣчаетъ однажды, что богатства, скопленныя цѣною столькихъ усилій, не болѣе какъ прахъ; его усталая душа отворачивается отъ нихъ съ отвращеніемъ. Испуганный ничтожностію своихъ побѣдъ, онъ ищетъ вокругъ себя чѣмъ бы наполнить пустоту своего сердца, и религіозное чувство прорывается тѣмъ съ большею силою, чѣмъ болѣе оно было заглушено. Эти американскія «*пробужденія*» похожи на взрывы отчаянія. Умъ жаждетъ Бога, жаждетъ свѣта и жизни; онъ находитъ только пустоту и тьму. Обезумленный ужасомъ, онъ слѣдуетъ за всякимъ обманчивымъ свѣтомъ, свѣтящимся во тьмѣ, и слушаетъ всѣхъ пророковъ, обѣщающихъ ему спасеніе.

Каждый религіозный кризисъ влечетъ за собой рожденіе новыхъ сектъ, увеличеніе тѣхъ, которыя уже существуютъ, и большинство душъ, утомленныя холодными разсужденіями и абсолютной свободой, обращаются преимущественно къ самымъ страннымъ доктринамъ, къ самымъ деспотическимъ формамъ. Фанатическіе ораторы влекутъ за собой толпу въ глубину лѣсовъ; ихъ слово пылко, ихъ взоръ блеститъ; ихъ дикія рѣчи прерываются криками и судорожными жестами; подумаешь, что, это сумасшедшіе люди.... Но въ то время, какъ философъ пожимаетъ плечами, а судья нахмуривается, рудокопы, дровосѣки и фермеры съ восторгомъ останавливаются предъ пылкимъ проповѣдникомъ.

«Религіозный лагерь въ пустыняхъ Огіо или Индіаны представляетъ, говоритъ г. Диксонъ *), поражающее зрѣлище.

*) «Новая Америка».

«Въ одно прекрасное октябрьское утро я присутствовалъ при одномъ изъ такихъ *revivals*; миріады желтыхъ цвѣтовъ и красноватыхъ мховъ усѣявали землю, дубовые и чинаровые листья приняли теплый осенній оттѣнокъ и казались пурпурными, а орѣшники—золотыми деревьями. Среди корней и гнилыхъ пней, загромождающихъ лѣсъ, среди жужжащихъ насѣкомыхъ, чирикающихъ птицъ, возвышается множество палатокъ, страннаго но не чуждаго вида; ибо лагерь *revivalists* не имѣетъ ничего общаго съ лагеремъ индѣйскаго или арабскаго племени, онъ скорѣе напоминаетъ англійскія ярмарки или ирландскіе праздники. Повозки и тележки поставлены на заднемъ планѣ; лошади пасутся на свободѣ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ. Въ нѣсколькихъ баракахъ, достаточно большихъ, чтобы образовать просторную залу, люди ѣдятъ, пьютъ или курятъ. Другіе зажигаютъ огни на вольномъ воздухѣ; многіе приготовляютъ вечернюю трапезу; мальчики собираютъ дрова, дѣвушки идутъ за водой къ сосѣднему источнику. Въ центрѣ лагеря блѣдный фанатикъ, стоя на древесномъ пнѣ, оглушаетъ своими криками аудиторію, слѣдящую за каждымъ его словомъ. Нѣсколько негровъ въ ихъ праздничныхъ одеждахъ, индѣйцы, съ украшенной перьями головой, съ тѣломъ покрытымъ воинственными узорами, примѣшиваются къ пылкой и восторженной толпѣ.

«Крики «ура», стоны и рыданія часто заглушаютъ голосъ оратора; но онъ не обращаетъ на это вниманія; потокъ его краснорѣчія не останавливается; бурныя его слова распространяютъ ужасъ. Неподвижные и блѣдные мужчины складываютъ руки съ видомъ отчаянія, женщины безумно бѣгаютъ во всѣ стороны,

подымаютъ руки къ небу, громко исповѣдуютъ свои грѣхи или же въ судорогахъ корчатся на землѣ, съ глазами, полными безумія, и ртомъ, полнымъ пѣны. Индѣецъ презрительно смотритъ на слабости бѣлаго человѣка, а негръ восклицаетъ съ неистовыми рыданіями: «слава! слава! аллилуія»!

И подобныя сцены происходятъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, среди племени, наиболѣе гордящагося своимъ разсудкомъ! Большое число *revivalists* заболѣваетъ, нѣкоторые умираютъ прежде конца митинга. Нервное возбужденіе, производимое рычаніемъ проповѣдника, не единственная язва, поражающая толпу; она дѣлается жертвой самыхъ звѣрскихъ страстей. «Объявленіе о *revival* дѣлаетъ меня всегда веселымъ, говорилъ одинъ юристъ Индіано полиса; онъ предсказываетъ мнѣ богатую жатву процесовъ и тяжбъ».

Мужчины ссорятся, дерутся, ухаживаютъ за женами своихъ сосѣдей; ножи вынимаются, и не одна печальная трагедія обагряетъ кровью лагерь. Чрезъ недѣлю или двѣ рвеніе фанатиковъ успокоивается, лошади запрягаются въ тяжелыя дорожныя повозки, и только нѣсколько уединенныхъ могилъ, нѣсколько полуобгорѣвшихъ древесныхъ пней, которые мохъ и ліаны не замедлятъ покрыть, отмѣчаютъ то мѣсто, на которомъ происходилъ *revival*. Но въ сердцахъ онъ оставляетъ болѣе прочные слѣды. По свидѣтельству брата Фридриха, каждое религіозное движеніе, волнующее Соединенные Штаты, влечетъ за собой основаніе новой колоніи шэкеровъ; восемьнадцать заведеній, насчитываемыя нынѣ сектою, представляютъ восемьнадцать *revivals*.

Другая доктрина, весьма сходная съ доктриной шэкеровъ, одинаково значительно распространяется помо-

щію религіозныхъ кризисовъ; это *спиритизмъ*, считающій въ настоящее время болѣе трехъ милліоновъ адептовъ. Много попытокъ было сдѣлано, чтобы установить культъ, основанный на откровеніи невидимыхъ существъ; но догматы новой вѣры еще весьма смутны. Хотя его пророки находятся въ постоянномъ сообщеніи съ сверхъестественнымъ міромъ, они еще весьма мало объяснили его тайны. Одинъ изъ этихъ ученыхъ умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ; одинъ женскій медіумъ, мистриссъ Конантъ, замѣтила вдругъ его духъ около себя: покойный хотѣлъ говорить съ своими братьями, познакомить ихъ съ наукой будущаго. Святой восторгъ овладѣлъ американской пиѳіей, ея уста произнесли слѣдующее пророчество:

«Благословенны, трижды благословенны тѣ, которые умираютъ, познавъ истину! Братія и сестры, задача теперь рѣшена для меня. Какъ я живу, такъ и вы будете жить, ибо *одинъ и тотъ же небесный Отецъ*, *одна и таже небесная Мать*, даруя безсмертіе одной душѣ, распространяютъ его на всѣ».

Эти туманныя доктрины кажутся однако спиритамъ ясными и удовлетворительными; они не колеблясь объявляютъ, что прежняя религія—старая одежда, которую человѣчество скоро сброситъ. Они провозглашаютъ, что Св. Писаніе сглаживается передъ новыми откровеніями; что феномены, свидѣтельница которыхъ Америка,—(феномены, совершающіеся преимуществснно въ темныхъ комнатахъ и подъ дамскими столиками)—служатъ исходной точкой будущаго всемірнаго культа. Они организовали религіозную службу, праздники, мѣстныя общества, общественныя конференціи; они учредили школы и журналы. Многіе изъ

нихъ имѣютъ претензію обладать способностію дѣлать чудеса, даромъ языковъ, двойнымъ зрѣніемъ; они излечиваютъ болѣзни наложеніемъ рукъ; ежедневныя газеты, наполнены объявленіями, которыя разсказываютъ читателю, что за бездѣлицу въ десять или пятнадцать долларовъ тотъ или другой медіумъ излечиваетъ тѣло и душу, дѣйствуетъ даже въ отдаленіи и, вслѣдствіе утонченнаго милосердія, привлекаетъ къ себѣ самому болѣзнь, которою страдаетъ паціентъ.

Происхожденіе ихъ секты такое же скромное, какъ и происхожденіе секты шэкеровъ. Они относятъ его къ бѣдному башмачнику, Андрею Дэвису, который, поощряемый чудесными снами, объявилъ себя посланникомъ неба для возрожденія человѣчества. Менѣе честолюбивый, чѣмъ мать Анна, пророкъ—спиритъ не выдавалъ себя за новаго христа, но онъ провозгласилъ, что души мертвыхъ населяютъ землю и что избранные могутъ еще въ этой жизни войти въ сообщеніе съ ними.

Онъ прибавилъ, что лекарства вредны или покрайней мѣрѣ безполезны: достаточно наложенія рукъ, чтобы излечить всѣ болѣзни. Наконецъ, онъ ввелъ систему воспитанія, въ которомъ нѣчто въ родѣ танца, сопровождаемаго движеніями рукъ, играло какъ и у шэкеровъ весьма важную роль. Онъ допускалъ также двойственность божественной природы и видѣлъ въ Высшемъ существѣ не только Отца, но и Мать человѣчества; изъ этого принципа проистекало равенство правъ и привиллегій обоихъ половъ на землѣ.

Какъ это было легко предвидѣть, женщины поспѣшно приняли доктрину, освобождавшую ихъ отъ зависимости, въ которой ихъ оставляли болѣе или

менѣе всѣ религіи. Но было бы жалко останавливаться на такой прекрасной дорогѣ; недостаточно было свергнуть мужчину, надо было встать на его мѣсто, и скоро цѣлая фаланга жрицъ предприняли это достойное дѣло. *Елизаветинцы* провозгласили, что мужчина, его болѣе грубыми чувствами, съ его болѣе топорной органиціей съ его болѣе тяжелымъ умомъ, не способенъ подняться такъ высоко, какъ его благородная подруга; однимъ словомъ, онъ съигралъ свою роль, и теперь начинается роль женщины.

Анна Криджъ первая сдѣлала это удивительное открытіе. Сестра одного извѣстнаго бостонскаго ученаго, Вилльяма Дэнтона, она принимала участіе въ работахъ своего брата и помогала ему въ его опытахъ, когда высшія преимущества ея пола открылись ей довольно забавнымъ образомъ.

Одинъ докторъ въ Цинциннати сдѣлалъ наблюденіе, что можно дѣйствовать слабительнымъ образомъ на нѣкоторыя деликатныя и нервныя натуры, давая имъ просто держать слабительное въ рукѣ. Анна Криджъ сдѣлала опытъ; затѣмъ, съ чисто женскою сообразительностію, она вывела заключеніе, что если воображеніе такъ сильно дѣйствуетъ на организмъ, то ему можно дать болѣе широкое примѣненіе. Положивъ на високъ сложенную бумагу, она ясно почувствовала написанныя буквы и даже фигуру джентльмена, написавшаго письмо. Одаренный умомъ, довольно живымъ для мужчины, Вилльямъ Дэнтонъ вывелъ изъ этого факта превосходное заключеніе. Образъ, видѣнный Анной Криджъ на письмѣ, долженъ былъ быть чѣмъ то въ родѣ фотографическаго снимка; каждый день солнце рисуетъ на тѣлахъ, подверженныхъ его свѣту, окружающіе предметы; всѣ поверхности способны при-

нять и удержать эти впечатлѣнія; если бы только нашлась личность, способная открывать ихъ, то достигли бы до знанія самыхъ сокровенныхъ тайнъ природы. Достаточно было бы прикоснуться обломкомъ первобытной скалы ко лбу ясновидящей, и она тотчасъ же прочла бы на страницахъ этой книги допотопныя тайны, затрудняющія ученый міръ; она увидала бы на корѣ тысячелѣтняго дерева исторію древней Америки; на кускѣ Помпейской лавы—Италія Цезарей возродилась бы передъ ней. Сильный свѣтъ засіяетъ, наука будетъ опираться на прочное основаніе, искуства найдутъ драгоцѣнный матеріалъ.

Однако чудные дары Анны Криджъ причинили горькую досаду ея невѣсткѣ, Елизаветѣ Дэнтонъ женѣ Вилльяма. Однажды она объявила своему мужу, что она также ясновидящая, способная проникать въ духъ вещей. Къ ея виску приблизили кусокъ кварца:

«О, вскричала она, какое огромное насѣкомое я вижу! Его тѣло покрыто чешуйчатыми крыльями, а его голова, снабженная усами въ футъ длиною, опирается на скалу. Нѣсколько шаговъ оттуда огромная змѣя прячется среди тропической растительности».

Упражненіе развило способности Елизаветы, и она оставила свою невѣстку далеко позади себя. Она пріобрѣла даръ читать не только въ кремняхъ и ископаемыхъ, но и въ глубинѣ океана и въ центрѣ земли. Она могла слышать разговоръ индѣйцевъ прошлаго вѣка, вкушать пищу ящерицъ и мастодонтовъ допотопной эпохи.

Къ несчастію, мужчины не могутъ видѣть эти тайны; ихъ умъ слишкомъ прозаиченъ, и имъ остается только смиренно выслушивать откровенія пророчицъ. Разъ какъ этотъ принципъ былъ установленъ

и женское превосходство доказано Елизаветою Дэнтонъ, другая американка, Элиза Фарнгемъ распространила систему и возвела ее въ догматъ. Отвергая авторитетъ св. Петра и Павла, проповѣдующихъ женщинамъ подчиненіе, она для своихъ адептовъ дала новое толкованіе книгѣ Бытія. По ея мнѣнію, Ева не была причиною страданія человѣчества. Она нашла Адама рабомъ, она сдѣлала его свободнымъ. Онъ былъ осужденъ неумолимымъ закономъ оставаться въ состояніи мрака и невѣжества, жить какъ животное, не зная ни зла, ни добра. Женщина разорвала его цѣпи и показала ему путь къ прогрессу. Мудрость, въ видѣ змѣи, обратилась къ ней, потому что она одна была способна понять ее. Она сорвала запрещенный плодъ, чтобы развиваться въ совершенствѣ и въ свѣтѣ; ея превосходство выказалось въ земномъ раѣ.

Вотъ что было въ прошедшемъ. Что же касается настоящаго, Элиза Фарнгемъ объявляетъ, что царство женщинъ начинается. Мужчина не умѣлъ воспользоваться наукой, путь къ которой она ему проложила, чтобы открыть основную истину природы—превосходство женскаго пола. Нынѣ наука сдѣлала свое, будущее принадлежитъ спиритизму. Наука груба—это достояніе мужчины; спиритизмъ божественъ, онъ принадлежитъ женщинамъ. Элиза признаетъ, что ея евангеліе можетъ показаться страннымъ: мужская гордость возмущается противъ догматовъ, которые оно заключаетъ въ себѣ, но тѣмъ не менѣе эти великія идеи побѣдятъ міръ. Задача пророчицы не въ обращеніи мужчинъ,—господинъ не разсуждаетъ съ своимъ рабомъ,—она обращается къ женщинамъ, и ея слова льстятъ слуху.

Она открываетъ имъ, что ихъ полъ, созданный

позже,—самый благородный, самый близкій къ природѣ ангеловъ; онъ обладаетъ радикальнымъ, органическимъ превосходствомъ—болѣе возвышенной природой, какъ это доказываетъ деликатное вещество его мозга, тонкость его тканей.

Природа, совершенствуя постоянно свое дѣло, поставила мужчину на одну степень выше животныхъ, затѣмъ она помѣстила между нимъ и серафимами женщину. Вслѣдствіе этого мужчина долженъ обработывать землю, тогда какъ его подруга исполняетъ должность жрицы и ясновидящей, сообщается съ духовными сферами; ему трудъ, ей любовь; онъ борется съ матеріей, она посредница между Богомъ и человѣчествомъ.

Понятно, какой безпорядокъ въ семьѣ, какія смуты въ обществѣ должны производить подобныя системы. Но американская нація сильна и плодотворна; элементы жизни, которые она имѣетъ въ себѣ, помѣшаютъ развиваться сѣменамъ раздора.

Не надо также забывать, что Новый Свѣтъ—убѣжище, гдѣ утописты всѣхъ странъ пытаются примѣнить свои химерическія системы. Множество нелѣпостей, справедливо возбуждающихъ насмѣшки путешественниковъ, получили начало не на американской почвѣ. Мы видѣли, что доктрина шэкеровъ занесена изъ Англіи; спиритизмъ принадлежитъ почти на столько же Европѣ, какъ и Соединеннымъ Штатамъ; происхожденіе другихъ сектъ по меньшей мѣрѣ сомнительно.

Въ этой массѣ заблужденій находится еще одно, о которомъ мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ, потому что оно долго волновало Европу и оставило въ нашихъ старыхъ обществахъ отвратительную грязь, слѣды которой еще не уничтожены.

ГЛАВА XV.

Перфекціонисты.

На границахъ штата Нью-Іорка простирались въ первые годы текущаго столѣтія обширныя земли, предоставленныя законодательствомъ Онеидамъ, индѣйскому племени, извѣстному своею честностью, чистосердечіемъ и непоколебимою преданностью къ бѣлымъ. Но, можетъ быть, янки были плохими воспитателями, или же лѣсъ имѣлъ для краснокожихъ непреодолимую притягательную силу; какъ бы то ни было, но туземцы покинули свои пашни и возвратились къ бродячей жизни. Въ этомъ-то мѣстѣ, сдѣлавшемся пустыней, и поселились *перфекціонисты* или *библейскіе коммунисты*, которые увѣряютъ, что они основали на принципахъ Новаго Завѣта организацію семьи и возстановили въ мірѣ царство Божіе. Ихъ основатель, *Джонъ Гумфрейсъ Нойесъ* (John Humphreys Noyes), человѣкъ большаго роста, блѣдный, съ сѣрыми мечтательными глазами, съ волосами и бородой льнянаго цвѣта. Онъ получилъ ученыя степени въ Ярмутской и затѣмъ въ Нью-Гэмпширской коллегіяхъ, занимался богословіемъ въ Массачузетѣ, былъ проповѣдникомъ въ Іельской коллегіи, затѣмъ былъ диссидентомъ, изгнанникомъ, общественнымъ агитаторомъ; наконецъ, нынѣ онъ счи-

тается многими людьми пророкомъ, просвѣщеннымъ небеснымъ свѣтомъ и пользующимся особеннымъ благоволеніемъ Бога.

Много фаланстерій было основано перфекціонистами, но самая замѣчательная изъ нихъ, это фаланстерія Онеида-Крикъ. Построенная на основаніяхъ новѣйшихъ архитектурныхъ правилъ (ибо о. Нойесъ отрицаетъ всѣ преданія древняго искусства), она находится въ полной гармоніи съ страннымъ обществомъ, живущимъ въ ней.

Длинный корридоръ и каменная лѣстница ведутъ къ центральной комнатѣ, служащей въ одно и то же время капеллой, мастерской, театральнымъ и концертнымъ заломъ. Здѣсь-то сестры разговариваютъ, занимаются музыкой; старшины проповѣдываютъ; иные читаютъ газеты, а юноши и молодыя дѣвушки обмѣниваются словами любви. Одна дверь ведетъ въ залъ, другая въ спальни. Въ нижнемъ этажѣ находятся конторы и библіотека. Отдѣльныя зданія заключаютъ кухню, столовую, кладовыя, прачешную. Далѣе, между деревьями, виднѣются мельницы, фермы и конюшни коммунистовъ.

Мужчины не носятъ особаго костюма; единственное нововведеніе, которое они до сихъ поръ сдѣлали, состоитъ въ уничтоженіи праздничныхъ костюмовъ, ибо реформаторы уничтожили воскресное отдохновеніе, какъ они отмѣнили всѣ другіе общественные обычаи. Тѣмъ не менѣе, они скромно сознаются, что прогресъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова относительно формы шляпъ и сапоговъ. Женщины усвоили одежду довольно граціознаго покроя, увеличивающую рѣдкую красоту нѣкоторыхъ изъ нихъ. Она состоитъ изъ короткой туники, коричневаго или голубаго цвѣта для

дневнаго платья, бѣлаго для вечернихъ собраній; изъ широкихъ панталонъ того же цвѣта, изъ курточки, застегнутой по горло, и изъ соломенной шляпы.

Любопытные, посѣщающіе тысячами фаланстерію, видятъ вездѣ порядокъ и миръ; одинъ братъ показываетъ имъ плодородныя пашни, сады, полные фруктовъ, и предлагаетъ обильное угощеніе; ихъ слухъ услаждается превосходною музыкою и обыкновенно они возвращаются къ себѣ полные восторга. Но если мы проникнемъ въ изгибы этого страннаго общества, насъ испугаетъ нравственное уродство, скрывающееся въ нихъ.

Много попытокъ коммунистическихъ ассоціацій было сдѣлано въ Англіи, въ Германіи, во Франціи; ни одна изъ нихъ не удалась. Икарія Кабета, хотя и перенесенная въ Америку, также не имѣла успѣха. Свобода, равенство, братство не могли заплатить за свои ежедневные расходы, а общество, не платящее свои векселя, будь оно даже образцомъ земнаго рая, не можетъ долго существовать. Нойесъ внесъ въ эти опасныя грезы нѣчто изъ практическаго ума янки; этимъ и объясняется его успѣхъ. Онъ однако приписываетъ его другой причинѣ. «Мои предшественники не имѣли успѣха, говоритъ онъ, потому, что они не опирались на библію. Религія—корень жизни и всякая мудрая соціальная теорія всегда выражаетъ религіозную истину. Организація семьи должна основываться на четырехъ принципахъ: примиреніе съ Богомъ, освобожденіе отъ грѣха, братство мужчинъ и женщинъ, общность труда и его плодовъ. Предшествующіе реформаторы, Овенъ, Фурье, Кабетъ, придерживались только одного или двухъ изъ этихъ догматовъ; они забыли Бога, и потому погрузились въ ничто».

Въ 1831 году пришла Нойесу первая мысль объ его системѣ, послѣ *revival*, столь сильно потрясшаго Новую Англію. Онъ сдѣлался серьезнымъ, задумчивымъ, жаловался на пустоту религіозныхъ доктринъ своихъ соотечественниковъ и казался подверженнымъ сильной внутренней борьбѣ. Онъ искалъ забвенія во всякаго рода излишествахъ, не находя успокоенія тревожному состоянію своего ума.

Несмотря на свою безпорядочную жизнь, онъ продолжалъ прилежно читать библію, надѣясь найти на страницахъ святаго текста средство противъ своей тревоги. Но истина бѣжитъ отъ волненій страстей и дается только простымъ и честнымъ сердцамъ. Въ то время, какъ его голова была наполнена лихорадочными галлюцинаціями и онъ размышлялъ надъ посланіями апостола Павла, онъ замѣтилъ въ нихъ тайный смыслъ, который доселѣ не былъ еще открытъ ни однимъ богословомъ Европы или Америки. Общество, учрежденное апостолами, основывалось на истинѣ; это было—общность братьевъ, равныхъ и святыхъ. Но царь тьмы заглушилъ его при самомъ его рожденіи; церкви Греціи, Рима, Англіи—сильныя заблужденія. Тѣмъ не менѣе здравыя преданія сохраняются еще въ нѣкоторыхъ свободныхъ и сильныхъ душахъ; свѣтъ, долго скрывающійся, снова появится теперь и засіяетъ на весь міръ.

Въ нетерпѣніи освободить людей отъ цѣпей, въ которыя ихъ заковалъ сатана, реформаторъ началъ учить, что свобода избранныхъ не должна имѣть препятствія ни въ какомъ законѣ; бракъ—предразсудокъ; собственность—воровство; власть судей и правителей—несправедливая тиранія. Даже права отечества были отвергнуты новаторомъ, который объявилъ, что онъ и его приверженцы открыто отдѣляются отъ Соеди-

ненныхъ Штатовъ. Это послѣднее заявленіе не могло однако показаться слишкомъ удивительнымъ: шэкеры, мормоны и множество другихъ сектъ объявили уже ранѣе, что Американскій Союзъ не болѣе какъ нѣчто въ родѣ политическаго клуба, изъ котораго каждый можетъ удаляться по своему желанію. Что различало библейскихъ коммунистовъ отъ новыхъ школъ, это то, что они абсолютно отвергали всякія человѣческія и божественныя правила. Перфекціонистъ имѣетъ право дѣлать все, что ему угодно: Святой Духъ, живущій въ немъ, отдаляетъ отъ его души всякое грѣховное пятно. Согласуя свое поведеніе съ этой прекрасной доктриной, Нойесъ проводилъ свои дни въ тавернахъ, въ обществѣ куртизанокъ и воровъ.

«Я отдавался соблазну, говоритъ онъ гордо; я зналъ, что тотъ, въ кого я имѣю довѣріе, былъ настолько силенъ, чтобы спасти меня». Слѣдовательно, было установлено, что святые могутъ безнаказанно презирать вліяніе порока; но какимъ образомъ достигнуть этой степени милости? Ничего не можетъ быть проще. Вамъ стоитъ только пожелать и все тотчасъ же исполнится. Не нужно добрыхъ дѣлъ и молитвы; вы торжественно объявляете, что присоединяетесь къ новому закону, и вы освобождаетесь отъ рабства грѣха, ваша душа дѣлается чистой и незапятнанной.

Однако первыя попытки Нойеса примѣнить къ практикѣ свою систему, совершенно не удались; не было денегъ, и святая свобода производила только хаосъ. Въ этомъ трудномъ обстоятельствѣ пророкъ встрѣтилъ молодую дѣвушку, Гарріетъ Гольтонъ, богатую наслѣдницу, которая воспылала сильнѣйшимъ восторгомъ къ доктринѣ перфекціонистовъ. Ея состояніе могло дать новатору возможность осуществить его планы и орга-

низовать новую фаланстерію; но какъ овладѣть имъ? Жениться было невозможно, ибо бракъ отвергается евангеліемъ коммунистовъ. Чтобы примирить желаніе своего сердца и потребности своего кошелька съ своими принципами, Нойесъ обставилъ свою просьбу весьма ловко, и письмо, написанное имъ при этомъ случаѣ къ молодой дѣвушкѣ, слишкомъ любопытно, чтобы мы не воспроизвели его здѣсь:

«Возлюбленная сестра, писалъ онъ; послѣ размышленій, продолжавшихся болѣе года, выжидая терпѣливо, что Господь дастъ мнѣ познать его волю, я, къ счастію, вижу себя принужденнымъ предложить вамъ соединеніе, которое я не назову бракомъ, прежде чѣмъ я его ясно не опредѣлю.

«Въ качествѣ вѣрующихъ, мы соединены уже другъ съ другомъ узами болѣе сильными, чѣмъ земныя узы. Объ обществѣ святыхъ говорится, что въ воскресеніи мертвыхъ не берутъ и не отдаютъ женщинъ въ замужество. Поэтому я не обращаюсь къ вамъ съ просьбою объ обязательствѣ, которое стѣснило бы ваши привязанности; моя подруга должна быть свободна любить всѣхъ тѣхъ, кто любитъ Бога. Я не хочу поработить ни ея, ни мое сердце, но только войти съ нею вмѣстѣ во всеміpную семью. Если союзъ, основанный на этихъ принципахъ, можетъ назваться бракомъ, я нисколько не затрудняюсь предложить вамъ мое сердце и мою руку и даже готовъ подчиниться законнымъ формамъ, установленнымъ предразсудкомъ».

Затѣмъ слѣдовалъ длинный перечень добродѣтелей Гарріетъ; пышное описаніе тѣхъ благъ, которыми оба супруга осыплютъ человѣчество, и, наконецъ, чтобы успокоить молодую дѣвушку относительно своихъ бродяжническихъ стремленій, Нойесъ объявилъ — и въ

этомъ онъ ее не обманулъ—что онъ испытываетъ сильное желаніе вести отнынѣ осѣдлую жизнь. Нѣсколько дней спустя они были женаты, и реформаторъ былъ въ состояніи построить въ Путнеѣ большой домъ для помѣщенія въ немъ своихъ учениковъ, купить печатный станокъ и издавать журналъ.

Миръ не долго господствовалъ въ американскомъ эдемѣ. Перфекціонисты допускали, что человѣкъ можетъ удовлетворять безъ всякихъ условій всѣмъ своимъ желаніямъ. Обращеніе ихъ въ новую вѣру возстановило въ нихъ невинное состояніе Адама до его паденія; все дозволялось имъ, потому что все для нихъ было чисто. Но свобода однихъ стѣсняла свободу другихъ, и путнейское заведеніе сдѣлалось театромъ безпорядочныхъ сценъ, давшихъ ему извѣстность во всей странѣ. Нойесъ, принужденный покинуть фаланстерію, основанную съ такимъ трудомъ, поселился въ Онеида-Крикъ, въ области, которая, вслѣдствіе своего уединенія и своей плодородности, казалось, должна была защитить перфекціонистовъ отъ общественной ненависти и нищеты.

Маленькая колонія отдѣлилась отъ Союза, какъ нѣкогда Авраамъ прекратилъ сношеніе съ палестинскими народами. Она поставила единственнымъ правиломъ—обязанность наслаждаться жизнію. Имущество каждаго члена было предоставлено Христу, т. е. отцу Нойесу, его представителю на землѣ. Къ этой первой коммунальности присоединилась коммунальность женъ и дѣтей, такъ какъ святые открыли, что бракъ—учрежденіе эгоистичное; что исключительная привязанность двухъ особъ одной къ другой—преступное идолопоклонство, не менѣе противное славѣ Бога, какъ и стрем-

леніямъ человѣческаго сердца, рѣдко удовлетворяющагося единственною любовію.

Однако, такъ какъ первый опытъ показалъ Нойесу неудобство его системы, онъ рѣшился умѣрить безграничную свободу, предоставленную его ученикамъ, вторымъ элементомъ, *симпатіей*, которая исполняетъ у перфекціонистовъ роль общественнаго мнѣнія. Симпатія исправляетъ заблужденія индивидуальной воли и примиряетъ природу съ послушаніемъ. Такъ, братъ можетъ дѣлать что ему угодно, но надо, чтобы его желаніе не находилось въ противорѣчіи съ желаніемъ всѣхъ остальныхъ членовъ коммуны; если общее сужденіе высказывается противъ него, онъ долженъ подчиниться, подъ страхомъ уклониться отъ пути милости. Желаетъ ли онъ имѣть новую шляпу, получить отпускъ, или расположеніе молодой дѣвушки, онъ поручаетъ одному изъ старшинъ вывѣдать мнѣніе братьевъ и можетъ дѣйствовать только съ ихъ согласія. Непосвященный нашелъ бы, можетъ быть, что введеніе этого принципа значительно ограничиваетъ свободу, которою перфекціонисты такъ гордятся. Но коммунизмъ предлагаетъ своимъ адептамъ достаточно вознагражденій, чтобы утѣшить ихъ за это небольшое неудобство; и, благодаря смягчительному средству, придуманному Нойесомъ, фаланстерія пользуется неизвѣстнымъ ей дотолѣ миромъ.

Внутренніе безпорядки были прекращены, или, по крайней мѣрѣ, они были внѣшнимъ образомъ прикрыты такъ, что избѣгали общественнаго презрѣнія. Однако оставался еще одинъ врагъ, съ которымъ приходилось бороться: это—банкротство. Урожаи были обильны, но доходъ не покрывалъ расходовъ, такъ что общество неизбѣжно разстроилось бы безъ неожиданной помощи,

оказанной ему однимъ изъ его самыхъ незначительныхъ членовъ, бѣднымъ канадскимъ охотникомъ, по имени *Съюэлъ*.

Продажа ловушекъ, начиная съ тѣхъ, которыя служатъ для ловли медвѣдей, до самыхъ простыхъ мышеловокъ, составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ такая бездна вредныхъ звѣрей, весьма значительную отрасль торговли. Американцы, однако, до тѣхъ поръ еще не занимались этимъ родомъ промышленности и предоставляли нѣмецкимъ фабрикамъ заботу снабжать ихъ ловушками. Этотъ пробѣлъ поразилъ брата Сьюэля; какъ опытный охотникъ, онъ находилъ въ ловушкахъ, присылаемыхъ изъ Европы, много недостатковъ, которые невозможно было уничтожить. Онъ принялся за работу и ему удалось устроить болѣе легкіе, болѣе простые и болѣе смертоносные снаряды. Слухъ о нихъ распространился по всему штату Нью-Іорку и заказы начали стекаться въ Онеиду. Сьюэль нанялъ рабочихъ, устроилъ кузницы, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя, нѣмецкое произведеніе, замѣненное американскимъ, лежало безъ употребленія въ лавкахъ. Въ одинъ годъ коммунистическая семья сдѣлала на четыреста тысячъ франковъ ловушекъ; нынѣ еще, не смотря на конкурренцію, она извлекаетъ изъ этой торговли свое главное средство.

Фаланстеріи Онеиды-Крикъ удалось не только поддержать себя, но и придти въ цвѣтущее положеніе. Увѣряютъ, что отецъ Нойесъ, поощренный успѣхомъ, думаетъ расширить поле своихъ дѣйствій. Онеида не удовлетворяетъ болѣе его апостольскому рвенію; онъ думаетъ поселиться въ Нью-Іоркѣ, чтобы пропагандировать тамъ свою доктрину.

Однако, среди сумасбродства, порожденнаго потреб-

ностію религіозныхъ нововведеній, можно ясно видѣть возвращеніе умовъ къ благотворному принципу, къ принципу авторитета въ дѣлахъ вѣры. Утомленные искать въ самихъ себѣ истину, которою они никакъ не могутъ овладѣть, умы обращаются къ божественному откровенію, прося небо дать имъ на землѣ руководителя, и поспѣшно преклоняются предъ всѣми ложными пророками, выдающими себя за посланниковъ Бога.

Даже въ самомъ деспотизмѣ, введенномъ большинствомъ новыхъ сектъ, заключается глубокое назиданіе. Свобода и власть — обѣ дѣти неба, одинъ только ихъ союзъ обезпечиваетъ миръ и благосостояніе за политическими или религіозными обществами; эти-то обѣ силы и поддерживаютъ равновѣсіе нравственнаго міра; лишь только одна изъ нихъ беретъ верхъ надъ другой, является безпорядокъ, свобода дѣлается анархіей, власть переходитъ въ абсолютизмъ. Христіанская религія первая дала намъ образецъ полнаго примиренія этихъ двухъ элементовъ. Своей удивительной мудростію она нашла секретъ расширить человѣческую свободу и сдѣлать власть болѣе сильною, основывая и ту и другую на Богѣ. Она провозглашаетъ низкимъ и недостойнымъ подчиненіе раба; свобода одна даетъ цѣну добродѣтели, и, по словамъ нашихъ священныхъ книгъ, Творецъ такъ сильно уважалъ ее, что даже дозволилъ ей обезобразить его твореніе. «Не желая смутить ее, говоритъ Шиллеръ, Онъ дозволяетъ цѣлому ряду недуговъ и золъ напасть на міръ; Онъ, который все создалъ, Его нельзя видѣть, Онъ скрывается за вѣчными законами; вольнодумецъ видитъ *ихъ*, но не видитъ *Его*. Къ чему Богъ? говоритъ онъ; міръ удовлетворяетъ самому себѣ... Никакая набожность христіанина не сла-

витъ его такъ, какъ такое богохульство вольнодумца».

Что же касается до власти, она исходитъ отъ самого вѣчнаго Бога; она всемогущее уполномочіе Творца. Но, чтобы помѣшать ея заблужденіямъ, Христосъ ставитъ слѣдующее условіе: «Пусть тотъ, кто изъ васъ хочетъ быть первымъ, будетъ слугою всѣхъ, по примѣру сына человѣческаго, который пришелъ не для того, чтобы ему служили, но чтобы прислуживать».

Смотря по характеру, различные народы склоняются къ тому или другому изъ этихъ двухъ принциповъ; націи латинской расы—къ власти, націи англо-саксонской расы—къ свободѣ. Тѣ и другія, зная свои стремленія, должны стараться развивать въ себѣ слабѣйшій элементъ, чтобы достигнуть мудраго равновѣсія. Соединенные Штаты, которые создали на дѣвственной почвѣ столько чудесъ, которые обладаютъ столь серьезными, прочными качествами, поймутъ эту истину, отъ которой зависитъ ихъ будущее. Съ пылкостію юности, американцы бросаются во всѣ крайности; но они слишкомъ обладаютъ практической стрункой, чтобы не замѣтить во время опасность. Ихъ секты, даже наиболѣе странныя, сохранили спасительный элементъ—любовь къ труду, а животворная борьба противъ природы имѣетъ обыкновенно послѣдствіемъ изгнаніе изъ головы безумныхъ грезъ.

ГЛАВА XVI.

Біографія отца Геккера.

Знаменитому основателю павлистовъ въ настоящее время сорокъ пять лѣтъ; его благородныя и выразительныя черты лица выражаютъ откровенность, веселость и добродушіе. Крѣпкое здоровье показываетъ въ немъ полное равновѣсіе нравственныхъ способностей. Онъ обладаетъ даромъ пріобрѣтать довѣріе, симпатію и уваженіе. Что же касается до его таланта, какъ писателя и оратора, то онъ развивается съ каждымъ днемъ. Таковъ человѣкъ, который, выйдя изъ протестантской семьи, теперь одинъ изъ главныхъ вождей мирной, религіозной революціи Америки. Онъ родился въ Нью-Іоркѣ, въ 1824 г. отъ отца-пресвитеріанца и матери-методистки. Ни тотъ, ни другая не были весьма ревностными въ своей вѣрѣ; дѣтямъ была предоставлена, по обычаю страны, свобода выбирать любую изъ городскихъ конгрегацій. Не слѣдуетъ однако предполагать, что семья Геккера была совершенно лишена религіозныхъ принциповъ; но если американцы приписываютъ важное значеніе званію христіанина, они мало обращаютъ вниманія на многочисленные оттѣнки, разнообразные до безконечности и часто весьма трудно отличаемые, которые раздѣляютъ различныя

протестантскія исповѣданія. Три сына нью-іоркскаго пресвитеріанца находили въ своей семьѣ примѣръ скромныхъ и благочестивыхъ добродѣтелей; весьма еще юные, они чувствовали непреодолимое влеченіе къ задачамъ нравственнаго міра и обращались за рѣшеніемъ ихъ ко всѣмъ ученымъ того времени.

Среди этихъ изслѣдованій они не пренебрегали, однако, практической стороной жизни. Какъ истинные янки, они начали заниматься торговлей въ такомъ возрастѣ, когда наши дѣти сидятъ еще застѣнчивыми школьниками на скамейкахъ коллегіи. Ихъ промыселъ былъ сначала весьма скромный: они были булочниками и вели небольшую мучную торговлю; но благодаря согласію, царствовавшему между ними, благодаря ихъ неутомимому рвенію, скромное предпріятіе быстро развивалось. Торговый домъ, основанный «братьями Геккеръ», достигъ въ настоящее время исполинскихъ размѣровъ. Онъ снабжаетъ городъ зерномъ и мукой, и его заведеніе одно изъ самыхъ значительныхъ во всемъ свѣтѣ.

Лишь только успѣхъ казался вѣрнымъ, одинъ изъ молодыхъ компаньоновъ почувствовалъ въ себѣ уменьшеніе того интереса, который доселѣ внушалъ ему его трудъ. Ему было едва семьнадцать лѣтъ; онъ былъ полонъ силы и здоровья и чувствовалъ въ себѣ великодушную энергію молодости. «Нѣсколькихъ центовъ, говорилъ онъ себѣ, достаточно для насущныхъ потребностей человѣка; къ чему же столько трудиться для пріобрѣтенія богатства? Развѣ ничего другаго нельзя сдѣлать изъ жизни, кромѣ употребленія ея на заработываніе своего пропитанія? Должна ли моя дѣятельность истощиться въ усиліяхъ, которыя не будутъ имѣть другой цѣли, какъ доставить мнѣ средства про-

кормить человѣческую машину?» Эти мысли кипѣли въ его умѣ въ ту минуту, какъ онъ мѣсилъ тѣсто и сажалъ хлѣбы въ печь (ибо братья не отказывались отъ самыхъ тяжелыхъ трудовъ). Нашъ будущій павлистъ всегда любилъ чтеніе и страстно отдался занятію наукѣ. Вставая въ четыре часа утра, онъ погружался въ разсужденія Канта и другихъ нѣмецкихъ метафизиковъ; затѣмъ когда наставало время ручнаго труда, онъ клалъ возлѣ своей квашни *Критику чистаго разума* или что-либо подобное, чтобы занимать свой умъ въ тоже время, какъ и руки. Но каковъ бы ни былъ предметъ его размышленія, въ немъ постоянно подымались тѣ первоначальные вопросы: «Что такое человѣкъ? откуда онъ? зачѣмъ онъ помѣщенъ на землѣ? Куда онъ идетъ»?

Волненіе молодаго американца не имѣетъ ничего такого, что могло бы насъ удивить. Эти ужасныя загадки озабочиваютъ и будутъ всегда озабочивать каждое существо, которое чувствуетъ себя рожденнымъ не для одной только матеріи. Всегда эта божественная искра, которую называютъ разумомъ, будетъ искать объясненія имъ, до тѣхъ поръ, пока она не найдетъ его, или пока, дойдя до отчаянія, она не признается въ своемъ безсиліи достигнуть его.

Исканіе истины было для Геккера медленно и тяжело. Тщетно ходилъ онъ отъ одной секты къ другой, ища свѣта, разговаривалъ съ начальниками, читалъ ихъ многотомные трактаты. Одна потребность волновала его душу—потребность отказаться отъ самого себя, чтобы дать высокую цѣль своей жизни. Онъ часто спрашивалъ пасторовъ протестантскихъ церквей, какъ исполнить ему, нью-іоркскому булочнику, божественное ученіе: «иди, продай все, что ты имѣешь,

отдай бѣдному, затѣмъ приди и слѣдуй за мной»; или еще слѣдующее: «оставь ради меня и ради Евангелія домъ, братьевъ и сестеръ, отца и мать». Ему безразлично отвѣчали, что это—иносказательное выраженіе, или, по крайней мѣрѣ, что эти совѣты непремѣнимы къ молодому человѣку, живущему въ девятнадцатомъ столѣтіи въ одномъ изъ самыхъ промышленныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. «Надо остерегаться, говорили тѣ мудрые учителя, доходить до крайности. Молодость иногда увлекается. Эти правила самоотверженія, прекрасныя въ древности, непримѣнимы къ нашей эпохѣ. Принужденный молчать, Гекеръ однако не чувствовалъ себя ни удовлетвореннымъ, ни убѣжденнымъ. Каждое новое разочарованіе еще болѣе усиливало въ немъ жажду истины. Онъ рѣшилъ, что изысканіе этого блага, единственнаго, которое имѣло цѣну въ его глазахъ, будетъ его великою, его единственною цѣлью.

«Лучшія способности нашей души, говорилъ онъ себѣ, не могутъ побѣждать одна другую. Вѣроятно, существуетъ же религія, способная согласовать съ свѣтомъ разума всѣ потребности нашей натуры; или, если бы такое благо не было дано свѣту, мы имѣемъ право ожидать его и надѣяться на него. Богъ обязанъ просвѣтить сердца, смиреннно обращающіяся къ нему. Если онъ меня отвергнетъ, если я умру, не увидавъ исполненія моихъ желаній, тогда я велю написать на моей гробницѣ: «*Здѣсь покоится человѣкъ, горячо и искренно добивавшійся истины и не получившій ея*».

Съ тѣхъ поръ онъ удалился отъ женскаго общества, ибо онъ хотѣлъ, пока не разрѣшитъ свои сомнѣнія, такъ сильно касавшіяся его будущности, оставаться господиномъ своей судьбы и не соединять ее

ни съ чьею другою. Онъ также удалился отъ дѣлъ, покинулъ блестящія надежды, открывавшіяся ему, и рѣшился предпринять путешествіе, чтобы найти истину. Свѣтъ имѣетъ только одну оцѣнку подобнаго поведенія. «Бѣдный молодой человѣкъ съ ума сошелъ!» говорили всѣ. Сумасшедшій! Да, конечно, онъ былъ сумасшедшій; но въ немъ было то божественное сумашествіе, которое восемнадцать столѣтій пристыжаетъ мудрость мудрыхъ.

Это было время, когда Гаутсорнъ, Рипле, Дана, Куртисъ и нѣкоторые другіе философы, введенные въ заблужденіе блестящими утопіями, пытались осуществить въ Брукъ-Фармѣ идеалъ молодаго нью-іоркскаго жителя. Они мечтали сдѣлать жизнь болѣе счастливою и уменьшить, помощію новой системы, встрѣчаемыя ею трудности. Человѣчество до нихъ шло по ложному пути; оно ошибалось относительно того, что составляетъ счастіе. Апостолы этого евангелія призывали всѣхъ людей не только, какъ Христосъ, вкусить суровыя радости долга, но и раздѣлить въ равной степени наслажденія настоящей жизни.

Нашъ восторженный поклонникъ истины направился прежде всего въ Брукъ-Фармъ. Поступивъ въ благородную фалангу, онъ естественно принялъ на себя обязанность булочника—печь хлѣбъ. Но, по истеченіи девяти мѣсяцевъ, замѣтивъ, что реформаторы, имѣвшіе претензію давать миръ свѣту, не умѣли его найти для самихъ себя, онъ покинулъ эту обитель раздора, чтобы сдѣлать съ другимъ филантропомъ новую попытку.

Эта ассоціація имѣла единственнымъ результатомъ точно доказать ему, чѣмъ можетъ ограничиваться необходимая потребность жизни. Девять центовъ въ день

были признаны достаточной суммой для содержанія одного человѣка. Его товарищъ поспѣшилъ построить на этомъ шаткомъ основаніи цѣлую экономическую систему; но Геккеру это пустое знаніе, пріобрѣтенное съ такимъ трудомъ, доставило мало радости. Онъ уступилъ просьбамъ своей семьи и возвратился въ Нью-Іоркъ.

Несмотря на видимую покорность совѣтамъ своихъ родныхъ, онъ не отказался отъ своихъ гуманныхъ идей; только онъ думалъ найти въ своемъ собственномъ домѣ средства примѣнить ихъ. Негоціантъ, имѣющій подъ своимъ начальствомъ многочисленный персоналъ, пользующійся извѣстнымъ авторитетомъ между своими подчиненными, можетъ конечно воспользоваться этимъ авторитетомъ для ихъ нравственнаго усовершенствованія и ихъ физическаго благосостоянія. Молодой человѣкъ согласился снова жить вмѣстѣ, но только поставивъ нѣкоторыя условія. Вопервыхъ, онъ хотѣлъ имѣть только подъ своимъ руководствомъ личный составъ заведенія. Вовторыхъ, онъ потребовалъ, чтобы сумма доходовъ дома оставалась нераздѣльной и чтобы никто изъ трехъ компаньоновъ не имѣлъ особаго дохода.

Его братья, которые его любили и которыхъ его возвращеніе очень обрадовало, согласились на эти предложенія съ удивительнымъ безкорыстіемъ. Тотчасъ же обширная и просторная зала была устроена возлѣ магазиновъ. Геккеръ снабдилъ ее книгами, газетами, журналами, устроилъ въ ней различныя игры и предложилъ рабочимъ проводить въ ней ихъ свободные часы. Самъ онъ старался всѣми средствами образовать ихъ, поощрять и помогать имъ добрыми совѣтами. Но чѣмъ болѣе онъ отдавался этому дѣлу, тѣмъ болѣе онъ чув-

ствовалъ горькую печаль въ своемъ сердцѣ. Онъ хотѣлъ просвѣтить, направить другихъ, между тѣмъ самъ онъ былъ лишенъ свѣта; онъ хотѣлъ накормить ихъ, а самъ былъ только бѣдный нищій, умирающій съ голоду. Слѣпой и несчастный, что могъ онъ сдѣлать для другихъ слѣпыхъ? Онъ старался научить ихъ ихъ обязанностямъ, но самъ не зналъ никакого непогрѣшимаго авторитета, способнаго поддержать его ученіе; онъ не зналъ, въ чемъ заключаются истинныя обязанности человѣка.

Утомленный наконецъ задачей, которую онъ чувствовалъ себя неспособнымъ исполнить, онъ покинулъ ее, чтобы снова отдаться своимъ философскимъ занятіямъ. Дѣйствительно, неуспѣхъ его первыхъ попытковъ не только не привелъ его въ отчаяніе, но напротивъ онъ былъ болѣе чѣмъ когда нибудь намѣренъ не тратить свой умъ и свои силы на пріобрѣтеніе богатства, которое не могло льстить его честолюбію, ибо оно могло давать человѣку только суетный излишекъ. Для того же, чтобы руководить товарищами по труду, надо было начать съ самообразованія.

Фурьеризмъ былъ въ это время съ большимъ блескомъ перенесенъ въ Соединенные Штаты однимъ богатымъ молодымъ человѣкомъ изъ хорошаго семейства по имени Бризбанъ. Журналъ *Tribune* распространялъ въ Нью-Іоркѣ тѣ прискорбныя заблужденія, которыя соблазнили столько умовъ и посѣяли столько гибельныхъ зародышей. Геккеръ хотѣлъ познакомиться съ системой Фурье; но наученный прежними опытами, онъ скоро открылъ всю ея пустоту. Разумѣется, не здѣсь была та истина, къ которой онъ стремился и которою человѣчество должно было питаться.

Итакъ, постепенно членъ различныхъ протестант-

скихъ сектъ, ученикъ философскихъ школъ, рабочій—негоціантъ, онъ уже обращалъ свой алчущій взоръ на всѣ доктрины, управляющія міромъ, среди котораго онъ жилъ, и отвернулся отъ нихъ. Ему представлялось богатство, матеріальное наслажденіе, и онъ съ презрѣніемъ отвергъ ихъ. Однако ему было только еще двадцать два года. Какую умственную дѣятельность надо имѣть, чтобы пройти въ эти годы такой обширный кругъ занятій и трудовъ? Какую глубину мысли, какое благородство души, чтобы узнать пустоту софизмовъ, ничтожность богатствъ?!

Хотя онъ обращался за успокоеніемъ вѣры ко многимъ религіознымъ системамъ, однако его умъ никогда не останавливался на одной изъ нихъ, именно на католицизмѣ. Какъ, дѣйствительно, предполагать, что этотъ устарѣвшій культъ, считающій въ своей средѣ только небольшое число бѣдныхъ ирландскихъ рабочихъ, стоитъ серьознаго изслѣдованія. Ненависть одного врага католической церкви вывела его изъ заблужденія.

Около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, одинъ Нью-Іоркскій проповѣдникъ, по имени Браунлау, возымѣлъ странную мысль возбудить въ странѣ, какъ Соединенные Штаты, религіозную ненависть и предать католицизмъ общему проклятію. Неспособный достигнуть извѣстности талантомъ, онъ хотѣлъ пріобрѣсти ее скандаломъ. Его проектъ сначала удался, ибо онъ прикрывалъ благочестивою маской дурныя страсти, которыя онъ имѣлъ цѣлью возбудить; и хотя Америка, ставя выше всякаго другаго блага право каждаго человѣка поклоняться Богу по своей совѣсти, давно уже водрузила знамя религіозной свободы, однако закваска пуританскаго фанатизма еще жила въ ней; къ этому-то

чувству обратился пылкій Браунлау. Его яростныя ругательства привлекали толпу въ капеллу Четэмъ — стрита. Поощренный успѣхомъ, онъ рѣшился нанести послѣдній ударъ великой *римской проституткѣ;* одному журналу, называемому *Паденіемъ Вавилона*, было поручено отзвонить по ней послѣднюю заупокойную обѣдню. Но когда прошла первая минута возбужденія, американцы устыдились своего увлеченія. Серьезные умы спрашивали себя, дѣйствительно ли католицизмъ такое гнусное чудовище, какъ его описываетъ Браунлау; а когда искренній человѣкъ находится въ присутствіи истины, то отъ изученія до вѣры разстояніе не далекое.

Геккеръ присутствовалъ при яростныхъ проповѣдяхъ учителя Четэмъ — стрита и читалъ *Паденіе Вавилона*. Между оскорбленіями, наполнявшими этотъ листокъ, находилось нѣсколько рѣшеній Тріентскаго собора, которыя авторъ считалъ особенно способными возбудить общественное мнѣніе противъ католической церкви. Съ живѣйшимъ удивленіемъ и чрезвычайнымъ волненіемъ прочелъ молодой Геккеръ мудрый приговоръ, осуждающій ученіе Лютера о «*Оправданіи помощію только одной вѣры*». Онъ всегда считалъ этотъ принципъ весьма сомнительнымъ. Католическій догматъ казался ему болѣе соотвѣтствующимъ разуму, болѣе согласнымъ съ голосомъ совѣсти. Богъ, создавъ человѣка разумнымъ и свободнымъ, сдѣлалъ его слишкомъ великимъ, чтобы не предоставить ему никакого участія въ дѣлѣ его спасенія. Все въ насъ возмущается противъ той мысли, что наши усилія для пріобрѣтенія добродѣтели совершенно безразличны въ глазахъ небеснаго отца; нравственность, человѣческое достоинство, божественная справедливость одинаково ее отвер-

гаютъ. Нашъ молодой протестантъ съ удовольствіемъ увидѣлъ также, что доктрины Кальвина, нетерпимость которыхъ всегда внушала ему глубокое отвращеніе, явно осуждались католическою церковью.

Красота и возвышенность католической вѣры плѣнили умъ Геккера; еще нѣчто болѣе сильное должно было привлечь его сердце. Онъ жаждалъ самопожертвованія и открылъ, что католическая церковь обладаетъ именно божественной наукой обращать къ общему благу всѣ виды жертвъ. Нѣтъ ни одного великодушнаго стремленія, которое не нашло бы себѣ тамъ удовлетворенія: одинъ мечтаетъ о сосредоточенности и уединеніи; другой—о борьбѣ и случайностяхъ; этотъ—о служеніи великому дѣлу человѣчества; тотъ хочетъ заключить свои скромные труды въ своей деревнѣ; всѣ они имѣютъ въ церкви мать, которая понимаетъ ихъ принимаетъ, благословляетъ и поощряетъ.

Совѣтъ, данный ученику, который спрашивалъ о пути къ блаженству: «продай все твое имущество, раздай его бѣднымъ; оставь ради меня твой домъ и твою мать», былъ примѣненъ такъ прекрасно къ практикѣ католицизмомъ, однимъ только католицизмомъ. Молодая дѣвушка, въ которой видъ страданія возбуждаетъ нѣжное состраданіе и руки которой искусны въ перевязываніи ранъ, въ уходѣ за больными; развитая женщина, чувствующая призваніе къ просвѣщенію невѣжества; человѣкъ, обладающій краснорѣчіемъ и желающій пробудить преступную совѣсть; наслѣдница, стремящаяся къ лучшей цѣли, чѣмъ сдѣлаться мишенью честолюбцевъ; эти души, одаренныя столь различными склонностями, находятъ полезное употребленіе для ихъ дѣятельности: вмѣсто отвращенія, которое ожидаетъ въ свѣтѣ сердца, созданныя для болѣе чистой атмосферы,

они испытываютъ ту свѣтлую радость, которую всегда утверждаетъ гармонія способностей съ исполняемымъ трудомъ. Католическая религія имѣетъ бальзамъ для всѣхъ ранъ, работу для всѣхъ рабочихъ; она выказываетъ полное знаніе малѣйшихъ изгибовъ человѣческой натуры. Этотъ фактъ показался Геккеру новымъ доказательствомъ ея божественности, ибо только одному тому, кто насъ создалъ, принадлежитъ умѣніе такъ хорошо отвѣчать на наши потребности.

Мы не будемъ описывать чувства молодаго человѣка, когда послѣ шести лѣтъ ожиданія и тревожныхъ изысканій онъ увидѣлъ наконецъ предъ собою блескъ той истины, къ которой онъ такъ страстно стремился; тѣ, которые испытали подобныя святыя волненія, могутъ одни понять, что происходило въ немъ.

Въ пылу своей благодарности, онъ рѣшился посвятить себя Богу и употребить свою жизнь на привлеченіе душъ къ этой церкви, показавшейся ему столь прекрасною. Онъ отправился въ одну германскую семинарію приготовиться къ священству, и лишь только онъ вступилъ въ духовное званіе, онъ вернулся въ Соединенные Штаты. Побуждаемый, подобно всѣмъ американцамъ, горячимъ патріотизмомъ и хорошо зная, что истина настолько же способствуетъ величію націй, какъ и счастію отдѣльныхъ личностей, онъ, возвращаясь въ свою страну съ цѣлью проповѣдывать въ ней католицизмъ, думалъ этимъ совершить для нея самое полезное дѣло. Новый Свѣтъ представлялъ, впрочемъ, громадное поле для рвенія апостола; почва была хорошо подготовлена и жатва обѣщала быть обильной.

Нью-Іоркскій архіепископъ организовалъ миссіи во всѣхъ приходахъ города, чтобы пробудить вѣрность вѣрующихъ и предостеречь ихъ противъ опасности,

которой могла подвергнуться ихъ вѣра въ протестантской странѣ. Извѣстно то благо, которое это превосходное учрежденіе, обязанное милосердію св. Винцента де-Поль, совершаетъ во Франціи; оно уничтожаетъ въ душахъ смертельный холодъ равнодушія, оно служитъ средствомъ противъ застоя привычки. Тотъ лишь остается нечувствительнымъ къ голосу своего пастыря, слишкомъ часто слышанному, кто побѣждается словами чужестранца. Иной давно уже не приходитъ больше въ церковь и не исполняетъ своей обязанности христіанина и даже честнаго человѣка; но привлекаемый любопытствомъ онъ входитъ туда и душа его озаряется свѣтомъ.

Геккеръ прошелъ большое число округовъ Новой Англіи, но всѣ слушатели здѣсь принадлежали къ католицизму; едва одинъ протестантъ примѣшивался кое когда къ группѣ вѣрующихъ. Мечта и постоянная забота Геккера была — принести доброе слово своимъ прежнимъ товарищамъ по заблужденію. Сколько людей, думалъ онъ, борется во тьмѣ и истощается въ тщетныхъ усиліяхъ понять химеру! Въ ихъ филантропическихъ идеяхъ недостаетъ только направленія; за отсутствіемъ свѣта они перешли бы въ опасныя и пустыя утопіи. О. Геккеръ помнилъ также, какъ долго онъ проходилъ мимо истины, не зная ея, и сказалъ себѣ, что пора наконецъ сдернуть завѣсу невѣжества, скрывающую ея великолѣпіе отъ глазъ Американцевъ. Убѣжденный, что близко то время, когда католицизмъ восторжествуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ обращался къ вѣрующимъ съ просьбой содѣйствовать изо всѣхъ силъ намѣреніямъ Провидѣнія.

Проникнутый этими мыслями, нашъ миссіонеръ рѣшилъ, что основаніе новаго монашескаго ордена было

бы полезно для блага душъ. Онъ поставилъ его подъ покровительство святаго Павла. Но гдѣ помѣстить новую конгрегацію? Предыдущая дѣятельность о. Геккера привела его въ сношеніе съ большимъ числомъ приходовъ; онъ посѣтилъ ихъ одинъ за другимъ и отъ Квебека до Новаго Орлеана собралъ обильныя пожертвованія. На эти деньги онъ купилъ участки земли на концѣ Нью-Іорка, между рѣкою Гудсономъ и мѣстомъ, на которомъ простирается теперь *Central-Park*. На этомъ мѣстѣ были только хижины, обитаемыя пастухами. Архіепископъ рѣшилъ, что это бѣдное населеніе составитъ приходъ, пастыремъ котораго онъ назначилъ о. Геккера. Скоро была построена новая церковь; затѣмъ, рядомъ съ ней возвысился монастырь *Павлистовъ*, домъ священника, школа, коллегія.

Итакъ, дѣло, предназначавшееся по мысли основателя привлечь къ католицизму самые просвѣщенные умы Америки, началось проповѣдываніемъ Евангелія смиреннымъ и невѣжественнымъ людямъ и находило въ этомъ крещеніи любви силу исполнить свое славное назначеніе.

«Одно изъ самыхъ трогательныхъ свойствъ римской церкви, свойство, которое трогаетъ серца и заставляетъ молчать возраженія разума, это, говоритъ одинъ протестантскій писатель, та заботливость, съ которою она относится къ самымъ бѣднымъ, къ самымъ угнетаемымъ членамъ человѣческой семьи. Она думаетъ сначала о нихъ, какъ мать заботится о своихъ младшихъ и слабѣйшихъ дѣтяхъ. Если бы я могъ обратиться къ католицизму, то это привлекло бы меня къ нему. Когда я ищу въ этомъ населенномъ городѣ Нью-Іоркѣ мѣсто, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ христіанскій духъ, я обращаюсь къ католи-

ческому приходу. Я вижу людей, сгорбленныхъ трудомъ, поблекшихъ отъ лишеній; ихъ жилища темны и нездоровы, но среди всѣхъ этихъ страданій свѣтится одно зданіе—церковь. Здѣсь бѣдный чувствуетъ себя подкрѣпленнымъ; живопись, музыка, скульптура, вся пышность величественнаго культа соединяются, чтобы возвысить его надъ страданіями этого міра и дать ему вкусить самыя утонченныя наслажденія, даваемыя человѣку здѣсь на землѣ. Кромѣ того, онъ всегда увѣренъ, что найдетъ въ церкви друга и отца, который выслушаетъ разсказъ о его страданіяхъ, смягчитъ ихъ горечь и утѣшитъ его. И это благословеніе, эти радости не даются ему въ видѣ милостыни: его динарій, присоединенный къ тысячамъ другихъ, поддерживаетъ великолѣпіе культа; церковь принадлежитъ ему: онъ способствовалъ ея построенію; школа его: онъ несетъ тяжесть расхода на нее; онъ вознаграждаетъ своихъ священниковъ и, благодаря разумной организаціи, все это стоитъ ему едва нѣсколько центовъ. Ничто вокругъ него не дѣйствуетъ такъ хорошо и съ такой большой экономіей; домовладѣлецъ заставляетъ его платить огромную цѣну за плохую квартиру, городская администрація оставляетъ передъ его дверьми кучи мусора; мелочные торговцы, у которыхъ онъ покупаетъ свою скромную провизію, имѣютъ съ каждаго предмета непомѣрную выгоду. Вездѣ, исключая церкви, онъ сталкивается съ трудностями и мелочностію жизни».

Зданіе, построенное о. Геккеромъ, превзошло надежды основателя. Десять лѣтъ прошло съ окончанія работъ, и въ этотъ короткій промежутокъ времени, городъ принялъ, со стороны Гудсона, такіе размѣры, что видъ прихода окончательно измѣнился. Община Павлистовъ не менѣе процвѣтаетъ: она состоитъ изъ

шести монаховъ (отличающихся какъ умомъ, такъ и знаніемъ), изъ двѣнадцати послушниковъ и изъ четырехъ служителей,—все протестанты, обращенные въ католичество о. Геккеромъ.

Мы сказали, что цѣль новой конгрегаціи привлекать къ здравымъ доктринамъ самыхъ удаленныхъ отъ нихъ людей. Но какъ добраться до нихъ? Какъ принудить ихъ слушать божественное слово, когда они хотятъ внимать только словамъ человѣческой мудрости? О. Геккеръ посмотрѣлъ вокругъ себя и увидѣлъ, что люди его времени, особенно въ Америкѣ, преклоняются передъ одной большой силой — передъ силой прессы. Павлисты начали редактировать статьи *Catholic World*, сочинять трактаты и множество маленькихъ томиковъ, предназначаемыхъ для библіотекъ воскресныхъ школъ. Изъ этихъ публикацій, однѣ раздавались даромъ въ омнибусахъ и общественныхъ мѣстахъ, другія поручались членамъ различныхъ религіозныхъ ассоціацій приходовъ для раздачи родителямъ и друзьямъ, не принадлежавшимъ къ католицизму. Такимъ образомъ, каждый вѣрующій дѣлался апостоломъ, и если онъ былъ неспособенъ самъ защищать свою вѣру, о. Геккеръ помогалъ ему своимъ краснорѣчіемъ.

Павлисты, зная хорошо свою страну, говорятъ съ нею ея языкомъ. Они стараются показать тѣсную связь, существующую между католицизмомъ и учрежденіями Соединенныхъ Штатовъ. Ихъ ученіе, столь полное любви къ бѣднымъ и слабымъ, принципы братскаго равенства, составляющіе его сущность, его уваженіе къ чужимъ правамъ дѣлаютъ его естественнымъ помощникомъ демократическихъ правительствъ, въ то время, какъ торжественность его церемоній, велико-

лѣпіе его церквей, пробуждаютъ въ душѣ крѣпкія, возвышенныя, деликатныя чувства, распространяютъ въ ней ту поэзію, которая слишкомъ часто недостаетъ республикамъ.

Еще другая причина должна, по мнѣнію о. Геккера, привлечь американцевъ къ католической церкви. Ни одна религія не поняла лучше, въ чемъ состоитъ достоинство человѣческой натуры; ни одна не провозгласила это болѣе громогласно, отличаясь въ этомъ отъ протестантизма, который такъ часто отвергалъ человѣческую свободу. О. Геккеръ не упускаетъ случая показать противорѣчіе, существующее между религіозными и политическими убѣжденіями американцевъ реформатскаго исповѣданія. «Когда они въ церкви, они говорятъ: Человѣкъ окончательно испорченъ». Затѣмъ съ трибуны они кричатъ: «Человѣкъ обладаетъ достаточнымъ чувствомъ справедливости, чтобы управлять самому собою, и достаточнымъ умомъ, чтобы имѣть право участвовать въ управленіи общественными дѣлами». «Въ душѣ католика, продолжаетъ о. Геккеръ, нѣтъ этихъ противорѣчій; то, что мы думаемъ какъ вѣрующіе, мы можемъ думать также, какъ граждане».

Павлисты предприняли примирить свое время съ католицизмомъ не только въ области политики. Сыны своего вѣка, они не отвергаютъ ни одного изъ его славныхъ дѣлъ; но они хотятъ, чтобы эти дѣла освящались религіей.

Великія дѣла совершаются на нашихъ глазахъ: непреодолимый потокъ демократіи распространяется вездѣ и перерождаетъ міръ; наука открываетъ нашимъ взорамъ новый горизонтъ; отчего же наша эпоха, столь высокая и въ умственномъ, и въ нравственномъ

отношенiи, не выказываетъ себя болѣе христiанскою? Не происходитъ ли это отъ того, что человѣкъ, слабое существо, несмотря на свою силу, не можетъ обнять все зданiе, въ которое онъ вложилъ свой камень; поэтому, не видя божественнаго намѣренiя, соединяющаго его дѣло съ дѣломъ вѣчности, онъ переполняется гордостiю или же падаетъ духомъ отъ страха. Необходимо, чтобы время, удаляя его мало по малу, позволило ему наконецъ увидѣть перспективу; тогда онъ понимаетъ, склоняется и обожаетъ.

Вѣра теперь уже видитъ это гармоническое отношенiе. Не платя наукѣ и разуму тѣми же оскорбленiями, которыми они осыпаютъ христiанство, она возвышается къ болѣе чистой сферѣ и провозглашаетъ ихъ обоихъ прекрасными дарами Творца; человѣкъ можетъ злоупотреблять ими, но рано или поздно они возвратятъ его къ Богу. Утѣшительны и прекрасны благородныя и гордыя слова, сказанныя о. Геккеромъ въ его сочиненiи «*Стремленiя природы*»: «Разумъ и воля дѣлаютъ человѣка существомъ отвѣтственнымъ; онъ не имѣетъ права, даже если бы хотѣлъ, отказаться отъ своей независимости». И далѣе: «Религiозная вѣра не отвергаетъ разума, не ограничиваетъ его области; напротивъ, она предполагаетъ его живымъ и дѣятельнымъ; она развиваетъ, возвышаетъ, облагороживаетъ его, примѣняя его силу къ содержанiю высшихъ истинъ».

Наука встрѣчаетъ не менѣе довѣрчивый прiемъ: «Геологъ, говоритъ краснорѣчивый настоятель павлистовъ, можетъ, не внушая намъ страха, проникать въ самый нѣдръ земли и похищать тамъ тайну теплоты, оживляющей ее; химикъ можетъ подвергать вещество своей ретортѣ, разсматривать помощью микроскопа

то, что ускользаетъ отъ взора; астрономъ—увеличить свои стекла и, такъ сказать, опустить высоту небесъ; историкъ—рыться въ лѣтописяхъ народовъ, разбирать гіероглифы на древнихъ памятникахъ; наконецъ, моралистъ можетъ обнаруживать самые скрытые изгибы человѣческаго сердца, философъ—ислѣдовать и объяснять законы, управляющіе самодержавнымъ разумомъ человѣка. О ученые! Католицизмъ не боится васъ. Онъ призываетъ, онъ поощряетъ ваши самыя смѣлыя усилія, знаетъ, что, дойдя до конца вашихъ горячихъ изысканій, вы будете принуждены признать, что ваши работы подтверждаютъ его ученіе и что ваши открытія прибавляютъ новыя жемчужины къ вѣнцу истины, украшающему его чело».

Итакъ, въ то время какъ протестантизмъ представляетъ образецъ смятенія, католическая церковь, сильная своимъ единствомъ, сильная величіемъ и гармоніей своихъ принциповъ, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все больше и больше господства надъ умами.

Почти во всѣхъ городахъ Америки восемь или десять реформатскихъ сектъ борятся одна съ другой и взаимно ослабляютъ другъ друга, ибо очевиднымъ образомъ доказываютъ, до какой степени индивидуальное чувство подвержено заблужденію и легко противорѣчитъ само себѣ. *Clergymen*, поставленные во главѣ этихъ церквей, не могутъ имѣть той святой свободы, которая подобаетъ проповѣднику Евангелія; хлѣбъ ихъ женъ и дѣтей и ихъ положеніе находятся во власти конгрегаціи; надо щадить вліятельныя лица, отъ которыхъ зависитъ будущее семьи.

Какую противоположность составляетъ съ этими находящимися въ зависимости пасторами, толкователями измѣнчивыхъ, лишенныхъ авторитета доктринъ, благо-

родная фигура католическаго священника, когда онъ является облеченный въ свою гордую бѣдность, вооруженный своимъ непреложнымъ символомъ, освѣщенный вѣрою столькихъ вѣковъ! Здравый смыслъ и религіозный духъ американцевъ признаютъ это въ настоящее время. Одна статья *Atlantic Monthly* даетъ намъ статистику успѣховъ католицизма на всемъ пространствѣ Союза. Въ началѣ настоящаго столѣтія въ немъ считалось только: одинъ католическій епископъ, 53 священника и приблизительно 90,000 вѣрующихъ; теперь тамъ 7 архіепископовъ, 40 епископовъ, болѣе 3000 священниковъ, 65 коллегій, 56 мужскихъ монастырей, 189 женскихъ и 4,800,000 свѣтскихъ членовъ. Въ томъ же 1800 году католики представляли въ Соединенныхъ Штатахъ пропорцію 1 къ 70; они составляютъ теперь шестую часть населенія. Въ періодъ времени отъ 1840 до 1850 года ихъ число увеличилось на 125%, тогда какъ общая цифра увеличилась только на 36%. Если распространеніе католической церкви будетъ и впредь столь же быстро, то лѣтъ черезъ тридцать она соединитъ треть населенія и въ самыхъ вліятельныхъ штатахъ католики будутъ составлять большинство.

Американская система общественнаго воспитанія удостоилась многихъ похвалъ, и похвалъ справедливыхъ. Мы старались дать вѣрное понятіе о ней; показали то, что въ ней дѣйствительно прекраснаго, и не скрыли также ея недостатковъ.

Прекрасна мысль соединить въ однѣхъ и тѣхъ же школахъ всѣхъ дѣтей страны, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ, и давать имъ общее образованіе. Однако, это братское учрежденіе встрѣчаетъ на практикѣ много препятствій, которыя еще не удалось преодолѣть. Этимъ-то и объясняется возрастающій успѣхъ католи-

ческихъ заведеній. Распространять образованіе, защищать право, которое имѣетъ каждое человѣческое существо, право освобождать себя отъ тьмы невѣжества, такова была постоянная забота католической церкви. Только, болѣе предусмотрительная, чѣмъ мудрость сего міра, она налагала на себя обязанность просвѣщать умъ подъ видомъ долга, исполняемаго богатымъ, а не права, требуемаго бѣднымъ. Цѣль была одна и та же, но наша церковь вела къ ней путемъ милосердія. Тѣ, которые безпристрастно изучали ея исторію, знаютъ какъ настойчиво требовала она просвѣщенія невѣжества, этого нравственнаго недуга, который погружаетъ въ бездѣйствіе самыя лучшія способности души. Прійдя для того, чтобы возвысить человѣка, христіанство должно было стараться ввести его во владѣніе его разумомъ; какъ оно вооружило его волю противъ зла, какъ оно побороло, помощью дѣятельнаго самопожертвованія, физическія страданія. Древнее проклятіе коснулось сердца, ума и тѣла; необходимо было тройное возрожденіе. Поэтому, мы видимъ католицизмъ посвящающимъ себя во всякое время тремъ различнымъ дѣятельностямъ; за распространеніемъ вѣры неразлучно слѣдуютъ благотворительность и народное образованіе; благочестивые монашескіе ордена, распространяютъ въ свѣтѣ нравственную и религіозную истину, облегчаютъ страданіе во всѣхъ его видахъ, посвящаютъ себя на разрушеніе царства невѣжества.

Поэтому неудивительно, что католическая церковь, едва лишь перенесенная въ Соединенные Штаты, имѣетъ школы, способныя соперничать съ лучшими общественными заведеніями, и даже превосходящія ихъ во многихъ отношеніяхъ. Какъ бы ревностны ни были свѣтскіе учителя, сестры милосердія и братья христіанскаго

ученія не уступаютъ имъ ни въ научномъ знаніи, ни въ самопожертвованіи. Католики находятъ въ своихъ школахъ религіозное образованіе, которое слабо и недостаточно въ школахъ государства; протестанты удивляются въ нихъ порядку, методѣ, превосходной организаціи занятій.

Преимущество католическихъ школъ выказывается и въ высшемъ преподаваніи. Извѣстно, что частная инціатива создала въ Америкѣ множество коллегій и академій, гдѣ молодые люди обоего пола заканчиваютъ образованіе, даваемое общественными школами. Но профессора, находящіеся во главѣ этихъ заведеній, не всегда представляютъ желательныя гарантіи научнаго знанія. Кромѣ того безпокойная дѣятельность американскаго характера мѣшаетъ посвящать каждому занятію необходимое время, обхватываютъ за разъ слишкомъ много, и поэтому пріобрѣтаютъ только поверхностное знаніе. Этихъ недостатковъ нѣтъ въ католическихъ заведеніяхъ: учителя, тщательно испытанные, обладаютъ обширнымъ знаніемъ и вносятъ въ преподаваніе дисциплину и терпѣливый духъ католической церкви.

Между американскими коллегіями справедливо пользуются безпримѣрною извѣстностью коллегіи іезуитовъ. Протестанты признаютъ это превосходство; дѣти многихъ изъ нихъ посѣщаютъ курсы католическихъ школъ; въ заведеніяхъ первоначальнаго образованія, также какъ и въ высшихъ заведеніяхъ, приблизительно треть учениковъ принадлежитъ реформатскому вѣроисповѣданію.

«Эти монастыри и эти религіозныя коллегіи, говоритъ одинъ американскій журналъ, лишены большей части тѣхъ неудобствъ, въ которыхъ упрекаютъ наши академіи. У насъ слишкомъ забываютъ, что дѣти не

входятъ въ первую статью Декларацiи независимости. Католическая церковь, напротивъ, всегда принимала за правило, что съ ними надо обращаться какъ съ дѣтьми, т. е., какъ съ несовершеннолѣтними, неспособными руководить собою, и капризы которыхъ надо сдерживать, если не желаютъ, чтобы они нанесли себѣ неисправимый вредъ. Въ религiозныхъ общинахъ учителя достаточно независимы, чтобы быть уважаемыми учениками, и не достаточно для того, чтобы ихъ авторитетъ перешелъ въ тиранiю. Самыя одежды монахини, брата христiанскаго ученiя, сестры Святаго Винцента де-Поля, ихъ обращенiе, полное кротости и достоинства, внушаютъ уваженiе и показываютъ дѣтямъ богатыхъ, что обладать пышными дворцами, украшенными мраморными колоннами и лѣстницами, не составляетъ еще высшаго и самаго завиднаго общественнаго различiя.»

Обращенiя въ католическую вѣру были, повидимому, многочисленнѣе послѣ гражданской войны Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ прежде. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одна миссiя въ одномъ только приходѣ Нью-Iорка, приходѣ Святаго Стефана, обратила сто человѣкъ.

Религiозное движенiе приняло также новый характеръ, достойный вниманiя. До сихъ поръ наибольшее число обращенiй считалось особенно между бѣдными, между рабочими изъ ирландскихъ эмигрантовъ. Здравый смыслъ народа видѣлъ на дѣлѣ эту древнюю вѣру, всегда столь юную, столь полную жизни и крѣпости. Онъ сравнилъ ее съ ея соперницами — и примкнулъ къ ней. Свѣтъ медленнѣе распространялся въ высшихъ классахъ. Образованный человѣкъ желаетъ, чтобы разумъ изучилъ и провѣрилъ фактъ, прежде чѣмъ онъ

его приметъ. Католицизмъ побѣдоносно прошелъ и этотъ второй фазисъ. Послѣднія обращенія менѣе значительны числомъ, чѣмъ общественнымъ положеніемъ неофитовъ, вышедшихъ большею частью изъ тѣхъ классовъ общества, въ которыхъ недавно еще смотрѣли на католическую церковь съ гордымъ презрѣніемъ.

Благочестивыя и нѣжныя души давно уже утомлены сухостью протестантизма. Мѣсто, оставленное сомнѣнію (благодаря свободному изслѣдованію), неопредѣленность вѣры, опирающейся только на индивидуальный разумъ, опечаливаетъ и приводитъ въ отчаяніе. Холодная строгость культа неспособна разсѣять это впечатлѣніе: нѣтъ ничего, чтобы подкрѣпляло сердце и распространяло въ немъ радость; будто служеніе Богу должно быть печально и угрюмо. Развѣ такъ подходятъ дѣти, полныя любви къ отцу, снисходительность и доброту котораго они знаютъ?

Наконецъ (и, можетъ быть, больше, чѣмъ все остальное), видъ *пробужденій—revivals*, этихъ взрывовъ религіознаго чувства, которое, не зная куда дѣваться, обращается къ отчаянію и къ безумію, этотъ видъ возвращаетъ разумныхъ людей къ спокойному и свѣтлому единству католицизма.

Внутреннія несогласія, которыя грозили разорвать связь американскаго союза, прибавили къ этимъ общимъ причинамъ сближенія еще одну новую — общественный интересъ. Католическая церковь избѣжала заразы раздѣленія; она съумѣла удержаться въ сторонѣ отъ политическихъ раздоровъ. Миръ, который она сохранила среди страстей борьбы, волновавшихъ страну, былъ для серьезныхъ умовъ доказательствомъ непреодолимой силы. Впродолженіе всей войны, на югѣ, какъ на сѣверѣ, ея священники исполняли, безъ

различія партій, святую обязанность милосердія. Одинъ протестантскій генералъ, который въ эту несчастную эпоху пользовался значительною властью, отдавалъ полную справедливость преданности полковыхъ католическихъ священниковъ: «они одни на полѣ битвы, говорилъ онъ, выказали себя достойными своего назначенія».

Примѣръ Америки доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что католической церкви нечего бояться свободы. Опытъ былъ сдѣланъ и результаты бросаются въ глаза. Среди протестантскаго общества, среди молодаго и смѣлаго народа, который не побоялся довести до послѣднихъ предѣловъ принципы независимости, католицизмъ развился съ силою растенія, посаженнаго въ почву и въ климатъ наиболѣе для него благопріятные.

Дѣйствительно, то, что есть лучшаго въ духѣ нашего вѣка—уваженіе къ личной свободѣ, любящее милосердіе, отраженіемъ котораго служитъ филантропія, уваженіе къ человѣческому величію, даже подъ смиренной и бѣдной одеждой, всѣ эти чувства, существенно христіанскія, внесены въ міръ Спасителемъ.

До него были свободные народы, то есть существовали ассоціаціи гражданъ, которые называли себя націей и которые, гордясь своими суровыми добродѣтелями, своимъ благороднымъ умомъ, отказывались склонять голову передъ властелинами. Но они не составляли всю націю, ибо они ни во что считали своихъ рабовъ, часто болѣе многочисленныхъ, чѣмъ они сами, и эти народы, слава древнихъ вѣковъ, попирали ногами самыя святыя права: Спарта имѣла своихъ илотовъ, Римъ стремился поработить весь міръ.

Христіанство первое научило любить человѣка и

уважать его достоинство. Современный демократическій духъ рожденъ отъ Евангелія; зачѣмъ же онъ сдѣлался бы гибельнымъ для него? Между ними существуетъ, напротивъ, тѣсная симпатія. Друзей церкви не должно страшить движеніе, влекущее въ наше время общества къ свободнымъ учрежденіямъ. Конечно, прошедшее доказываетъ, что слово «демократія» можетъ иногда прикрывать самое грубое притѣсненіе, самый нетерпимый изъ всѣхъ деспотизмовъ—деспотизмъ массы. Францiя, обманутая блестящими теоріями Руссо, долго питала заблужденія, которыя чуть не привели ее къ пропасти. Отказавшись отъ христіанскихъ идей о правѣ и человѣческой свободѣ, она вернулась на двадцать вѣковъ назадъ, чтобы преклониться передъ какимъ-то языческимъ призракомъ національнаго самодержавія. Воля народа, соединеніе частной воли отдѣльныхъ личностей, распространилась на все, все обняла, все поработила; она сдѣлалась, однимъ словомъ, чудовищной тираніей, о которой мы еще хранимъ тяжелое воспоминаніе.

Но если эти прискорбные софизмы, эти гнусныя крайности пагубны для религіи, то они убиваютъ и свободу; поэтому-то въ качествѣ гражданъ еще болѣе, чѣмъ въ качествѣ вѣрующихъ, мы отвергаетъ ихъ со всей нашей энергіей. Мы желаемъ вѣрить, что Францiя, наученная грустнымъ опытомъ, не позволитъ ввести себя въ заблужденіе. Она пойметъ, подобно Америкѣ, что самодержавіе народа заключается только въ общей волѣ, примѣняемой къ общимъ интересамъ націи; когда она хочетъ перейти эту границу, когда она хочетъ регламентировать личную свободу, совѣсть, мысль, драгоцѣнныя и нераздѣльныя права, которыя человѣкъ получилъ отъ Бога и въ которыхъ онъ дол-

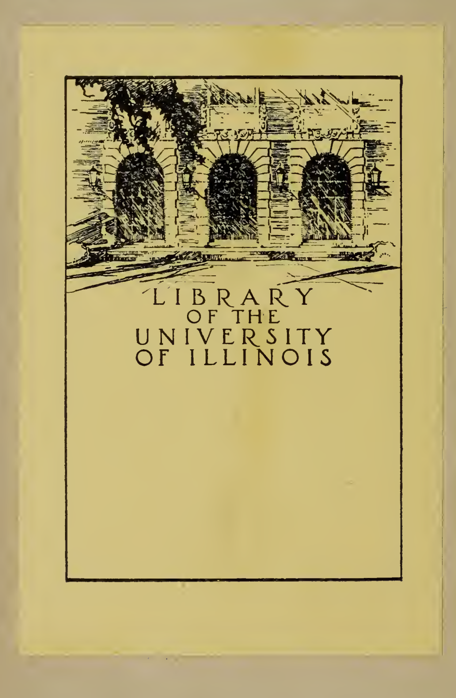
женъ отдавать отчетъ только Богу, она переходитъ въ деспотизмъ. «Государство существуетъ, говоритъ Эдуардъ Лабулэ *), для охраненія правъ гражданъ. Если оно завладѣваетъ ими, какой же оно имѣетъ смыслъ? Какъ бы оно ни ссылалось на общественную безопаснось, оно дѣлается не болѣе какъ орудіемъ власти».

Демократія, понятая въ ея истинномъ смыслѣ, должна произвести вездѣ, въ Европѣ какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ, при монархическомъ правленіи какъ и при республиканскомъ, благопріятные и полезные результаты. Къ несчастію, у насъ ей придется выдержать еще много борьбы съ заблужденіями, прикрывающими себя ея именемъ, унижающими ее и подрывающими къ ней довѣріе. Легкомысленные друзья, которыхъ прошедшее ничему не научило и которые отворачиваются отъ примѣра націй, подвинувшихся болѣе чѣмъ мы по пути прогреса, стараются разъединить ее съ религіей, отвергнуть христіанскіе принципы, которые одни способны дать ей жизнь. Большое число людей, испуганные, не безъ причины, этими стремленіями, соединяются вмѣстѣ, чтобы изгнать ее какъ врага общественнаго порядка. Сколько времени будетъ Франція бороться съ этими противоположными вліяніями, прежде чѣмъ найдетъ миръ въ истинѣ? Никто не можетъ это предвидѣть. Но что мы знаемъ, это то, что обязанность каждаго—опровергать ложныя идеи, уничтожающія во Франціи причину свободы; что мы знаемъ также, это то, что, что бы ни случилось, религія выйдетъ побѣдоносно изъ испытаній. Тѣмъ, кто сомнѣвается и безпокоится, мы ничего не можемъ лучше сказать, какъ напомнить превосходныя слова о. Лакордэра:

*) «Исторія Соединенныхъ Штатовъ».

«Что можно сдѣлать противъ церкви, вооруженной разумомъ и любовью, самымъ высшимъ разумомъ и самой высшею любовью? Можно только оставлять ее свободной, покровительствовать ей или преслѣдовать ее. Если ее оставятъ свободной, она разовьетъ всѣ свои средства; она привлечетъ сначала одну душу, затѣмъ другую; она распространится такъ, что земные государи скажутъ въ удивленіи: Что это за сила, которая наполняетъ наши города, наши деревни, наши площади и которая сдѣлаетъ пустынными наши дворцы? И государи избираютъ между двумя рѣшеніями: покровительствовать церкви или преслѣдовать ее. Если церковь покровительствуется, то это сила, прибавленная къ другой силѣ. Если ее, напротивъ, преслѣдуютъ, то настаетъ прекрасный моментъ: тотъ, который Богъ допустилъ во времена мучениковъ, который онъ допускаетъ еще и теперь, когда церковь бездѣйствуетъ. Преслѣдованіе! Да вѣдь мы оттуда пришли, это наша колыбель. Гдѣ мы были бы теперь, еслибы восемнадцатый вѣкъ продолжилъ свой миръ? Но началось преслѣдованіе, и теперь, если насъ ищутъ—мы живемъ, мы здѣсь».

Будемъ же бдительны, но спокойны и довѣрчивы и, не обманывая себя относительно окружающихъ насъ опасностей, признаемъ то, что есть великодушнаго въ духѣ нашего времени. Нельзя остановить потокъ идей вѣка. Это рѣка, которую столь же безполезно, какъ и опасно останавливать въ ея теченіи; лучше воспользоваться ея силой, ибо она несетъ плодородіе и, мудро направленная, распространитъ изобиліе.

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS